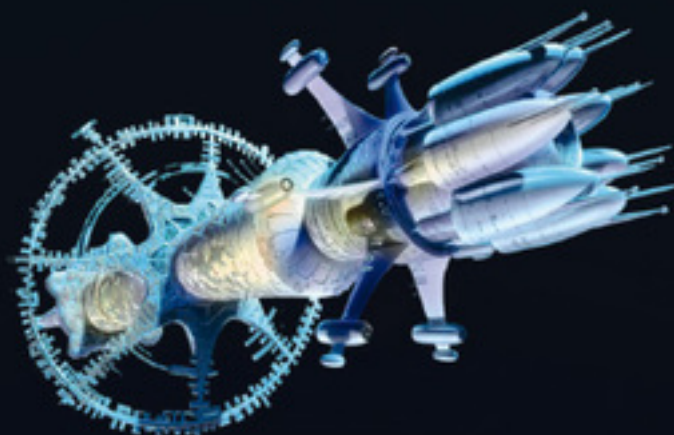

Увиденное Рейнольдсом будущее — это абсолютный холод
и кромешная мгла межзвездного пространства,
где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

аластер рейнольдс

ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ

«Пространство Откровения» — впечатляющий первый роман цикла
и, вполне возможно, лучшая космоопера года.

Locus

Пространство Откровения

Аластер Рейнольдс

Пространство Откровения

«Азбука-Аттикус»

2000

Рейнольдс А.

Пространство Откровения / А. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус», 2000 — (Пространство Откровения)

Около миллиона лет назад на планете Ресурге́м погиб народ амарантийцев – разумных потомков нелетающих птиц. Это случилось вскоре после того, как они освоили технологию космических путешествий. Археолог Дэн Силвест готов идти на любой риск, чтобы разгадать секрет исчезновения амарантийской цивилизации. Иначе, убежден ученый, ее печальную судьбу может разделить расселившееся по планетам человечество. В результате мятежа Силвест лишился помощников и ресурсов, более того, он поставлен вне закона. Не видя других средств для достижения своей цели, он шантажом привлекает в союзники экипаж торгового звездолета «Ностальгия по бесконечности». Кажется, меньшим риском было бы заключить сделку с дьяволом. Вековые скитания в космосе, постоянная борьба за выживание превратили этих людей в расчетливые механизмы. Они безжалостны, бесстрашны и изобретательны, и они привыкли любой ценой добиваться своего. И один из них, между прочим, прибыл на Ресурге́м с тайным поручением убить Силвеста...

© Рейнольдс А., 2000

© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	43
Глава четвертая	58
Глава пятая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Аластер Рейнольдс

Пространство Откровения

REVELATION SPACE Alastair Reynolds

Copyright © 2000 by Orion Publishing Group

© В. Ковалевский (наследник), перевод, 2014

© Н. Штуцер (наследник), перевод, 2014

© ООО Издательская Группа „Азбука-Аттикус“, 2014

Издательство АЗБУКА

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая

Сектор Мантиль, северная часть массива Нехбет, Ресургом, Система Дельта Павлина, год 2551-й

Надвигалась бритвенная буря.

Силвест стоял на краю раскопа и думал: переживут ли плоды его трудов эту ночь? Территория археологических раскопок представляла собой ряд глубоких шурфов квадратного сечения, разделенных крутобокими холмами извлеченной земли. Шурфы закладывались по классической сетке Уиллера. Они уходили вглубь на десятки метров и были обтянуты прозрачной тканью, сотканной из гипералмазных нитей. Миллионы лет стратифицированной геологической истории лежали за этим покрытием. Но что дальше? Одна-единственная песчаная буря – и все шурфы будут засыпаны до самого верха.

– Получено подтверждение, сэр, – сказал кто-то из рабочих, подойдя к Силвесту со стороны первого вездехода; дыхательная маска приглушала его голос. – Кювье только что передал штормовое предупреждение для всей северной части горного массива Нехбет. Всем бригадам, работающим на поверхности, рекомендовано вернуться на ближайшие базы.

– Ты хочешь сказать, что мы должны собрать манатки и укатить в Мантиль?

– Ожидается буря невероятной силы. – Рабочий нервно стянул ворот своей ветровки. – Прикажете дать распоряжение о полной эвакуации?

Силвест поглядел на раскопки. Стенки шурфов сверкали под лучами прожекторов, установленных по всей площадке. Дельта Павлина в этих широтах никогда не поднималась достаточно высоко над горизонтом, чтобы дать хорошую освещенность. Сейчас же она висела почти у самой линии горизонта, да к тому же была полускрыта густыми облаками пыли – слабый ржавый мазок на небе, почти незаметный для невооруженного глаза. Скоро появятся и пыльные вихри, они помчатся над птеростепью тысячами раскрученных до бешеной скорости волчков. А за ними последует и главный удар бури, вздымающейся над горизонтом огромной черной наковальной.

– В отъезде нет необходимости, – сказал Силвест. – Мы тут вполне прилично прикрыты. Ты, должно быть, не заметил, но вон на тех валунах почти отсутствуют следы ветровой эрозии. Если будет очень сильная буря – что ж, запремся в вездеходах.

Рабочий бросил взгляд на валуны и покачал головой, словно не поверил собственным ушам.

– Сэр, Кювье дает предупреждения такой категоричности не чаще раза или двух в год. Эта буря посильнее любой, что мы видели.

– Не говори за всех; она посильнее любой, что видел ты, – отозвался Силвест, заметив, что взгляд собеседника вильнул в сторону. – Вот что я тебе скажу: мы не можем бросить раскопки. Это ясно?

Подчиненный снова обвел взглядом площадку:

– Мы можем прикрыть шурфы чем-нибудь сверху. Вкопать радиомаяки. Даже если шурфы засыплет буря, мы найдем их и вернемся. Вот на это самое место, где стоим. – За толстыми стеклами защитных очков метались перепуганные умоляющие глаза. – Так ведь лучше, чем рисковать людьми и оборудованием?

Силвест шагнул вперед, заставив собеседника отступить к ближайшему шурфу.

– Вот что ты сейчас сделаешь. Передай всем бригадам, чтобы продолжали копать вплоть до поступления новых распоряжений. И никаких разговоров о возвращении в Мантиль. Ладно, самые чувствительные приборы можно убрать в вездеходы. Приказ понятен?

– Но как же люди, сэр?

– А люди будут делать то, для чего они сюда прибыли. Будут копать.

Силвест зло глядел на рабочего, как будто провоцируя на пререкания, но после долгой паузы тот побежал с привычной ловкостью по тропке через отвалы. Расставленные вокруг площадки хрупкие гравитометры, похожие на пушки со склоненными к земле стволами, слегка подрагивали под усиливающимися порывами ветра.

Силвест подождал, а потом по такой же тропе прошел мимо нескольких шурфов к центру участка раскопок. Там четыре шурфа были объединены в одну шахту сечением тридцать метров на тридцать; ее стены тоже укрепили гипералмазом. Силвест ступил на лестницу, ведущую вниз. В эту шахту он спускался за последние недели столько раз, что отсутствие головокружения удивляло его едва ли не больше, чем открывающаяся глазам картина. Продвигаясь вдоль стены, выстланной прозрачным материалом, он будто проплывал сквозь пласты времени: с момента События прошло более девятисот тысяч лет. Большая часть этих пластов представляла собой вечную мерзлоту, что было характерно для приполярных широт Ресургема. Эта земля никогда не оттаивала. Ниже ее, совсем близко к Событию, лежал слой реголита, свидетельство ударно-взрывных процессов, имевших место в последующий период. Само Событие отмечалось тонкой черной чертой – пеплом сгоревших лесов.

Дно шахты не было совершенно ровным. Оно сужающейся лестницей спускалось на глубину сорока метров от поверхности. В самом низу пришлось установить дополнительные осветительные приборы. Небольшая площадка раскопа буквально кипела человеческой энергией. Дыхание приближающейся бури тут просто не ощущалось. Группа копачей трудилась почти беззвучно, стоя на коленях на циновках. Инструменты, которыми велась работа, были столь тонки и сложны, что в другую эпоху могли бы служить хирургам. Главными здесь были три студента из Кювье – уроженцы Ресургема. Рядом томился робот, ожидая распоряжений. Хотя на ранних этапах раскопок машинам не приходилось простаивать, на финальной стадии им не доверяли. Рядом с копачами сидела брюнетка в черном пальто, с геометрически четкой челкой; компад у нее на коленях показывал таблицу эволюции черепов амарантийцев. Как только женщина увидела Силвеста – тот спускался почти бесшумно, – она встала и захлопнула компад.

– Да, вы были правы, – сказала она. – Что бы тут ни лежало, оно большое и на вид прекрасно сохранившееся.

– У вас есть какие-нибудь предположения, Паскаль?

– А это уж, скорее, по вашей части. Я тут только комментировать имею право. – Паскаль Дюбуа, молодая журналистка из Кювье, с самого начала освещала раскопки в прессе, но не гнушалась и лопату брать в руки, легко овладевая тонкостями археологии. – Мрачное зрелище эти скелеты. Хоть и инопланетяне, все равно их жалко.

В одной из стен шахты, там, где начинались ступени, ведущие еще ниже, были вскрыты два захоронения, выложенные каменными плитами. Хотя могилам было как минимум девятисот тысяч лет, они хорошо сохранились. Анатомическое строение костей позволяло предположить, что они принадлежали родственникам. Это были типичные костяки амарантийцев. Неискушенный в археологии наблюдатель принял бы их за человеческие, так как эти существа тоже имели четыре конечности, две из которых служили для передвижения; рост примерно соответствовал росту человека. Сходство наблюдалось и в других деталях: объем черепа примерно такой же, органы чувств, дыхания и речи расположены сходно. Но черепа обоих амарантийцев были вытянуты и походили на птичьи – четкий гребень шел от затылка вперед, мимо объемистых глазниц, до клювообразной верхней челюсти. На костях там и тут висели лохмотья коричневой ткани, она как будто предназначалась для удержания умирающих в позе, гово-

рящей об агонии. Это не были окаменелости в полном смысле слова: минерализация костей отсутствовала. Сами могилы пустовали, если не считать костей и нескольких предметов явно техногенного происхождения, с которыми хоронили мертвецов.

– Возможно, – сказал Силвест, наклоняясь и трогая пальцем череп, – они хотели вызвать у нас именно эти чувства.

– Нет, – ответила Паскаль. – Просто ткань высохла и кости изменили свое положение.

– А может, они в таком виде с самого начала?

Ощупывая череп сквозь ткань перчатки, передававшую ощущения пальцам, он вдруг вспомнил желтый зал на верхнем ярусе Города Бездны, с акварелями на стенах, изображавшими метановые ледники. Меж гостей ходили ливрейные роботы, предлагая сласти и ликеры, драпри из ярких шелков свисали со сводов дворца. В воздухе, согласно последней моде, светились и колыхались изображения серафимов, херувимов, колибри и фейри. Он вспомнил даже гостей, в основном связанных с семьей, – людей, которых либо едва знал, либо недолюбливал; его друзей здесь было очень мало. Отец, как обычно, сильно опоздал. Уже близилась ночь, когда Кэлвин наконец-то соизволил появиться. Впрочем, это никого не удивило: то было время самого последнего и самого великого проекта Кэлвина, так что сам процесс его реализации был как бы медленной смертью его творца. Не говоря уже о последующем самоубийстве, случившемся в разгар работ.

Силвест отлично помнил, как отец вручил ему шкатулку с инкрустацией в виде сплетающихся рибонуклеиновых спиралей на стенках.

– Открой, – велел Кэлвин.

Он помнил, как взял шкатулку, оказавшуюся на удивление легкой. Поднял крышку и увидел гнездо, выложенное невесомыми прядями упаковочного материала. В нем покоился коричневый купол, по цвету ничем не отличавшийся от ларца, разве что усеянный крапинами. Это была верхняя часть черепа, видимо человеческого. Нижняя челюсть отсутствовала.

Вспомнил он и тишину, сразу воцарившуюся в зале.

– И это все?! – воскликнул Силвест достаточно громко, чтобы его услышали во всех углах. – Старые костяшки? Ну, спасибо, папочка. Я в восторге!

– Что ж, вполне понятное чувство, – ответил Кэлвин.

Беда была в том, как сейчас же понял Силвест, что Кэлвин говорил совершенно серьезно. Череп не имел цены. Ему было двести тысяч лет. Женщина из испанского муниципалитета Атапуэрка, как он вскоре узнал. Время ее погребения определялось весьма точно самим характером захоронения, но ученые, которые его раскопали, изменили первоначальные оценки, используя самые последние методы датирования: анализ соотношения калия и аргона в стенах пещеры, где была похоронена испанка, расчет ее возраста по полураспаду урана в натеках травертина, трековое датирование вулканического стекла, термолюминесцентный анализ кремния. Эти же методики в несколько улучшенном виде и сейчас применялись при раскопках на Ресургеме. Физики пока еще не нашли более надежных способов определения возраста археологических находок.

Конечно, Силвест должен был тогда мгновенно понять, что перед ним самые древние человеческие останки на Йеллоустоне, привезенные с Земли в систему Эпсилона Эридана несколько столетий назад. Эта вещь пропала во время колониальных мятежей, и то, что Кэлвин снова ее отыскал, само по себе маленькое чудо.

Силвест устыдился не столько собственной неблагодарности, сколько выказанного перед всеми невежества, которое так легко было скрыть. И он поклялся, что эта оплошность никогда не повторится. Много лет назад он привез череп сюда, на Ресургем, чтобы тот служил напоминанием о клятве.

Вот и сейчас Силвест не должен ударить в грязь лицом.

– Если ваше предположение верно, – сказала Паскаль, – значит их похоронили в таком виде по некой важной причине.

– Возможно, в качестве предупреждения, – отозвался Силвест и шагнул к студентам.

– Я боялась услышать от вас нечто в этом духе, – шепнула она, следуя за ним. – И о чем же можно предупреждать столь жутким образом?

Вопрос был риторическим, и Силвест это хорошо понимал. Паскаль отлично знала все, что он думал об амарантийцах. Ей нравилось дразнить его, добиваться повторения одних и тех же объяснений: авось запутается в собственных теориях и совершит какую-нибудь логическую ошибку, достаточно серьезную, чтобы пришлось признать крушение всей стройной системы своих взглядов.

– Событие... – начал Силвест, ощупывая тонкую черную полосу сквозь прозрачную облицовочную плиту.

– Событие произошло с амарантийцами, – подхватила Паскаль, – но они вряд ли могли его предвидеть. И продолжалось очень недолго. Не было у них времени хоронить трупы так, чтобы те служили предупреждением, даже если хоронившие имели хоть малейшее представление о том, что их ждет впереди.

– Они разгневали богов, – сказал Силвест.

– Да, – согласилась Паскаль. – Думаю, никто не станет возражать, что они могли бы интерпретировать Событие как свидетельство божественного неудовольствия и включить его в систему своих религиозных верований, но у них не было времени оформлять эти верования в виде памятников, так как все амарантийцы погибли. И вряд ли можно предполагать, что подобные специфические захоронения они делали ради будущих археологов, тем более принадлежащих к совершенно иным биологическим видам. – Паскаль накинула на голову капюшон пальто и крепко затянула завязки. Клубы пыли уже залетали в шурф, а воздух в нем теперь не казался таким неподвижным, как несколько минут назад. – Но вы-то думаете иначе, не так ли? – Не дожидаясь ответа, Паскаль надела толстые противопыльные очки, нарушив ими безупречность челки, и наклонилась к предмету, который студенты осторожно выкапывали из грунта.

С помощью своих специальных очков Паскаль могла считывать данные с «рисующих» гравитометров, расставленных по периметру сетки Уиллера. Показания этих приборов давали стереоскопическую картину масс, погребенных под поверхностью грунта. Силвест тоже адаптировал свое зрение к этой задаче. Грунт, на котором они стояли, сделался как бы прозрачным, как бы несуществующим. Образовалась туманная матрица, в которой отчетливо выделялся некий огромный предмет. То был обелиск – громадный одинокий каменный монолит, заключенный в каменный же саркофаг. В высоту он достигал двадцати метров. Пока была откопана только его верхушка. И похоже, на одной стороне была выбита надпись стандартными позднеамарантийскими иероглифами. Разрешающей способности гравитометров не хватало, чтобы прочесть текст. Для этого надо было откапывать весь обелиск.

Силвест вернул глазам обычное зрение.

– Работайте быстрее, – обратился он к студентам. – Если слегка поцарапаете обелиск, ничего страшного. К вечеру вы должны открыть хотя бы метр этой поверхности.

Кто-то из студентов, стоя на коленях и продолжая копать, сказал:

– Сэр, мы слышали, что раскопки будут остановлены.

– Это еще почему?

– Буря, сэр.

– И черт с ней! – Силвест повернулся к Паскаль, которая внезапно сильно сжала его руку.

– Они имеют право волноваться, Дэн, – сказала журналистка тихо. – Я ведь тоже слышала штормовое предупреждение. Нам уже давно следовало отправиться в Мантель.

– И потерять вот это?

– Что мешает вернуться потом?

– Мы можем не найти этого места, даже если я вкопаю тут радиомаяк.

Он знал, что прав. Положение раскопа на картах нелегко определить, так как сами карты не отличаются ни точностью, ни детальностью. Они были сделаны на скорую руку сорок лет назад, во время полета «Лореана», оставившего пояс навигационных спутников. Этот пояс был уничтожен через двадцать лет после съемки, когда половина колонистов решила захватить корабль и вернуться домой. Теперь определить точно свое местоположение на Ресургеме – весьма непростая задача. А радиомаяки во время песчаных бурь часто ломаются.

– И все же ради этого не стоит рисковать людьми, – ответила ему Паскаль.

– Ради этого я рискнул бы и большим. – Силвест повернулся к студентам и крикнул: – Торопитесь! Если нужно, используйте робота. Но к рассвету чтобы верхняя часть обелиска была на виду.

Слука, старшая из студентов, что-то пробормотала под нос.

– Есть предложения? – осведомился Силвест.

Она прекратила работу – очевидно, впервые за несколько часов. Силвест видел, как ее лицо обретает выражение решимости. Лопатка выскользнул из ее руки и упала рядом с ногой, затянутой в меховой муклук. Девушка сдернула маску – значит собирается что-то сказать.

– Надо поговорить.

– О чем, Слука?

Она вдохнула из маски, чтобы произнести следующую фразу:

– Не слишком ли вы полагаетесь на свою удачу, доктор Силвест?

– А ты свою только что пустила насмарку.

Казалось, студентка его не слышит.

– Вы знаете, что мы не равнодушны к тому, чем занимаемся здесь. Мы разделяем ваши взгляды. Вот почему работаем от зари до зари, гнем спину на вас. Но вы напрасно считаете нас рабами. – Она блеснула белками глаз, бросив взгляд на Паскаль. – Скоро вам могут понадобиться все ваши союзники, доктор Силвест.

– Это угроза?

– Это констатация факта. Если бы вы уделяли больше внимания тому, что происходит в колонии, то знали бы, что Жирардо решил пойти на конфликт с вами. И похоже, ждать осталось недолго, гораздо меньше, чем вы думаете.

По спине у Силвеста побежали мурашки.

– О чем, черт побери, ты болтаешь?

– О чем? О перевороте! – Слука обогнула Силвеста, направляясь к лестнице, ведущей на поверхность. Поставив ногу на ступеньку, она обернулась к оставшимся двум студентам, которые, не поднимая головы, продолжали сосредоточенно откапывать обелиск. – Давайте вкалывайте, но не говорите потом, что вас не предупредили. А если слабо представляете себе, что бывает с попавшими в бритвенную бурю, то гляньте на доктора Силвеста.

Один из студентов робко поднял голову:

– Куда ты, Слука?

– Поговорить с другими бригадами. Может, не все знают о штормовом предупреждении. А когда узнают, вряд ли многие захотят продолжать работу.

Она полезла вверх, но Силвест схватил ее за муклук. Девушка посмотрела на него. Теперь она была в маске, но Силвест все равно прочитал на ее лице презрение.

– Слука, это конец твоей карьеры.

– Нет, – ответила она, рывком высвободив ногу. – Это только начало. Переживайте лучше за свою карьеру.

Силвест прислушался к своим ощущениям и обнаружил, сам тому подивившись, что совершенно спокоен. Однако это было то особое спокойствие, которое свойственно океанам

металлического водорода на огромных газовых планетах, – океанам, сдерживаемым колоссальным давлением сверху и снизу.

– Так что же ты решил? – спросила Паскаль.

– Сначала нужно кое с кем посоветоваться, – ответил Силвест.

Он по пандусу вошел в свой вездеход. Другая машина была забита мешками и контейнерами, а каждый сантиметр оставшегося места занимали гамаки копачей. Студентам пришлось спать в кузове, так как почти все раскопки в этом регионе находились в сутках езды от Мантиля. Вездеход Силвеста был куда комфортабельнее. Примерно треть его объема была отведена под кабинет начальника экспедиции и его спальню. Остальная часть вмещала склад, а также каморки для старшего персонала – в данном случае для Паскаль и Слуки. Сейчас весь вездеход был в распоряжении Силвеста.

Обстановка кабинета заставляла забыть о том, что это всего лишь часть кузова. Обивка из красного бархата, полки с копиями древних инструментов и археологических реликтов. Большая, элегантно изданная карта Ресургема в проекции Меркатора демонстрировала места главных находок, принадлежавших различным эпохам истории амарантийцев. Остальное пространство стен было занято медленно пополняющимися текстами: это были академические статьи в процессе подготовки.

Запись собственного сознания Силвеста на бета-уровне проделывала всю черную работу. Эту копию своего «я» Силвест натренировал так, что она могла выдерживать его литературный стиль даже лучше, чем он сам, особенно если учесть нынешнюю нервотрепку.

Позже надо будет выкроить время и вычитать эти статьи, но сейчас он лишь окинул их беглым взором, направляясь к секретеру. Этот дивный образец мебельного искусства был инкрустирован мрамором и малахитом. Его мозаика, сделанная в японском стиле, изображала сцены из ранней истории освоения космоса.

Силвест выдвинул ящик и достал из него карту квантовой памяти – серый брусок без всякой маркировки, вроде кафельной плитки. В верхней части секретера, набитого всякой электроникой, была прорезь. Чтобы пробудить сознание Кэлвина, требовалось лишь вложить в эту прорезь карту. Тем не менее Силвест колебался. Прошло много времени – по меньшей мере несколько месяцев – с тех пор, когда он последний раз возвращал Кэлвина к жизни, и та последняя встреча выглядела исключительно скверно. Он тогда же поклялся, что в следующий раз оживит Кэлвина только в кризисной ситуации. Теперь следует определить, наступил ли кризис и так ли он силен, чтобы оправдать пробуждение отца. Дело осложнялось еще и тем, что советы Кэлвина были полезны лишь в пятидесяти процентах случаев.

Силвест вложил карту в прорезь.

Из света и теней, словно по волшебству, в середине комнаты соткалась фигура Кэлвина, сидящего в своем кресле, достойном средневекового феодала. Изображение выглядело реальнее любой голограммы – присутствовали даже теневые эффекты, – поскольку создано оно было на основе записи образа отца, хранящегося в зрительной памяти самого Силвеста. Восстановленное на бета-уровне «я» Кэлвина представляло его таким, каким он был на вершине своего успеха, то есть в возрасте около пятидесяти; в ту пору Йеллоустон носил его на руках. Странно, но он все же выглядел старше Силвеста, хотя в реальном времени изображение было на семьдесят лет моложе. Сам Силвест уже восемь лет как разменял третье столетие, но омоложение, которому он подвергся еще в Йеллоустоне, было совершеннее, чем во времена Кэлвина.

Если не считать этого различия, то их телосложение и черты лиц были почти идентичны. На губах у обоих играла одна и та же ироническая улыбка. У Кэлвина была стрижка покороче, и одет он был в пышном стиле демархистской Бель-Эпок, что контрастировало с практичностью экспедиционной одежды Силвеста. Кэлвин носил плиссированную сорочку, элегантные бриджи в шахматную клетку, заправленные в высокие буканьерские сапоги, а его пальцы сверкали драгоценными камнями и металлами. Великолепно подстриженная борода казалась маз-

ком рыжей краски на нижней челюсти. Одной рукой он ощупывал щетину на горле, а другой поглаживал резной шар, которым кончался деревянный подлокотник кресла.

Дрожь оживления прошла по его телу, в бледных глазах зажегся огонек интереса. Кэлвин приподнял пальцы в еле заметном жесте приветствия.

– Похоже, – произнес он, – уровень дерьма достиг опасной отметки.

– Воображение у тебя будь здоров...

– Тут и воображать-то нечего, мой милый мальчик. Я просто подключился к Сети и прочел несколько тысяч последних новостных сообщений. – Он повел шеей, чтобы получше осмотреть помещение. – Неплохой кабинетик ты себе обустроил. А кстати, как твои глаза?

– Работают, а что?

Кэлвин кивнул:

– Разрешение не слишком высокое, но ничего лучшего я добиться и не мог с теми инструментами, что оказались в моем распоряжении. Нельзя же дать Микеланджело зубную щетку и потребовать, чтобы расписал Сикстинскую капеллу. Мне удалось сшить примерно сорок процентов нервных волокон твоего глазного нерва, так что устанавливать лучшие камеры не имело смысла. Но если на этой планете найдется хирургическая техника более высокого качества, я мог бы оказать тебе услугу.

– Хватит меня дразнить!

– Да я и не думал, – притворился непонимающим Кэлвин. – Просто решил, что уж если ты позволил Алисии захватить «Лореан», то мог бы по меньшей мере вернуть нам часть медицинского оборудования.

Жена Силвеста возглавила мятеж против него двадцать лет назад, и Кэлвин никогда не упускал случая напомнить об этом факте.

– Что ж, стало быть, я принес себя в жертву. – Сказанное сопровождалось жестом, означающим просьбу помолчать. – Извини, Кэл, но я аниминировал тебя не ради дружеского трепки.

– Я предпочел бы, чтобы ты называл меня не другом, а отцом.

Силвест демонстративно проигнорировал эту ремарку.

– Ты знаешь, где мы находимся?

– Надо думать, на раскопках. – Кэлвин прикрыл глаза и прижал пальцы к вискам, чтобы сосредоточиться. – Да. Подожди... Два экспедиционных вездехода из Мантиля... где-то на окраине птеростепи. Сетка Уиллера... Довольно старомодно... Впрочем, думаю, для твоих целей годится. А это что такое? «Рисующие» гравитометры... сейсмограмма... Ты нашел что-то важное?

В этот момент на столе заработала рация – из Мантиля поступил сигнал. Силвест дал знак Кэлу умолкнуть, решая, принять вызов или нет. На связь выходил Анри Жанекен – специалист по биологии птиц и один из самых преданных Силвесту людей. Но хотя Жанекен хорошо знал Кэлвина при жизни, Силвест был уверен, что орнитолог никогда не видел отца в бета-записи... и уж конечно, не видел его в процессе общения с собственным сыном. Новость о том, что Силвесту понадобилась помощь и что для этого он вызвал сознание Кэла из небытия, может быть воспринята как проявление слабости.

– Чего ты ждешь? – спросил Кэл. – Прими его.

– Он не знает о тебе... о нас...

Кэлвин покачал головой, и вдруг совершенно неожиданно в комнате возник Жанекен. Силвест не сразу опомнился, не сразу понял, что случилось. Кэлвин, видимо, каким-то образом подчинил себе потайные функции секретера.

Ты всегда был пронырой, подумал Силвест. Собственно, именно благодаря этому качеству тебя и можно использовать теперь.

Изображение Жанекена, в натуральную величину, было чуть менее четким, нежели изображение Кэлвина, так как передавалось с помощью спутниковой связи из Мантиля. Сеть спут-

ников была весьма несовершенна, да и передающие камеры видели лучшие дни, как и многое другое на Ресургеме.

– Ну наконец-то, – обратился Жанекен к Силвесту, которого он заметил первым. – Я уже чуть ли не час терзаю передатчик. Неужели с тобой нельзя связаться, когда ты в раскопе?

– Можно в принципе, – ответил Силвест, – но я отключил входящие. Надоело.

– Ах вот как! – проворчал Жанекен. – Очень разумно, черт побери! Особенно для человека в твоей ситуации! Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю? Близятся проблемы, Дэн, и они себя ждать не заставят, уж поверь... – Тут Жанекен обнаружил, что они не одни, уставился на сидящего в кресле и после некоторого молчания воскликнул: – Ну ничего себе! Это ты, что ли?

Кэлвин молча кивнул.

– Это его бета, – вмешался Силвест.

Необходимо было это прояснить, прежде чем продолжать разговор. Уровни альфа и бета фундаментально различались, и йеллоустонский этикет эти различия всячески подчеркивал. Силвеста могли обвинить по меньшей мере в нарушении общественного порядка, сложись у Жанекена впечатление, что перед ним считающаяся давно утерянной альфа-запись Кэлвина.

– Я консультировался с ним... с бетой, – признался Силвест.

Кэлвин скорчил гримасу.

– О чем? – спросил Жанекен.

Он был очень стар, старше всех на Ресургеме, причем с каждым годом приобретал все больше схожести с обезьяной, с каким-нибудь редким видом мартышки; седые волосы, усы и борода, обрамлявшие розовое личико, немало этому способствовали. На всем Йеллоустоне не было другого столь талантливому эксперта по генетике, если не говорить о миксмастерах; впрочем, многие считали Жанекена куда умнее любого члена этой секты. Правда, его гений не бросался в глаза, не ослеплял внезапными озарениями, а находил выражение в долгих годах спокойной, но исключительно тонкой работы. Жанекен уже разменял четвертое столетие, и слои, наложенные многими сеансами омоложения, теперь опадали с него, подобно осенней листве. Силвест полагал, что Жанекен будет первым человеком на Ресургеме, который умрет от старости. И это вызывало грусть: хотя они с орнитологом часто спорили, их разногласия никогда не касались главного.

– Он что-то тут раскопал, – вмешался Кэл.

Глаза Жанекена сверкнули, бремя лет будто скатилось с его плеч при упоминании о научном открытии.

– Неужели?

– Да, я...

И тут случилось почти невозможное. Комната в вездеходе исчезла. Теперь они стояли на балконе здания, расположенного высоко над городом, в котором Силвест сразу узнал Город Бездны. Опять шуточки Кэлвина! Электронный секретер последовал за ними и сюда, подобно верному псу. Если Кэлвин добрался до его потайных функций, подумал Силвест, то и подобный фокус ему вполне по силам. Он воспользовался стандартным набором «ландшафтов» из памяти секретера. Отличная имитация – вплоть до порывистого ветра, щекотавшего щеки Силвеста, вплоть до почти неощутимого запаха, свойственного этому городу, запаха, который трудно определить, но который начисто отсутствует в более дешевых панорамах. Это был город его – Силвеста – детства, город Прекрасной Эпохи. Потрясающие воображение золотистые громады зданий уходили вдаль и там, у горизонта, выглядели как изваяния облаков. Оттуда доносилось гудение воздушного транспорта; оттуда же парки и сады спускались великолепными каскадами террас в зеленую дымку, где лежали поля и пастбища.

– Разве не приятно вновь увидеть родные места? – спросил Кэл. – И подумать, что все это могло бы принадлежать нашему клану, стоило только протянуть руку... Кто знает, каким путем пошла бы история, если бы нам удалось удержать этот город в своей власти.

Жанекен получше утвердился на ногах, крепко держась за перила.

– Все это очень мило, Кэл, но я сюда явился не красотами любоваться. Дэн, что ты собирался сказать до того, как нас столь...

– Столь грубо прервали? – продолжил его фразу Силвест. – Я хотел попросить Кэла, чтобы обработал данные гравиразведки, поскольку он уже явно научился читать мои личные файлы.

– Это пустяк для человека моих способностей, – ответил Кэл.

Миг – и туманное изображение раскопа и обелиска в натуральную величину повисло прямо перед балконом.

– Ох как интересно! – воскликнул Жанекен. – Просто потрясюще!

– Совсем неплохо, – отозвался Кэл.

– Неплохо?! – вскричал Силвест. – Да он больше по размерам и лучше сохранился, чем все раскопанное до сих пор! Это явно доказывает существование развитой фазы амарантийской цивилизации... Возможно, фазы, непосредственно предшествовавшей промышленной революции...

– Полагаю, этот обелиск может оказаться в высшей степени важной находкой, – неожиданно согласился Кэл. – Ты что, собираешься откопать его?

– Еще несколько минут назад собирался, – ответил Силвест. – Однако возникли новые обстоятельства. Я... только что узнал из своих источников, что Жирардо планирует выступить против меня гораздо раньше, чем я ожидал.

– Он не осмелится выступить против тебя, если у него нет большинства в Совете экспедиции, – возразил Кэл.

– Это если бы он планировал выступить в обычном порядке, – возразил Жанекен. – Но информация Дэна верна: Жирардо намечает более короткий путь.

– Но ведь тогда... это будет что-то вроде мятежа?

– Полагаю, термин вполне подходит, – ответил Жанекен.

– Уверен? – Кэлвин снова сосредоточился, глубокие морщины пересекли его лоб. – Да, ты прав. Пресса в последние дни открыто рассуждает, каковы будут следующие ходы Жирардо в ситуации, когда Дэн пропадает на раскопках, а сама колония переживает кризис власти. Отмечено резкое увеличение числа шифровок, курсирующих между известными сторонниками Жирардо. Эти шифровки мне не прочитать, но интенсивность обмена ими действительно кое о чем говорит.

– Значит, и впрямь что-то затевается...

Слука была права, подумал Силвест. Получается, она оказала ему услугу, хотя и угрожала покинуть раскопки. Без ее предупреждения он не оживил бы Кэла.

– Похоже на то, – подтвердил Жанекен. – Вот почему я тебя так упорно разыскивал. Мои опасения подтверждаются тем, что Кэл сказал о сторонниках Жирардо. – Пальцы Жанекена еще крепче сжались на перилах. Обшлаг его пиджака, свисавший с костлявой руки, как с вешалки, был украшен павлиньими «глазами». – Дэн, я не думаю, что тебе следует оставаться здесь. Я пытался держать связь с тобой на уровне, который не вызвал бы подозрений, но есть достаточно оснований считать, что этот разговор прослушивается. Поэтому я кончаю. – Он отвернулся от висевшего в воздухе обелиска и обратился к сидящему археологу: – Кэлвин... мне было приятно встретиться с тобой после столь долгой разлуки.

– Побереги себя, – ответил Кэлвин, протягивая руку в направлении Жанекена. – И желаю удачи с павлинами.

Удивление Жанекена было непритворным.

– Ты знаешь о моем маленьком проекте?

Кэлвин улыбнулся и промолчал. Вопрос Жанекена не имеет смысла, подумал Силвест.

Старик махнул рукой, панорама срослась с офисом Жанекена. Затем он сделал шаг назад и исчез вместе с этой обстановкой.

На балконе остались двое.

– Итак? – спросил Кэл.

– Я не могу рисковать потерей контроля над колонией.

Силвест все еще был номинальным начальником всей ресургемской экспедиции. Даже после предательства Алисии. По логике все, кто решил остаться на планете, а не возвратиться домой, должны были стать союзниками Силвеста и тем самым укрепить его позиции. Но вышло совсем не так. Далеко не каждому, кто принял сторону Алисии, удалось попасть на борт «Лорейана» до того, как корабль ушел с орбиты. Да и среди оставшихся по убеждению было немало таких, кто, первоначально симпатизируя Силвесту, понял, что с кризисом он справляется плохо, прибегая чуть ли не к криминальным методам. Противники Силвеста распространяли слухи, будто изменения в мозгу, которым он подвергся у жонглеров образами перед встречей с затворниками, вызвали патологию, граничащую с безумием. Изучение цивилизации амарантийцев продолжалось, но очень вяло. Зато политические разногласия и склоки вспыхнули с такой силой, что погасить их было уже невозможно. Те, у кого еще сохранилась привязанность к Алисии – главным среди них был Жирардо, – создали организацию увлажнистов. Археологи Силвеста злились, в их поведении проявлялись черты «психологии осажденной крепости». В обеих группах гибли люди, причем их смерть никак не укладывалась в рамки несчастных случаев. Теперь все эти противоречия достигли точки кипения, а Силвест сейчас занимал отнюдь не ту позицию, которая позволила бы ему покончить с кризисом.

– И в то же время я не могу бросить его. – Он указал на обелиск. – Мне нужен твой совет, Кэл. И я получу его, так как ты полностью зависишь от меня. Ты уязвим, не забывай.

Кэлвин заерзал в своем кресле:

– Если говорить прямо, ты шантажируешь родного отца? Просто прелестно.

– Нет, – ответил Силвест сквозь зубы. – Я лишь намекаю, что ты можешь попасть в плохие руки, отказавшись мне помочь. С точки зрения толпы, ты всего лишь рядовой представитель нашего блистательного клана.

– А ты, значит, можешь еще и не воспользоваться моим советом? С твоей точки зрения, я всего лишь компьютерная программа, движущаяся картинка. Когда разрешишь мне попользоваться твоим телом?

– На этот счет я не стану тебя обнадеживать.

Кэлвин угрожающе поднял палец:

– Не надо наглеть, сынуля. Это я тебе понадобился, а не наоборот. Можешь засунуть старого джинна обратно в лампу, мне там хорошо.

– Так я и поступлю. Но сначала получу от тебя совет.

Кэлвин наклонился в его сторону:

– Скажи, что ты сделал с моей альфой, и тогда я, может быть, соглашусь обдумать твою просьбу. – Он ехидно ухмыльнулся. – Я бы даже мог рассказать кое-что о Восьмидесяти. То, чего ты не знаешь.

– А чего я не знаю? – хмыкнул Силвест. – Погибло семьдесят девять невинных душ, вот и все. В этом нет секрета. И я не считаю тебя ответственным за их гибель. Нельзя же обвинить фотографию тирана в военных преступлениях.

– Я вернул тебе зрение, неблагодарный щенок! – Кресло повернулось к Силвесту крепкой деревянной спинкой. – Готов признать, что твои глаза трудно назвать шедевром, но чего можно было ждать в той обстановке? – Кресло снова развернулось. Теперь Кэлвин был одет точно как Силвест, так же подстрижен, и лицо тоже невозмутимое. – Расскажи о затворниках, –

попросил он. – Поделись своими грязными тайнами, сыночек. Выкладывай, что случилось у Завесы Ласкаля, только не надо той вонючей лжи, которую ты сочинил, возвращаясь назад.

Силвест подошел к секретеру, чтобы вынуть карту.

– Подожди! – взвизгнул Кэл, простирая руки. – Хочешь услышать мой совет?

– Наконец-то мы подошли к сути.

– Ты не можешь позволить, чтобы Жирардо одержал верх. Даже если мятеж неотвратим, тебе следует вернуться в Кювье. Там соберешь те небольшие силы, которые еще верны тебе.

Силвест поглядел в окно, на площадку с шурфами. По отвалам двигались тени – люди бросали работу и бесшумно прятались в своем единственном убежище – втором вездеходе.

– Возможно, это самая важная находка из всех сделанных на этой планете.

– И не исключено, что тебе придется ею пожертвовать. Если сумеешь обуздать Жирардо, у тебя появится роскошный шанс вернуться и выкопать обелиск. Если Жирардо победит – тогда все, что ты здесь найдешь, не будет стоить ломаного гроша.

– Знаю, – ответил Силвест.

На какой-то момент вражда между ними как будто прекратилась. Суждения у Кэлвина здравые, глупо притворяться, что это не так.

– Значит, ты последуешь моему совету?

Силвест положил ладонь на секретер, собираясь вынуть карту.

– Я подумаю об этом.

Глава вторая

На борту корабля-субсветовика, межзвездное пространство, год 2543-й

«При общении с мертвецами, – подумала триумвир Илия Вольева, – самое сложное в том, что они не понимают, когда им следует заткнуться».

Она только что перешла из рубки в лифт; восемнадцать часов непрерывных консультаций с симами людей, в отдаленном прошлом живших на этом корабле, вымотали ее до крайности. Илия пыталась всеми правдами и неправдами вытянуть из них какие-нибудь сведения о тайном оружейном складе. Работа была невероятно тяжелая, в частности, потому, что некоторые из старейших бета-копий не говорили на современном норте, а программа, «одушевлявшая» их, по каким-то непонятным причинам отказывалась переводить. Во время допроса Вольева непрерывно курила, ломая голову над особенностями грамматики среднего норта, и даже теперь не могла не наполнять легкие дымом. Да и как тут не курить, если от долгого пребывания в неподвижной позе жутко разнылась спина? Кондиционер в лифте работал из рук вон плохо, кабина через считанные секунды заполнилась густым дымом.

Вольева подтянула кверху обшлаг кожаной куртки с шерстяной подкладкой и сказала в браслет, болтавшийся на тонкой руке:

– Капитанский уровень.

Фраза немедленно была переадресована «Ностальгии по бесконечности», и корабль тут же поручил микроскопической части самую примитивную задачу – очистку воздуха в лифте. Мгновение, и кабина рванулась вниз.

– Желаете музыкальное сопровождение в пути?

– Нет. И ты мог бы уже запомнить по тысячам предыдущих поездок, что мне нужно только одно – тишина. Заткнись и дай подумать.

Она спускалась по главной оси корабля – четырехкилометровой шахте, которая проходила через весь корабль, сверху донизу. Вольева вошла в лифт почти у верхнего устья шахты (ей было точно известно о существовании тысяча пятидесяти уровней, или дистриктов) и теперь снижалась со скоростью около десяти уровней в секунду. Стенки у лифта были стеклянные, удерживался он на весу силой какого-то поля, и время от времени гладкая внутренняя обшивка шахты тоже становилась прозрачной, позволяя определять положение кабины без помощи схемы корабля.

Сейчас Илия продвигалась сквозь лесные заросли: то были ярусы садовых растений, одичавших без ухода и уже гибнущих из-за того, что ультрафиолетовые лампы, имитировавшие солнечный свет, почти все перегорели и никто не позаботился их заменить. Заросли кончились, а ниже восьмисотого этажа пошли обширные помещения, где когда-то жила и отдыхала команда, насчитывавшая несколько тысяч человек. Еще ниже помещались громадные и неподвижные теперь машины, которые в былые времена обеспечивали вращение жилых секций и неподвижность подсобных. Потом лифт проехал мимо уровней с криогенными капсулами для нескольких тысяч «спящих». Теперь таковых там не наблюдалось.

Вольева находилась уже на километр ниже отправной точки, но бортовое давление воздуха не изменилось, поскольку его поддерживала одна из тех редких систем жизнеобеспечения, которые еще продолжали нормально функционировать. Все же какой-то атавистический инстинкт подсказывал Вольевой, что при столь быстром спуске должно бы закладывать уши.

– Атриум, – произнес лифт, имея в виду уже давно не используемую часть бывшего великолепия. – На этом уровне вы можете чудесно отдохнуть и развлечься.

– Как заманчиво!

– Прошу пояснить.

– Поясняю: ты плохо представляешь себе, что такое отдых. Если, конечно, не считаешь таковым постоянное пребывание в скафандре высшей защиты и последующую противорадиационную терапию, от которой у тебя выворачивает кишки. Лично мне это отнюдь не кажется приятным времяпрепровождением.

– Прошу пояснить.

– Ладно, забудь, – вздохнула триумвир.

Еще километр помещений с сильно пониженным атмосферным давлением. Вольева чувствовала, как уменьшается ее вес, и понимала, что пролетает мимо двигателей, вынесенных за пределы корпуса корабля и укрепленных там на элегантно изогнутых стойках. Своими широко разинутыми пастьми двигатели всасывали ничтожно малые количества межзвездного водорода, а затем подвергали его непостижимым процессам переработки. Никто, даже Вольева, не пытался узнать, как работают машины сочленителей. Работают, и слава богу. Еще важно, что они излучают устойчивое мягкое сияние из каких-то необычных элементарных частиц. Большая часть этой радиации поглощается защитным покрытием корпуса, но кое-что проникает и внутрь. Вот почему лифт здесь заметно разогнался. Когда опасность миновала, он понизил скорость до прежней.

Было уже пройдено почти две трети пути. Оставшуюся часть Вольева знала лучше, чем другие члены команды: Садзаки, Хегази и остальные не забирались так глубоко без крайне важной причины. Да и можно ли их за это упрекнуть? Ведь чем ниже спускаешься, тем ближе ты к капитану. Лишь ее одну не пугала мысль об этом сближении.

Она не только не боялась этой части корабля, но даже превратила ее в свое царство. Нередко Илия выходила на уровне 612, добиралась до «Паука» и, выведя его за пределы корпуса, слушала голоса призраков, обитающих в бескрайних межзвездных просторах. Как же хочется проделать это и сейчас! Но у нее срочная работа – специальное задание, а призраки всегда к ее услугам, куда они денутся!

На пятисотом уровне мимо пронесся центральный артиллерийский пост. Вольева даже успела вспомнить о связанных с ним проблемах. Пришлось побороться с искушением перейти туда и кое-что выяснить. Но вот ЦАП исчез; теперь Вольева пролетала мимо помещения, где находился тайный склад – одна из капсул внутри корабля, где давление было на нуле.

Это помещение было гигантским, с максимальной шириной, почти полкилометра. Сейчас там царила темнота, так что Вольевой пришлось вспоминать, где расположено содержимое. Это было не слишком трудно. Хотя многие вопросы, касавшиеся происхождения и назначения этих механизмов, так и оставались без ответа, Вольева знала их местонахождение и форму так же хорошо, как слепой знает мебель в своей спальне. Даже в лифте она легко представляла себе, как протягивает руку и касается гладкой поверхности ближайшего орудия, просто чтобы убедиться в его существовании. С тех пор как Вольева вошла в триумвират, она почти все свободное время отдавала изучению этих машин и все же не могла сказать, что привыкла к ним. Приходя сюда, она нервничала, как на первом свидании, понимая, что знает о них совсем чуть-чуть, а если копнуть глубже, сложившиеся представления того и гляди разлетятся вдребезги.

Тайный склад она всегда покидала с чувством облегчения.

На уровне 450 лифт миновал еще одну переборку, отделявшую служебные секции от постепенно сходявшего на конус кормового отсека, достигавшего почти километровой длины. И снова кабина заметно ускорила движение, пролетая зону радиационной опасности, а затем началось медленное торможение, что говорило о близящейся остановке. Вот лифт уже вошел во вторую секцию криогенных уровней, коих насчитывалось двести пятьдесят, так что они могли вместить сто двадцать тысяч «спящих», но сейчас там лежал только один. Правда, вряд ли кто решился бы назвать состояние капитана сном.

Теперь лифт еле двигался. Пройдя без малого половину криогенных уровней, он остановился и радостным голосом оповестил, что достиг конца маршрута.

– С вами говорит консьерж пассажирского спального уровня, – сказал лифт. – Мы готовы удовлетворить вашу потребность в криосне. Спасибо, что решили воспользоваться нашими услугами.

Дверь открылась, и Вольева ступила через порог, глядя вниз, на сходящиеся стены шахты, обрамляющие бездну под ногами. Она проделала путь, равный почти всей длине корабля (или его высоте – проще было представлять его гигантским зданием), а шахта уходила дальше на невообразимую глубину. Корабль был так огромен – по-дурацки огромен, – что это излишество просто не укладывалось в голове.

– Да-да. А теперь проваливай.

– Прошу пояснить.

– Убирайся!

Этого сделать лифт, конечно, не мог – по крайней мере без реальной причины, только по капризу Вольевой. Ему ничего не оставалось, как дожидаться ее. Будучи единственным бодрствующим человеком, Вольева была и единственной, кто мог пользоваться лифтом.

От «хребта» корабля до того места, где держали капитана, путь пешком был немалый. Короткой прямой дорогой она идти не могла, так как целые секции корабля были заражены вирусами, вызывавшими повсеместное нарушение функций. Одни участки были затоплены охлаждающей жидкостью, другие – наводнены бродячими крысами-уборщицами. Третьи – патрулировались сошедшими с ума электронными сторожевыми буями, что делало эти помещения далеко не безопасными, разве что Вольевой вздумалось бы заняться экстремальным спортом. А еще были отсеки, заполненные токсичными газами, отсеки, где царствовал вакуум, отсеки с высоким уровнем радиации, отсеки, в которых водились призраки.

В призраков Вольева не верила (хотя, вообще-то, у нее были свои призраки, доступные через «Паука»), но к остальному относилась с полной серьезностью. В некоторые места она не рисковала заходить без оружия. Однако окрестности капсулы капитана она знала достаточно хорошо, чтобы не принимать уж слишком жесткие меры безопасности. Конечно, тут было холодно, и Вольева подняла воротник куртки, а шапку надвинула на лоб. Потом зажгла новую сигарету, и от глубокой затяжки вакуум в голове сменился холодной боевой настороженностью.

Одиночество ее не смущало. Конечно, хотелось с кем-нибудь пообщаться, но не до мурашек на коже. И уж совсем не было желания повторить судьбу Нагорного. Возможно, когда корабль достигнет системы Йеллоустона, надо будет подумать о новом начальнике артиллерийской части.

Каким же образом это чувство тревоги пробилось через непроницаемые переборки разума?

Нет, ее встревожило не имя Нагорного. Дело в капитане. Он тут, рядом, вернее, не он, а то, чем он стал. Вольева попыталась взять себя в руки. Сделать это совершенно необходимо! Ведь предстоящая встреча с Бреннигеном вызывает уже привычный приступ тошноты.

Каким-то чудом установка для криосна, в котором пребывал Бренниген, продолжала функционировать. Это была старая модель, очень добротно сделанная, насколько могла судить Вольева. Капсула ухитрилась держать клетки капитана в стазисе, хотя ее оболочка растрескалась и через щели полезла, отсвечивая металлом, мерзкая поросль. Она походила на грибницу и заполняла всю внутренность камеры. Что бы ни осталось от Бреннигена, оно находилось в плену этой поросли.

Вблизи камеры стоял дикий холод. Вольева совсем продрогла. Однако работа есть работа. Она достала из кармана кюретку и с ее помощью взяла соскобы металлической поросли для анализа. В лаборатории она напустит на паразита смертельные вирусы в надежде найти такой,

что подрубит его под корень. По опыту Илия знала, что эксперимент ничего не даст. Плесень обладала фантастической способностью разрушать те молекулярные орудия, которые применяла против нее Вольева. Правда, особой спешки тоже не было. Морозильник обеспечивал Бреннигена температурой лишь на несколько сот милликельвинов выше абсолютного нуля, и это явно замедляло размножение грибка. С другой стороны, Вольева знала, что ни одно человеческое существо еще не выжило, побывав на таком холоде. Это ей, однако, не казалось особенно важным, учитывая состояние капитана.

Немного охрипшим голосом она сказала в браслет:

– Открыть мой файл с информацией о капитане. Добавить нижеследующее.

Браслет зачирикал, сообщая о готовности.

– Третье посещение капитана после моего пробуждения. Границы распространения...

Она замешкалась, сообразив, что непродуманная фраза наверняка вызовет гнев триумвира Хегази. Впрочем, не страшно. Назвать, что ли, эту мерзость плавящей чумой, как ее уже окрестили йеллоустонцы? Едва ли это будет разумно.

– ...Болезни кажутся не изменившимися в сравнении с предыдущим осмотром. Пораженная площадь увеличилась лишь на несколько квадратных сантиметров. Криогенная камера чудом продолжает работать, но мне кажется, что нам следует подготовиться к ее неизбежному отказу в самом недалеком будущем. – Говоря это, Вольева подумала, что, когда это произойдет, у них сразу станет на одну проблему меньше, если не удастся переместить капитана в другую работающую камеру. (Как это сделать? Вопрос без ответа.) Ну и у самого капитана тоже не останется проблем. Во всяком случае, можно на это надеяться.

Вольева велела было браслету закрыть файл лабораторного журнала, но тут же добавила, искренне жалея, что не сэкономила затяжку для этой минуты:

– Согреть мозг капитана на пятьдесят милликельвинов.

Опыт подсказывал, что это минимальная величина того необходимого подогрева, без которого мозг капитана останется в ледяном стазисе. Чуть больше – и чума пожрет его слишком быстро.

– Капитан? – обратилась Вольева. – Вы слышите меня? Я Илия.

Силвест выбрался из вездехода и направился к шурфам. Пока он говорил с Кэлвином, ветер заметно окреп. Щеки горели от ведьминской ласки летящего песка.

– Надеюсь, беседа пошла вам на пользу, – сказала Паскаль, снимая дыхательную маску, чтобы перекрыть шум ветра. Она знала о Кэлвине, хотя напрямую с ним не общалась. – Вы готовы смотреть на вещи здраво?

– Слуку сюда.

В обычной обстановке она бы непременно взбунтовалась от такого приказного тона. Теперь же приходилось учитывать душевное состояние Силвеста, а потому Паскаль отправилась ко второму вездеходу и вернулась вместе со Слукой и горсткой ее сторонников.

– Как я поняла, вы готовы прислушаться к нам? – Ветер гонял выбившуюся прядь волос по выпуклым очкам. Время от времени Слука глотала воздух из маски, которую держала в руке; другая рука упиралась в бедро. – Если так, возможен разумный компромисс. Мы позаботимся о вашей репутации. Когда вернемся в Мантиль, никто и словом не упомянет о том, что тут происходило. Скажем, что вы приказали нам собираться сразу же после получения штормового предупреждения. Все заслуги – ваши.

– И ты думаешь, это имеет какое-то значение?

Слука оскалилась:

– А какое значение имеет ваш проклятый обелиск? И уж если говорить напрямик, то кому нужны ваши гребаные амарантийцы?

– Значит, ты до сих пор не поняла, насколько это важно?

Осторожно – но не настолько, чтобы Силвест этого не заметил, – Паскаль начала снимать разговор, стоя чуть в стороне и держа камеру от компада в одной руке.

– Многие скажут, что тут и видеть нечего, – ответила Слука. – Это вы сами раздули значение амарантийцев, чтобы хоть чем-то занять своих археологов!

– Вот, значит, какого ты мнения, Слука? А впрочем, чего еще можно было от тебя ожидать. Не наш ты человек, не наш.

– В каком смысле?

– А в таком, что, если бы Жирардо понадобилось завербовать среди нас предателя, ты стала бы первым кандидатом.

Студентка повернулась к тем, кого Силвест про себя называл слукиными детьми.

– Вы только послушайте этого придурка! Уже в конспирологию ударился. Теперь и мы видим, что это псих, а большинство колонистов его давным-давно раскусили. – Она резко повернулась к Силвесту. – Короче, не о чем нам договариваться. Мы уедем, как только погрузим оборудование... или даже раньше, если буря усилится. Можете ехать с нами. – Она снова вдохнула из маски; ее лицо покраснело. – А можете рискнуть и остаться. Выбор зависит только от вас.

Он смотрел мимо Слуки на рабочих:

– Что ж, уезжайте. Бросайте раскопки и спасайте свою шкуру. Уж такой пустяк, как верность профессиональному долгу, вас, конечно, не остановит. Ну а если у кого-то все-таки хватит мужества закончить работу, ради которой мы при тащились в такую даль, я возражать не стану.

Силвест переводил взгляд с одного копача на другого, но все стыдливо отводили глаза. Он не знал их по именам, только в лицо, и то лишь потому, что работал с ними. Разумеется, никто из них не прилетел на корабле с Йеллоустона, никто не бывал нигде, кроме Ресургема с его немногочисленным населением, сосредоточенным в нескольких городишках посреди пустынь. Этим юнцам Силвест кажется неким дремучим пережитком.

– Сэр... – заговорил парень – возможно, тот самый, который первым сообщил Силвесту о штормовом предупреждении. – Сэр, вы уж не сочтите, что мы вас не уважаем. Но ведь и о себе надо подумать. Неужели не понимаете? То, что здесь закопано, не стоит такого риска.

– Вот тут-то ты и ошибся, – ответил Силвест. – Рискнуть стоит даже бóльшим, чем жизнь, гораздо бóльшим. Не понимаешь? Событие не было ниспослано амарантийцам свыше. Они сами устроили его.

Слука медленно кивнула:

– То есть они заставили свое солнце вспыхнуть? И вы верите в эту чушь?

– Если коротко, то да.

– Тогда крыша у вас поехала куда сильнее, чем мне казалось. – Слука повернулась к нему спиной. – Заводите вездеходы, мы уезжаем!

– А оборудование? – спросил Силвест.

– Останется тут, пусть хоть сгниет, мне плевать!

Толпа разделилась, люди пошли к машинам.

– Подождите! – закричал Силвест. – Выслушайте меня! Вам хватит одного вездехода, вы разместитесь все, раз бросаете оборудование!

Слука снова обернулась к нему:

– А вы?

– А я останусь. Вместе с теми, кто не бросит меня, доведу дело до конца.

Студентка покачала головой, сорвала маску с лица и с отвращением плюнула на землю. Однако, догнав свою бригаду, повела ее ко второму вездеходу, ближайшему, оставив Силвесту тот, где был его кабинет. Копачи забрались в машину, кое-кто из них нес детали оборудования и ящики с археологическими находками. Видимо, инстинкты ученых возобладали над

желанием спастись. Силвест смотрел, как поднимаются трапы, как задраиваются шлюзы, как колоссальная машина встает на ноги, разворачивается и уходит прочь. Через минуту она уже скрылась с глаз, а грохот двигателя потонул в вое ветра.

Силвест огляделся, чтобы узнать, кто остался с ним.

Рядом стояла Паскаль. Ничего удивительного – эта женщина последует за ним даже в могилу, если будет знать, что там ее ждет тема для очередной сенсационной статьи. Была еще крошечная группка студентов, устоявших перед демагогией Слуки. К своему стыду, Силвест их имен не помнил. Может быть, в шурфах сидит еще десятка полтора ребят.

Немного успокоившись, он щелчком пальцев подозвал двоих рабочих:

– Демонтируйте гравитометры, они нам больше не понадобятся. – Следующая пара тоже получила задание. – Двигайтесь с дальней стороны площадки. Собирайте все инструменты, брошенные дезертирами, а также полевые дневники и упакованные образцы и находки. Когда кончите, приходите в большую шахту, я буду там.

– Что вы задумали? – спросила Паскаль, выключая и вставляя в компад камеру.

– Разве это не очевидно? Хочу узнать, что написано на обелиске.

Город Бездны, Йеллоустон, система Эпсилона Эрида, год 2524-й

Консоль чирикнула как раз в тот момент, когда Ана Хоури чистила зубы. Она вышла из ванной, не стерев с губ белую пену.

– Доброе утро, Ящик.

Герметик всплыл в комнату. Его дорожный паланкин был покрыт ярким орнаментом из завитков, на передней стенке виднелось темное окошко. При хорошем освещении Ане удавалось рассмотреть мертвенно-бледное лицо К. С. Нга, покачивающееся сразу за зеленым стеклом.

– А ты шикарно выглядишь! – полился из разговорного устройства скрипучий голос. – Где бы мне раздобыть то, что так сильно взбадривает тебя?

– Ящик, меня взбадривает кофе. И пить его надо литрами.

– Да я пошутил, – ответил Нг. – Выглядишь ты как разваренное дерьмо.

Она стерла ладонью пену с губ.

– Я только что проснулась, подонок ты этакий.

– Ну извини. – Сказано это было таким тоном, словно утреннее пробуждение – некий атавизм, от которого сам Нг уже давно избавился, как избавляются от аппендикса.

Возможно, он действительно обходился без сна. Хоури никогда не присматривалась к человеку, заточившему себя в ящик. Герметики – одна из самых экзотических сект, возникших после эпидемии плавающей чумы, а появилась она считанные годы назад. Эти люди так дорожили своими имплантированными органами и так боялись вирусов чумы, по их убеждению все еще витавших в относительно чистой атмосфере Полога, что покидали свои ящики лишь в герметичных помещениях. Иными словами, вести нормальный образ жизни они себе позволяли лишь на нескольких орбитальных станциях.

Опять заскрипел голос Нга:

– Прошу прощения, но, если не ошибаюсь, на сегодняшнее утро у нас запланировано убийство. Ты не забыла, что вот уже два месяца мы пасем некоего Тараши? Очень надеюсь, что не забыла, – ведь это тебе предстоит избавить беднягу от его никчемной жизни.

– Ящик, отцепись!

– А разве я цеплялся к тебе? Для меня это физически трудновыполнимо. Ну а если серьезно, то мы определили и место, и точное время убийства. Ты уже достигла нужной остроты?

Хоури снова наполнила чашку, а кофейник оставила на плите – выпьет, когда вернется домой. Кофе – ее единственная порочная привычка, память о солдатской службе на Окраине Неба. Штука в том, что необходимо уподобиться острому лезвию, а не накачаться кофеином до такой степени, когда голова гудит, а рука, держащая оружие, дрожит.

– Если ты имеешь в виду объем крови в моей системе кофеинообращения, то он понизился до приемлемого уровня.

– Тогда давай обсудим некоторые нюансы предстоящей операции, по крайней мере те, которые непосредственно касаются этого Тараши.

Нг буквально засыпал Хоури деталями будущего убийства. Большую их часть Ана уже знала – они были в плане, а кое-что она предложила сама, основываясь на опыте предыдущих умерщвлений. Тараши должен был стать ее пятой жертвой; она уже выявила некоторые закономерности «Игры». Хотя это не всегда было очевидно, но «Игра» имела свои правила, которые определяли основные подходы к каждому убийству.

Успехи Хоури не ускользнули от внимания прессы, и имя Хоури все чаще звучало в контексте «Игры теней», так что Ящик наверняка уже выбирал для нее очередную жирную дичь. В Ане крепло ощущение, что очень скоро она попадет в первую сотню убийц планеты. А это элита из элит.

– Ладно, – сказала она. – У Монумента, площадь восьмого уровня, западное крыло, в час. Проще некуда.

– Ты ничего не забыла?

– Ах да. Где оружие, Ящик?

Нг кивнул за зеленым стеклом:

– Там, дорогая малютка, где его оставила твоя зубная фея.

Герметик развернул паланкин и выехал из комнаты, оставив за собой слабый запах машинного масла. Хоури, нахмурилась, осторожно сунула руку под подушку. Там, как и сказал Ящик, что-то лежало. А вчера, когда укладывалась спать, ничего не было. Впрочем, теперь такие вещи ее не волновали. Действия Компании всегда отличались загадочностью.

Вот она и готова.

Хоури спрятала «подарок зубной феи» под одеждой и вызвала с крыши фуникулер. От его датчиков оружие, конечно, не укрылось, как и имплантаты в голове; машина наверняка отказалась бы брать пассажирку, если бы та не предъявила знак «Точки Омега» – сияющее голографическое изображение мишени, подрагивающее под слоем кератина на ногте правого мизинца.

– К Монументу Восьмидесяти, – сказала она.

Силвест спустился по лестнице и прошел по ступенчатому дну шахты к лужице света, где виднелась верхушка обелиска. Слук и один из ее помощников дезертировали, но оставшийся студент с помощью робота ухитрился откопать около метра сооружения. Для этого пришлось разобрать каменную кладку саркофага, и тогда обнажился массивный, покрытый искусной резьбой обсидиановый блок. На одной из его поверхностей виднелись четкие линии – амарантийское графическое письмо. Идущие рядами идеограммы говорили о том, что большая часть изображения – текст.

Ученые давно постигли основы этого письма, хотя им бы очень пригодился здешний Розеттский камень. Амарантийский был восьмым мертвым инопланетным языком, обнаруженным людьми в радиусе примерно пятидесяти световых лет от Земли. Не имелось никаких доказательств тому, что эти восемь видов разумных существ когда-либо контактировали друг с другом. Ни жонглеры образами, ни затворники тут помочь не могли – у них не было ничего даже близко похожего на письменность. Силвест, которому приходилось иметь дело с обеими расами – по крайней мере, с их технологиями, – понимал это не хуже других.

Амарантийскую письменность разгадали компьютеры. На это ушло более тридцати лет – потребовалось коррелировать миллионы артефактов, пока не удалось создать базовую модель, с помощью которой раскрыли общий смысл большинства найденных надписей. Помогло то, что к концу существования этой расы сложился единый амарантийский язык, менявшийся очень медленно, так что одна и та же модель дала возможность расшифровывать надписи, разделенные несколькими десятками тысяч лет. Разумеется, оставались смысловые нюансы, сложные для истолкования. И тут на помощь теории приходила человеческая интуиция.

Амарантийская письменность ничем не походила на те, которые уже были известны человечеству. Все тексты были стереоскопичны. Они состояли из сплетающихся линий, которые должны были создать определенный рисунок в зрительном центре головного мозга. Предки амарантийцев были чем-то вроде птиц или летающих динозавров, но с разумом лемуров. В далеком прошлом их глаза располагались по обеим сторонам черепа, что привело к развитию двухкамерного мозга, где каждая половина синтезировала собственную модель мира. Позднее амарантийцы стали охотниками, обзавелись бинокулярным зрением, но система связей в мозгу все еще сохраняла следы ранних фаз развития. Большинство амарантийских артефактов отражали эту ментальную двойственность, в частности в виде ярко выраженной вертикальной симметрии идеографических символов.

Этот обелиск не был исключением.

Силвест не нуждался в специальных очках, какими пользовались его сотрудники при чтении амарантийских иероглифов. Стереоскопичность видения достигалась благодаря особому устройству его глаз, где был использован один из наиболее удачных алгоритмов Кэлвина. Но сам процесс чтения все равно оставался пыткой, ибо требовал невероятного напряжения.

– Посвети мне, – сказал он студенту, который тут же отцепил ближайший переносной прожектор и направил его на ту сторону обелиска, где была выбита надпись.

Наверху полыхнула молния – сильный разряд электричества между разнозаряженными пылевыми облаками.

– Что-нибудь можете прочесть, сэр?

– Пытаюсь, – ответил Силвест. – Это, знаешь ли, непросто, особенно когда ассистент плохо держит лампу и свет прыгает по поверхности.

– Извините, сэр. Я стараюсь, но сюда задувает все сильнее.

Студент не преувеличивал. Даже в шахте появились пылевые вихри. Было видно, что они растут и крепнут; в воздухе уже колыхались серые пылевые завесы. В таких условиях долго не проработаешь.

– Ладно, не обижайся, – сказал Силвест. – Я очень ценю твою помощь. – Чувствуя, что его слова далеко не соответствуют ситуации, он добавил: – И очень обязан тебе за то, что ты остался со мной, а не ушел со Слукой.

– Выбор был не так уж труден. Тут не все готовы отместить ваши гипотезы с порога.

Силвест перевел взгляд с обелиска на студента:

– Ты имеешь в виду все мои гипотезы?

– Мы считаем, что все они достойны, как минимум, проверки. В конце концов, узнать, что случилось в те далекие времена, для колонии было бы бесполезно.

– Ты имеешь в виду Событие?

Студент кивнул:

– Если амарантийцы и в самом деле сами вызвали катастрофу, причем она совпала по времени с началом космических полетов... то наша экспедиция имеет более чем академический интерес.

– Мне не очень нравится окончание фразы. «Академический интерес»... Это звучит так, будто все остальное автоматически становится выше его. Но ты прав, нам нужно разобраться.

Подожла Паскаль:

– И в чем именно нам нужно разобраться?

– А что, если они действительно сумели как-то повлиять на солнце и оно убило их? – Силвест обернулся к Паскаль, будто хотел пронзить ее взглядом фантастически больших серебряных фасеточных глаз. – Так вот, нам не следует повторять их ошибок.

– Вы полагаете, это был несчастный случай?

– Я очень сомневаюсь, Паскаль, что они сделали это умышленно.

– Это-то я понимаю. – Журналистка не выносила, когда Силвест переходил в разговоре с нею на насмешливый тон. – И еще я понимаю, что инопланетяне каменного века не могли никак повлиять на поведение своего солнца. Ни случайно, ни целенаправленно.

– Мы знаем, что они были довольно развиты, – возразил Силвест. – Пользовались колесом и даже порохом. У них были рудиментарные познания в оптике, они занимались астрономией в связи с интересами земледелия. Путь от такого же уровня и до космических полетов человечество проделало за пятьсот лет. Было бы дурацким предрассудком считать, что иные биологические виды не способны на то же самое.

– Но где доказательства? – Паскаль встала, чтобы стряхнуть с пальто наслоившуюся мелкую пыль. – О, я прекрасно знаю, что вы скажете: никакие высокотехнологичные артефакты не уцелели – они были слишком хрупкими по сравнению с изделиями ранних эпох. Впрочем, если бы даже подобные свидетельства уцелели, что это изменило бы? Даже сочленители не умеют зажигать и гасить звезды, а они в техническом отношении развиты куда сильнее прочего человечества, включая нас с вами.

– Я знаю. И это меня беспокоит больше всего.

– Ладно, так что же говорит надпись?

Силвест тяжело вздохнул и снова повернулся к обелиску. Он позволил отвлечь себя от изучения артефакта, надеясь, что в перерыве мозг поработает на подсознательном уровне и тогда смысл надписи внезапно прояснится, станет ослепительно-очевидным, как было с ответом на одну из психологических проблем, что не давали ему покоя перед визитом к затворникам. Но истина упорно пряталась, иероглифы все еще таили свой смысл. А может, виновато напряженное ожидание? Ведь он надеялся на что-то монументальное, на что-то такое, что сразу подтвердит его идеи, хоть они и пугали его самого.

Надпись, похоже, просто сообщала о каком-то имевшем здесь место событии. Возможно, оно имело большое значение для истории амарантийцев, но надежды Силвеста едва ли оправдывало. Конечно, еще предстоит сложный компьютерный анализ, да к тому же пока Силвест располагает лишь малой частью текста, но бремя разочарования уже согнуло его плечи; обелиск его больше не интересовал.

– Что-то произошло в этих местах. Может, сражение, может, сошествие бога. Вот и все. Памятный столб. Мы узнаем больше, когда откапываем его целиком и займемся датировкой слоев. Кроме того, мы проведем ЗЭ-анализ и выясним, из какого материала сделан артефакт.

– Значит, это не то, что вы искали?

– Сначала я думал, что именно то.

Силвест присмотрелся к нижнему краю раскопанной поверхности обелиска. Текст кончался в нескольких дюймах от кладки саркофага, а чуть ниже виднелось еще что-то, уходившее под слой вечной мерзлоты. Что-то вроде карты или диаграммы – просматривались лишь верхние части концентрических кругов или дуг.

И что же это такое?

Силвест не мог да и не хотел гадать. Буря усиливалась. Звезды исчезли, над шахтой был виден лишь пылевой покров – как машущие крылья гигантской летучей мыши. Оглушительно ревел ветер. Оказаться там – значило попасть в дьявольскую переделку.

– Дайте мне что-нибудь, буду копать.

Получив лопату, Силвест начал соскребать мерзлый грунт, составлявший поверхность слоя саркофагов. Он работал с рвением заключенного, которому предстояло до рассвета прорыть длинный спасительный тоннель. Паскаль и студент тоже копали. А наверху дико выла песчаная буря.

– Я мало что помню, – сказал капитан. – Мы все еще крутимся вокруг Пухляка?

– Нет. – Вольева старалась не показать, что объясняла это уже многократно – каждый раз, как согревала ему мозг. – Мы покинули Крюгер Шестидесят-А несколько лет назад. После того, как Хегази добыл для нас ледяную оболочку, в которой мы безумно нуждались.

– Вот как?! Но тогда где же мы?

– Идем к Йеллоустону.

– Зачем?

Капитанский бас гремел из динамиков, расположенных поодаль от криокапсулы. Сложные алгоритмы шарили по мозговым извилинам «спящего», преобразуя результаты в речь, отбрасывая все лишнее. Вообще, загадкой было уже то, что к капитану возвращалось сознание – ведь вся его нервная деятельность должна была прекратиться, когда температура мозга упала ниже точки замерзания. Но в мозгу капитана трудилось множество микроскопических машинок. Строго говоря, думали именно они, причем в условиях, когда температура была всего лишь на полкельвина выше абсолютного нуля.

– Зачем мы идем к Йеллоустону? – Вольевой было не по себе, причем вовсе не из-за общения с капитаном. – Хороший вопрос...

– Каков же ответ?

– Садзаки полагает, будто там живет человек, способный вам помочь.

Капитан долго вникал в ее слова. На своем браслете Илия видела карту его мозга, по которой пробегали разноцветные волны, будто атакующие армии на поле боя.

– Тогда этот человек – Кэлвин Силвест, – произнес капитан.

– Кэлвин Силвест умер.

– Значит, Дэн Силвест. Это его решил разыскать Садзаки?

– Полагаю, больше некого.

– Он не согласится прийти. В прошлый раз отказал.

Наступило молчание. Температурные колебания время от времени отключали мозг капитана.

– Садзаки следовало бы это знать. – Капитан снова обрел способность мыслить.

– Я уверена, что Садзаки рассмотрел все возможности. – Судя по тону Вольевой, она была готова поверить во что угодно, но только не в собственные слова.

Нет, надо быть осторожнее, когда говоришь о другом триумвире. Садзаки – самый верный адъютант капитана. Они были знакомы давно, задолго до того, как Вольева вошла в команду. Насколько она знала, никто, кроме нее, не разговаривал со «спящим» и даже не знал о подобной возможности. Ни к чему было так глупо рисковать, даже учитывая пробелы в памяти капитана.

– Тебя что-то беспокоит, Илия? Раньше ты доверяла мне. Дело в Силвесте?

– Нет, причина беспокойства находится не так далеко.

– На борту корабля?

«Вряд ли я когда-нибудь привыкну к этому», – подумала Вольева.

Но визиты к капитану в последние недели казались ей куда более привычным и естественным делом, чем раньше. Получалось, что посещение трупа, сохраняемого в условиях сверхнизких температур, трупа, несущего временно подавляемую, но опасную для всего сущего болезнь, стало для нее немного неприятной, но совершенно необходимой обязанностью. Чем-то таким, что ты просто вынужден время от времени делать.

Сейчас, однако, она сделала еще один шаг навстречу капитану, и черт с ним, со страхом, который остановил ее мгновение назад, когда она была уже готова выразить свое недоверие к Садзаки.

– Это насчет центрального артиллерийского поста, – начала она. – Помните его? Помещение, из которого управляют орудиями, хранящимися на тайном складе?

– Кажется, помню. Так что с ними?

– Я обучала артиллериста-стажера. Ему предстояло занять место в ЦАПе и взять контроль над орудиями с помощью вживленных в мозг имплантатов.

– Кто этот стажер?

– Борис Нагорный... Нет, вы его не знаете, он появился на борту сравнительно недавно. Я старалась держать его подальше от остальных. И даже помыслить не могла о том, чтобы привести сюда. Причина очевидна.

Причина заключалась в том, что болезнь капитана могла перекинуться на имплантаты Бориса. Вольева тяжело вздохнула. Она подходила к кульминации своего повествования.

– Нагорный всегда был не вполне уравновешенным. Во многих отношениях человек, стоящий на грани психопатии, был для меня предпочтительнее абсолютно нормального. Так, во всяком случае, я думала тогда. Оказалось, что я недооценила душевное нездоровье Нагорного.

– Ему стало хуже?

– Все случилось после установки имплантатов и первой попытки контакта с орудиями. Он стал жаловаться на кошмары чрезвычайной силы.

– Какое испытание для бедняги!

Вольева кивнула. Она догадывалась о том, что пережил капитан, когда болел, но все еще сохранял сознание. Какие кошмары, наверное, посещали его! Испытывал ли он при этом боль? И что такое боль в сравнении с пониманием, что тебя едят заживо, одновременно превращая в нечто совершенно чужеродное!

– Я не знаю, каковы были его кошмары, – сказала она. – Знаю лишь, что для Нагорного, чья голова и без того была набита страхами – их хватило бы на всех нас, – это оказалось невыносимым.

– И как ты поступила?

– Все заменила. И интерфейс ЦАПа, и имплантаты Нагорного. Совершенно без толку – кошмары продолжались.

– Уверена, что они как-то связаны с ЦАПом?

– У меня такая версия просто в голове не укладывалась, но несколько сеансов контроля дали весьма красноречивую статистику. – Илия закурила новую сигарету – зажгла одинокую оранжевую звездочку в космосе капитана. Находка целого блока сигарет – ее единственная радость за последние недели. – Я снова заменила всю систему, но это ничего не дало. Ему стало еще хуже. – Сделав паузу, она призналась: – И тогда я посвятила в проблему Садзаки.

– Какова была его реакция?

– Он потребовал, чтобы я перестала экспериментировать, по крайней мере до тех пор, пока мы не доберемся до орбиты Йеллоустона. Пусть Нагорный проведет несколько лет в криосне, может, – это благотворно скажется на его рассудке. Сама я могу сколько угодно возиться в ЦАПе, но Нагорного туда допускать нельзя.

– Что ж, по мне – вполне разумный совет. Ты, разумеется, его отвергла?

Вольева кивнула и поймала себя на парадоксальном чувстве: ей было приятно, что капитан догадался о ее проступке и теперь не надо выдавливать из себя признание.

– Меня ведь разбудили на год раньше других. Дали время ознакомиться с системой, велели контролировать ваше состояние. Этим я и занималась несколько месяцев. До тех пор, пока не решила разбудить Нагорного.

– Ты продолжала эксперименты?

– Да. До вчерашнего дня. – Она глубоко затянулась сигаретой.

– Не тяни из меня жилы, Илия. Что случилось вчера?

– Нагорный бежал. – Вот! Наконец-то она высказалась. – У него случился сильный приступ, он накинулся на меня. Я защищалась, он удрал. Спрятался где-то на корабле, но где именно, не знаю.

Капитан задумался. Илия догадывалась, о чем он размышляет. Корабль очень велик, в нем есть места, которые невозможно просканировать, поскольку датчики там давно не работают. А если беглец будет почаще менять укрытия, это еще больше затруднит поиски.

– Необходимо разыскать этого парня, – сказал капитан. – Нельзя, чтобы он гулял на свободе, когда Садзаки и другие проснутся.

– А потом что?

– Вероятно, придется его убить. Но сделать это надо аккуратно. Заморозить тело в капсуле и сказать, что так и было.

– То есть представить это как несчастный случай?

– Да.

На лице капитана, которое Илия видела в смотровое окошко, по обыкновению ничего не отразилось. У него мимические возможности, как у мраморной статуи, подумала она.

Это было хорошее решение. Замороженная собственными проблемами, Илия не смогла до него додуматься. До последней минуты она боялась конфронтации с Нагорным, поскольку та могла привести к его смерти, а такое развитие событий представлялось неприемлемым. Оказывается, оно вполне приемлемое, если взглянуть с правильной точки зрения.

– Спасибо, капитан, – сказала Вольева. – Вы мне очень помогли. А теперь, с вашего разрешения, я вас снова заморозжу.

– Но ведь ты скоро вернешься, да? Мне приятно разговаривать с тобой, Илия.

– Я ни за какие коврижки не пропущу нашей встречи. – Она приказала браслету снизить температуру мозга капитана на пятьдесят милликельвинов. Это отправит его назад, в дрему, в бездумное небытие. Так она считала.

Вольева в тишине докурила сигарету, а потом перевела взгляд с капитана в темный изгиб коридора. Где-то там, в корабельных недрах, ее подкарауливает Нагорный. Он затаил на нее глубокую обиду. Он болен. У него поехала крыша.

Это бешеная собака, которую надо пристрелить.

– Кажется, я знаю, что это такое, – произнес Силвест, когда последний мешавший камень кладки был удален и открылась верхняя часть грани обелиска площадью два квадратных метра.

– И что же?

– Это карта системы Дельты Павлина.

– Что-то мне подсказывает: вы уже давно знаете это.

Паскаль глядела через выпуклые очки на сложный рисунок – две группы слегка искаженных концентрических окружностей. Стереоскопически совмещенные, они должны были дать единую картину, как бы висящую в воздухе перед обсидиановым обелиском. Это были орбиты планет. Сомнений быть не могло. Солнце – Дельта Павлина – находилось, как и полагается, в центре, помеченное амарантийским иероглифом – пятиконечной звездой, что сразу же напоминало о Земле. Затем следовали четкие орбиты главных небесных тел этой системы. Ресургему был присвоен символ, означавший мир. Сомнений нет. Это не случайный набор окружностей – около главных планет изображены их спутники.

– Были кое-какие догадки, – сказал Силвест.

Он совершенно выдохся, проработав в шахте всю ночь, да еще испытывая постоянный страх, но дело того стоило. Очистить второй метр обелиска было куда труднее, чем первый, да и буря выла, точно эскадрон баныши, примчавшийся с дикими воплями за душами археологов.

Но, как это бывало и раньше, как будет и впредь, буря так и не достигла той силы, о которой предупреждал Кювье. Теперь самое худшее позади, хотя тучи пыли еще мечутся в небе, точно черные знамена. Тем не менее розовый рассвет уже прогоняет ночь. Похоже, опасность миновала.

– Все это ничего не меняет, – стояла на своем Паскаль. – Мы ведь давно в курсе, что они занимались астрономией. Находка говорит лишь о том, что на каком-то этапе своего развития амарантийцы узнали о гелиоцентричности этой планетной системы.

– Нет, находка дает гораздо больше, – медленно произнес Силвест. – Далеко не все эти планеты видны невооруженным глазом, даже если учесть возможные физиологические особенности амарантийцев.

– Значит, у них были телескопы!

– Не так давно вы называли их инопланетянами каменного века. А теперь приписываете им умение делать телескопы?

Журналистка вроде бы улыбнулась, но маска на ее лице не давала уверенности в этом. Паскаль запрокинула голову: что-то блестящее пронеслось между барханами. Это под пылевыми облаками летел дельтоид.

– Похоже, у нас гости, – сказала Паскаль.

Они так быстро взобрались по лестнице, что запыхались, когда оказались наверху. Хотя ветер начал слабеть несколько часов назад, ходить по отвалам было чистым наказанием. На территории раскопок царил хаос: прожекторы и гравитометры опрокинуты, некоторые сломаны, прочее оборудование валяется где попало.

Самолет кружил над головами; пилот высматривал место для посадки. Силвест сразу понял, что дельтоид прилетел из Кювье – в Мантеле таких больших нет. На Ресургеме летающих аппаратов вообще было мало и ценились они высоко, по скольку лишь благодаря им поддерживалась связь между поселками, расположенными в нескольких сотнях километров друг от друга.

Все действующие ныне самолеты были изготовлены еще в первые годы существования колонии. Делали их роботы, используя местное сырье. Роботы-конструкторы были уничтожены или похищены во время мятежа, и все, что осталось после них, ценилось на вес золота. Конечно, самолеты могли самовосстанавливаться после небольших аварий, так что особого ухода не требовали. Но некоторые стали жертвами диверсий или небрежности; с годами воздушный флот колонии сокращался.

Блеск дельтоида резал Силвесту глаза. Нижняя поверхность крыла была усеяна тысячами тепловых элементов. Они-то, раскаленные добела, и обеспечивали термический подъем машины. Их сияние было слишком сильным для органов зрения, которыми снабдил сына Кэлвин.

– Кто это? – спросил кто-то из студентов.

– Мне и самому интересно, – отозвался Силвест.

Его не радовало, что дельтоид прибыл из Кювье. Он смотрел, как тот снижается, отбрасывая на землю яркие разноцветные тени – это остывали термические элементы, проходя всю гамму радуги. Самолет сел на полозья. Тут же опустилась аппарель, и по ней сошла группа людей. Глаза Силвеста перешли на инфракрасный режим, так он лучше разбирал движущиеся в его направлении силуэты.

Гости были облачены в темные комбинезоны, шлемы, большие дыхательные маски и что-то вроде пуленепробиваемых жилетов с блестящими знаками различия администрации. Словом, это была пресловутая милиция колонии. Каждый держал наперевес оружие – длинную, весьма зловещего вида винтовку с рукоятками и подствольным ракетометом.

– Выглядят они не слишком дружелюбно, – осторожно произнесла Паскаль.

Отряд остановился, не дойдя нескольких шагов.

– Доктор Силвест? – Ветер, еще довольно сильный, отчасти заглушил голос милиционера. – Боюсь, сэр, у меня для вас плохие новости.

Силвест ничего другого и не ждал.

– В чем дело?

– Второй вездеход, сэр, тот, что уехал раньше...

– Что с ним?

– Вашим людям не удалось добраться до Мантиля, сэр. Мы их обнаружили. Они попали под оползень. На гряде собралось много пыли. У них не было ни единого шанса, сэр.

– Слука?

– Все погибли, сэр. – Громоздкая маска делала человека из администрации похожим на слоновьего бога. – Нам очень жаль. Какая удача, что не все уехали одновременно.

– Это больше чем удача, – вздохнул Силвест.

– Сэр, есть еще кое-что. – Представитель власти крепче сжал оружие, скорее демонстрируя его наличие, чем угрожая. – Вы арестованы, сэр.

Резкий голос К. С. Нга заполнил всю кабину вагончика. Больше всего он был похож на пронзительное жужжание пойманной осы.

– Так ты работаешь над своим вкусом? Я имею виду красоту нашего великолепного города.

– Про вкус и красоту уж кто бы говорил, – хмыкнула Хоури. – Ящик, когда ты в последний раз вылезал из своего идиотского кокона? Вряд ли это было на памяти ныне живущих.

Естественно, Нг не мог находиться рядом с ней, его паланкин не втиснулся бы в такой маленький вагончик канатной дороги. Машина была узкофункциональной – ничего лишнего, способного привлечь внимание посторонних, особенно сейчас, на завершающем этапе охоты. Припаркованная на крыше, она походила на бесхвостый вертолет, частично сложивший свои лопасти. Ее важнейшими деталями были тонкие телескопические рычаги, которые заканчивались захватами, зловеще изогнутыми наподобие когтей ленивца.

Когда Хоури села в машину, дверца автоматически захлопнулась, оставив снаружи дождь и басовитый гул городского транспорта. Ана сказала, куда ехать – к Монументу Восьмидесяти, глубоко увязшему в Мульче. Машина на мгновение задумалась, вероятно рассчитывая оптимальный путь, оценивая состояние транспортных потоков и проверяя непрерывно меняющуюся топологию ведущих туда тросов. Процесс этот требовал времени, так как бортовому электронному мозгу было далеко до совершенства. Наконец Хоури почувствовала, что центр тяжести машины немного сместился. Через верхнее стекло дверцы она увидела, как одна из «рук» вытянулась, вдвое увеличив свою длину, и ухватила за трос, проходивший над крышей здания.

Затем нужную точку на другом тросе разыскала вторая «рука». Резкий скачок – и вагончик уже в воздухе. Несколько секунд он скользит по двум тросам, затем один из них уходит в сторону, так что машина должна его отпустить. Она разжимает «когти», а третья «рука» тут же хватается за новый трос, пересекающий дорогу машине. Снова несколько секунд скольжения в нужном направлении, снова падение, снова подъем, и вот появляется хорошо знакомая противная тяжесть в желудке. И невозможно избавиться от жуткого ощущения, что машина не выбирает тросы целенаправленно, а хватается их наугад. Чтобы хоть немного отвлечься, Хоури занялась дыхательными упражнениями, поочередно напрягая и расслабляя пальцы рук, затянутых в черные кожаные перчатки.

– Должен признаться, – продолжал болтать Ящик, – что я уже довольно долго не подвергал себя воздействию присущих городу ароматов. Но то я, а тебе беспокоиться совершенно не о чем. Система его очистки – одна из немногих, которые не прекратили функционировать после эпидемии.

Теперь, когда вагончик уже миновал скопление зданий, которое можно было с натяжкой назвать жилым районом и в котором обитала Хоури, перед ней разворачивалась гигантская панорама Города Бездны. Казалось невероятным, что этот дремучий лес уродливых строений был когда-то самым процветающим городом в истории человечества, что отсюда на протяжении двух столетий изливался обильный поток научных и художественных новаций. Теперь даже местный люд признавал, что этот край видывал лучшие времена. С некоторой долей иронии жители называли его Городом Вечного Сна, поскольку многие тысячи его самых богатых обывателей улеглись в криогенные установки, рассчитывая провести там период упадка, который, по их мнению, являлся лишь случайным провалом на восходящей кривой роста благоденствия и процветания.

Естественной границей Города была кромка кратера диаметром шестьдесят километров. Сам город имел форму кольца, окаймлявшего зев Бездны. Город был укрыт восемнадцатью куполами, занимавшими пространство между стеной кратера и пропастью. Купола соприкасались гранями и удерживались на подпорных башнях. Эти купола больше всего напоминали покровы, которыми завешивают мебель в спальне недавно усопшего. Местные прозвали все это Москитной Сеткой, хотя существовало еще с десятков названий, заимствованных из разных языков. Без куполов город не мог бы существовать. Атмосфера Йеллоустона – холодная смесь азота и метана, соотношение между которыми все время менялось, приправленная коктейлем сложных соединений водорода и углерода, – была для человека убийственной. К счастью, кратер защищал от самых страшных ветров и селей жидкого метана, а смесь горячих газов, изрыгаемых Утробой, могла быть превращена в пригодный для дыхания воздух весьма простым и дешевым технологическим процессом. Были на Йеллоустоне и другие колонии, куда меньше Города Бездны, но у них возникли огромные проблемы с созданием локальной биосферы, особенно с обеспечением населения воздухом.

В первые дни своего пребывания на Йеллоустоне Хоури спрашивала у местных, кому вообще пришло в голову заселить столь негостеприимную планету? На Окраине Неба бесконечно полыхают войны, но там хоть можно жить без куполов и техники, создающей пригодную для дыхания атмосферу. Однако вскоре Хоури поняла: рассчитывать на более или менее содержательный ответ не стоит даже в том случае, если подобный вопрос не воспримут как дерзость чужака.

Впрочем, ответ и так был ясен. Бездна привлекла к себе первых исследователей, они создали скромное поселение, а затем образовалось что-то вроде пограничного городка. Безумцы, игроки, мечтатели с горящими глазами летели сюда как мотыльки на огонь, привлеченные слухами о богатствах Бездны. Кто-то возвращался разочарованным, кто-то погибал в ядовитых пламенных глубинах вулкана. А выжившие энтузиасты гордились дивной красотой этих мест. Быстро пролетели двести лет, и кучка жалких лачуг превратилась в Город Бездны.

Он непрерывно и беспорядочно рос во всех направлениях и казался живой чашчобой, которая вот-вот исчезнет в туманной дымке Бездны. Самые старые постройки сохранились на удивление хорошо. Эти здания, похожие на ящики, не поддались эпидемии, потому что в них не было систем саморемонта и самоперестройки. Напротив, новейшие небоскребы теперь напоминали трухлявый валежник с торчащими обломками ветвей и корней.

Когда-то эти небоскребы обладали симметрией и поражали величественной красотой, но плавающая чума изуродовала их, заставив расти вкривь и вкось, выбрасывая в стороны шарообразные утолщения и извилистые мерзкие щупальца. Потом эти здания умерли, окоченели в диковинных позах, – казалось, Город строили безумные архитекторы, чтобы постоянно будить в людях страх и дурные предчувствия. Возле таких домов образовались нижние ярусы, они представляли собой сплошные трущобы и блошинные рынки, освещавшиеся по ночам кострами и очагами.

В трущобах копошились человечки: кто шел пешком, кто ехал на рикше по шатким мосткам, переброшенным через развалины. Тут почти не использовались иные виды энергии, кроме мускульной и в меньшей степени паровой.

Трущобы никогда не поднимались выше десятого этажа небоскребов, так как могли легко обрушиться под собственной тяжестью. Поэтому над ними еще на двести-триста метров взбирались относительно ровные, сравнительно мало изуродованные эпидемией стены огромных зданий. И никаких признаков того, что там живут люди. Только на самых верхних этажах человеческое присутствие давало о себе знать. Это были какие-то пристройки на столбах, похожие на гнезда аистов среди ветвей. Стекла этих пристроек отражали блеск власти и богатства. Они были ярко освещены. Сверкали неоновые рекламы. Лучи прожекторов, подвешенных к карнизам, выхватывали миниатюрные фуникулеры-такси, связывавшие между собой различные районы города.

Эти машины торопливо пробирались по канатам, оплетающим здания, точно пауэчи тенета. Имя этого возвышавшегося над трущобами города в городе было Полог.

Здесь не бывает настоящего дня, подумала Хоури. В Пологе она ни разу не чувствовала себя проснувшейся. Казалось, он погружен в вечные светлые сумерки.

– Ящик, когда у властей найдется время отчистить от грязи Moskitную Сетку?

Нг засмеялся – будто затрясли жестяное ведро со щебнем.

– Наверное, никогда. Разве что кто-то придумает способ делать из грязи деньги.

– И кто из нас сейчас хаёт город?

– Мы-то с тобой можем себе это позволить. Когда сделаем дело, почему бы не махнуть на «карусели» и не пожить как приличные люди?

– Это в душных коробках-то? Нет уж, Ящик, мне такого восторга не вынести, так что на мою компанию не рассчитывай.

Перед Хоури открылась Бездна; фуникулер приблизился к внутренней стороне тороидальной воронки. Бездна представляла собой глубочайший провал в материнских породах, ее изъеденные ветровой эрозией стены сначала были отлогими, а затем круто обрывались. Их покрывали трубы, которые уходили в ревущую пропасть; оттуда извергались клубы паров. Там находилась фабрика по переработке газов, она снабжала Город воздухом для дыхания и теплом.

– Кстати, о деле. Что скажешь насчет оружия?

– Думаю, ты сумеешь с ним разобраться.

– Ты платишь, я разбираюсь. Но надо знать, с чем я имею дело.

– Если у тебя с этим проблемы, то советую поговорить с Тараши.

– Он что, сам изобрел эту штуковину?

– До самой последней детали.

Теперь вагончик скользил над Монументом Восьмидесяти. Хоури еще никогда не видела его в таком ракурсе. По правде говоря, если смотреть снизу, он выглядит куда величественнее. Сейчас он производил впечатление сильно побитого непогодой – довольно жалкое зрелище.

Это была пирамида с квадратным основанием, наподобие зиккурата. Нижние этажи обросли халупами на сваях, как днище корабля ракушками. Наверху мраморная облицовка сменялась зеркальными окнами, но с улицы не видно, что многие стекла побиты, металлические рамы частью сломаны, частью вовсе вылетели. Похоже, именно здесь и должно случиться убийство.

Обычно о подобных вещах не ставили в известность заранее. Должно быть, Тараши сам настоял на этой детали. В контракт с будущей жертвой такие пункты вносились разве что в тех случаях, когда клиент считал свои шансы выжить и избавиться от преследователя за условленный период времени очень высокими. Таким образом практически бессмертные богачи разгоняли скуку, переставая подчиняться законам и правилам. Если удастся пережить «Игру» – а

так и бывало в большинстве случаев, – богатенький охотник будет потом долго хвастать своими подвигами.

Хоури отлично помнила, как сама включилась в «Игру теней». В тот день она очнулась на орбите Йеллоустона, на спутнике с криогенными установками, которым заправлял орден ледяных нищенствующих. На Окраину Неба эти нищенствующие никогда не забредали, но она кое-что слышала об их промысле. Эта добровольная религиозная организация дала обет помогать тем, чье здоровье серьезно пострадало при космических перелетах. Например, очень частым явлением была посткриогенная амнезия – побочный результат размораживания после криосна.

Пробуждение на спутнике ледяных нищенствующих – это уже причина для беспокойства. А в случае с Хоури амнезия была настолько серьезной, что стерла даже память о космическом перелете. Последнее ее воспоминание было весьма специфическим: она лежит в госпитальной палатке на Окраине Неба, а рядом ее муж Фазиль. Обоим досталось в очередном сражении. Ранения не угрожали жизни и могли быть излечены в любом орбитальном госпитале. Пришел санитар и стал готовить пациентов к кратковременному криосну. Их охладят, отправят на орбиту в шаттле, а там поместят на склад – дожидаться, когда у хирургов дойдут до них руки. Процедура могла продлиться несколько месяцев, но санитар намекнул, что есть неплохие шансы вернуться в строй до окончания войны. Хоури и Фазиль поверили санитару, – в конце концов, они были настоящими профессионалами.

А потом она пробудилась. Но вместо того, чтобы перебраться в палату для выздоравливающих, оказалась на попечении ледяных нищенствующих. У вас, заявили ей с йеллоустонским акцентом, нет ни амнезии, ни иных осложнений, какие бывают у «слякоти». Все гораздо хуже.

Причину случившегося главный нищенствующий назвал бюрократической ошибкой. На орбите Окраины Неба в криогенную установку попала ракета. Хоури и Фазиль оказались среди немногих счастливых, оставшихся в живых, но все их документы пропали. В ходе опознания замороженных ошибок избежать не удалось. Хоури приняли за наблюдательницу-демархистку, которая изучала войну на Окраине Неба и уже собиралась вернуться на Йеллоустон, когда попала под обстрел. Хоури прооперировали, а затем погрузили на борт корабля, уже готовившегося к старту.

К сожалению, с Фазилем такой ошибки не произошло. Пока корабль уносил спящую в криокапсуле Хоури за многие световые годы к Эпсилону Эридана, Фазиль старел – на один год за каждый год ее полета. Разумеется, сказали нищенствующие, подмену вскоре обнаружили, но было уже поздно. Рейсов до Окраины Неба нет и не ожидается еще лет десять. Даже если бы Хоури отправилась на Окраину Неба сейчас же (что опять-таки невозможно, учитывая, на какие планеты предстоит лететь кораблям, висящим ныне на орбитах Йеллоустона), до воссоединения с Фазилем прошло бы лет сорок. А Фазиль и знать не будет, что она возвращается, – вполне может жениться, завести детей и даже внуков. Прилети Хоури к нему, и она станет призраком былой любви, давно поглощенной Небытием. А ведь еще необходимо учитывать, что Фазиль мог погибнуть, вернувшись на фронт.

До того как нищенствующие изложили все эти доводы Хоури, она никогда не задумывалась о скорости света. Знала только, что во всей Вселенной нет ничего быстрее... Но, как она теперь убедилась, эта скорость слишком мала, чтобы сохранить жизнь любви.

Один беспощадный момент истины – и она поняла, что важнейшие свойства Вселенной, ее физические законы, сговорились между собой, чтобы подвести ее к пропасти, полной ужаса и одиночества. Ей было бы легче, куда легче, если бы она знала, что Фазиль умер. Теперь же между нею и им лежит океан неизвестности – пространство и время.

В ней бушевал гнев, грозя сжечь ее дотла.

Позже в тот день пришел человек и предложил Хоури убивать по найму, и она удивительно легко согласилась.

Имя этого человека было Таннер Мирабель. Он тоже был солдатом с Окраины Неба. Таннер считался настоящим специалистом по выискиванию потенциальных убийц; он заинтересовался Хоури, как только ее разморозили. Мирабель связал ее с мистером Нгом, известным герметиком.

Вскоре Нг пригласил ее на собеседование. За этим последовали психометрические тесты. Убийцы, как считали на этой планете, должны быть людьми здравомыслящими, склонными к аналитическому мышлению. Чтобы четко различали законное умерщвление и уголовное преступление и не переступали весьма зыбкую границу. В противном случае акции компании могут рухнуть в Мультчу.

Все эти тесты Хоури прошла легко.

Были и другие. Иногда заказчики требовали чрезвычайно хитроумных способов своей потенциальной ликвидации, поскольку в глубине души не верили, что дойдет до убийства, и считали себя достаточно умными и изворотливыми, чтобы протянуть условленные дни и даже месяцы охоты и оставить убийцу с носом. Поэтому Хоури надлежало свести близкое знакомство со всеми видами оружия, используемого в «Игре».

Ну, уж чем-чем, а орудиями убийства профессионального солдата с Окраины Неба не удивишь.

Но даже она не видела ничего похожего на ту штуковину, которую ей доставила «зубная фея» в этот раз.

Потребовалось не меньше минуты, чтобы понять, как собирается это ружье. Получилось нечто вроде снайперской винтовки с чудовищно толстым перфорированным стволом. Обойма содержала несколько черных, похожих то ли на дротики, то ли на мальков рыбы-меч патронов. На каждой пуле присутствовала красноречивая метка – голографическое изображение черепа. Это удивило Хоури – она еще никогда не применяла отравленные боеприпасы.

А что за дела с этим Монументом?

– Ящик, – сказала она, – мне хотелось бы кое-что...

В этот момент фуникулер резко устремился вниз. Рикши прямо по его курсу изо всех сил закрутили педали, чтобы избежать столкновения. Перед глазами полыхнуло, на сетчатке отпечатались цифры – плата за проезд.

Хоури провела мизинцем по кредитному терминалу, переводя деньги с защищенного счета – у этого банка, находящегося в Пологе, не было никаких контактов с «Точкой Омега». «Цель» с хорошими связями способна отследить передвижения своего охотника по ряби на поверхности финансового моря. Заметанием следов пренебрегать нельзя.

Хоури открыла дверцу и выскочила. Здесь, как и всегда на поверхности планеты, шел мелкий дождь; его называли внутренним. Специфическая вонь Мультчи – смесь запахов канализации, пота, пряностей, озона и едкого дыма очагов – с силой ударила в ноздри. Шум тоже был невыносим: повозки, рикши, колокольчики, клаксоны. В этот фон вплетались выкрики уличных торговцев, визг животных в клетках, куплеты бродячих певцов, объявления голографической рекламы на всех наречиях, от современного норта и до каназиана.

Хоури надела широкополую фетровую шляпу и подняла воротник пальто, доходившего до колен. Фуникулер вытянул «руку» и ухватился за свисающий трос. Вскоре он затерялся среди других вагончиков, качающихся, как маятник, и стремящихся побыстрее подняться к бурому куполу «неба».

– Эй, Ящик, – сказала она, – твой ход.

Его голос прозвучал прямо в ее мозгу:

– Доверься мне. У меня хорошие предчувствия.

Совет капитана хорош, думала Илия Вольева. Убийство Нагорного – единственный надежный выход. Безумец сам облегчил ей задачу – тем, что поднял на нее руку. Рассуждения на моральные темы теперь абсурдны.

Нападение произошло несколько месяцев назад по бортовому времени. Она тянула с решением проблемы, но сейчас обстоятельства требуют немедленных действий. Очень скоро корабль подлетит к Йеллоустону, экипаж выйдет из криосна. Когда это произойдет, ей придется солгать, будто Нагорный скончался, будучи замороженным, из-за какого-то вполне объяснимого сбоя в работе капсулы.

Надо собрать волю в кулак, выйти из лаборатории и сделать то, что должно быть сделано.

Помещение, которое занимала Вольева, по стандартам «Ностальгии по бесконечности», было совсем скромным. Она ведь могла взять себе целую анфиладу залов. Только зачем ей это? Часы бодрствования тратятся на уход за боевыми системами, на остальное времени почти не остается. А когда она спит, ей снятся все те же боевые системы.

Конечно, иногда она разрешала себе попользоваться – не скажешь же «насладиться» – корабельной роскошью.

Места ей хватало вполне. У нее была постель, кое-какая мебель, довольно аскетичная на вид, хотя, откровенно говоря, корабль мог предоставить ей мебель любого стиля и качества. К ее комнате примыкал небольшой «аппендикс», там она устроила лабораторию. Илия испытывала различные методы борьбы с болезнью капитана. Ее работа в этом направлении носила весьма любительский характер, результатами она ни с кем не делилась. Зачем возбуждать напрасные надежды?

Здесь же она потом хранила и голову Нагорного. Голова была заморожена. Держала ее Вольева в старом шлеме космического скафандра, который, обнаружив, что хозяин умер, сам явился к Вольевой, чтобы пройти надлежащий ремонт и чистку. Она что-то слышала о шлемах с острой как бритва диафрагмой на уровне воротника, которая при необходимости быстро и безболезненно отделяла голову от тела. Однако этот был не из их числа.

Впрочем, Нагорный умер весьма любопытным образом. Вольева разбудила капитана и изложила ему ситуацию со стажером. По-видимому, тот сошел с ума в результате ее экспериментов. Она подробно рассказала о проблемах, возникших при попытке подключить его к орудийным системам с помощью датчиков, вживленных в мозг. Даже упомянула о мучивших Нагорного кошмарах, а потом вкратце поведала, как артиллерист напал на нее, а затем исчез в неведомых глубинах корабля. Капитан не стал донимать ее вопросами о кошмарах, чему тогда Вольева обрадовалась, так как ей не хотелось обсуждать эту тему, а особенно содержание снов Нагорного.

Потом она обнаружила, что абстрагироваться от темы кошмаров становится все труднее. Дело в том, что это были не отдельные обрывки снов, не разрозненные дурные видения, хотя и такие могут сильно влиять на психику. Нет. Из того, что она слышала от Нагорного, можно было заключить, что кошмары повторялись многократно и отличались детализацией. По большей части они касались некоего существа, которое называлось Похитителем Солнц. Это был личный палач Нагорного. Не было ясности в том, чего Похититель Солнц старался добиться от Нагорного, но он вызывал у последнего ужас, представляя воплощением мирового зла.

Как-то Вольева заглянула в блокнот, который нашла в комнате Нагорного. Там были карандашные наброски, сделанные как будто в лихорадочном состоянии. Они изображали жутких существ, похожих на птиц, с пустыми глазницами и выпирающими костями скелета. Если это видения, посещавшие Нагорного в бреду, то ему было чего бояться. Однако оставался вопрос: как соотносятся эти фантомы с занятиями в ЦАПе? Какое замыкание при подключении нейронной системы стажера к бортовой технике ударило по той части мозга, которая рождает кошмары?

Теперь, оглядываясь назад, Вольева понимала, что действие вала слишком поспешно и грубо. Впрочем, она лишь выполняла приказ Садзакки привести корабельное вооружение в боевую готовность.

Итак, у Нагорного произошел срыв, и он бежал в неконтролируемые недра полуразрушенного корабля. Рекомендация капитана – найти и убить этого человека – полностью совпадала с ее инстинктивным решением. Однако исполнить его удалось далеко не сразу. Вольевой пришлось установить датчики во множестве коридоров – конечно, далеко не во всех. Она получила тьму докладов от крыс-уборщиц, пытаясь выяснить, где прячется Нагорный. Временами ей казалось, что все напрасно, что Нагорный будет разгуливать на свободе, даже когда корабль окажется на орбите Йеллоустона и проснутся остальные члены команды...

И тут Нагорный совершил две ошибки – надо полагать, вследствие критического обострения его болезни. Первая заключалась в том, что он вломился в каюту Вольевой и оставил послание, написанное на стене его артериальной кровью. Очень простой текст, всего два слова. Ничего неожиданного для нее: «Похититель Солнца».

Затем, уже в полном безумии, он украл шлем от ее скафандра, бросив все остальное. Каким-то образом обойдя поставленные Вольевой защитные устройства, он взломал замок каюты и устроил там засаду, а когда хозяйка примчалась к себе, отобрал у нее пистолет и прыжками потащил по длинному, постепенно закругляющемуся коридору, к ближайшей лифтовой шахте. Вольева пыталась сопротивляться, но силы Нагорного словно удесятились, он держал ее стальной хваткой. И все же она считала, что у нее есть шанс – ведь ее увлекали туда, где ходят лифты.

Однако, как оказалось, Нагорный вовсе не собирался ждать лифта. С помощью ее пистолета он взломал дверь, ведущую к бездонным глубинам шахты, где бродило гулкое эхо. Без всяких церемоний – даже не попрощавшись – Нагорный швырнул Илия туда.

Это была его вторая грубая ошибка.

Шахта пронизывала весь корабль – от носа до кормы. Вольевой предстояло пролететь несколько километров, прежде чем она ударится о дно. Через несколько секунд, когда ей стало казаться, что сердце вот-вот остановится, она вдруг поняла, что должно произойти. Она будет падать, пока не разобьется, и не важно, сколько мгновений или минут займет этот процесс. Стены шахты отвесны и ровны, шансов ухватиться за что-то или замедлить падение нет.

Ее ждет смерть.

И вдруг... Нет, это случилось не сразу, отчего ей потом было очень стыдно. Вдруг какая-то часть ее мозга занялась анализом ситуации совсем в другом направлении. Илия увидела себя не падающей сквозь корабль, а стоящей на месте по отношению к звездам, висящей в невесомости, тогда как мимо нее несутся вверх стенки корабля. Сама Вольева не испытывала никакого ускорения. Ускорением обладал лишь корабль.

А ускорение корабля поддавалось управлению с помощью браслета.

На детали у нее не оставалось времени. Была лишь идея – будто вспышка в голове. Вольева понимала: необходимо эту идею немедленно реализовать или... встретить свою гибель. Падение можно прекратить, включив торможение корабля на то время, которое необходимо для получения нужного эффекта.

Номинальное ускорение сейчас составляло одно g , вот почему Нагорный с такой легкостью представил себе корабль в качестве дома огромной высоты, с которой он и сбросил Вольеву. Она падала уже не меньше десяти секунд – именно столько времени ее ум перерабатывал информацию. Что же необходимо? Десятисекундный тормозной импульс с обратным ускорением одно g ? Нет, это мало что даст. Лучше односекундный импульс и десятикратное ускорение. Она знала, что двигатели на это способны. Такой маневр не повредит и команде, спящей в криокапсулах. Не опасен он и для Вольевой – она лишь увидит, как бег стенок корабля мимо нее резко замедлится.

А вот Нагорный почти беззащитен.

Выполнить решение было непросто. Рев воздуха в шахте почти заглушал ее голос, когда она отдавала приказ через браслет. Потом наступил страшный момент: корабль будто не желал реагировать на ее слова. А дальше наступило блаженство: он взялся за ум и выполнил распоряжение.

Позже Вольева обнаружила Нагорного. Пиковое ускорение в течение одной секунды, вообще-то, не было бы фатальным, но Вольева сбросила скорость не за один прием, а за несколько, методом проб и ошибок, причем каждый импульс швырял безумца между полом и потолком.

Сама Вольева тоже пострадала – удары о стены шахты стоили ей сломанной ноги. Правда, нога потом срослась, остались лишь мрачные воспоминания о боли. Она помнила, как пользовалась лазерной кюреткой, чтобы отделить голову Нагорного, зная, что еще предстоит удаление вживленных в его мозг датчиков. Имплантаты были тоненькие, крохотные, выращенные в ходе трудоемкого процесса на молекулярном уровне. Ей очень не хотелось, чтобы кому-то удалось этот процесс потом продублировать.

Она вынула голову Нагорного из шлема, погрузила ее в жидкий азот. Затем сунула руки в две пары рукавиц, висевших среди прочих инструментов над рабочим столом. Крошечные блестящие орудия тут же пришли в движение и сами опустились на поверхность черепа, готовые трепанировать его, а потом зашить с фантастической точностью. Однако до того, как череп будет восстановлен, Вольева заменит настоящие датчики на фальшивые – в случае расследования никто не спросит, что она вынула из мозга погибшего.

Голову, конечно, придется пришить, но тут особой спешки нет. Когда все проснутся и узнают, что произошло с Нагорным, – вернее, что им положено узнать, – у них не появится желания скрупулезно изучить труп. Конечно, может возникнуть проблема с Суджик – она была любовницей Нагорного, когда тот пребывал в здравом рассудке.

Как и многие люди, Илия Вольева считала, что проблемы надо решать по мере их возникновения.

А пока ее инструменты глубоко проникали в голову Нагорного в поисках того, что принадлежало ей. И тут пришла мысль: кем же его заменить?

Конечно, не кем-нибудь из тех, кто находится на борту. Впрочем, на орбите Йеллоустона она наверняка отыщет нового стажера.

– Ящик, а не становится ли тут жарковато?

Его голос, дрожащий, чуть утративший внятность, проник сквозь массивные дома, которые громоздились над головой Хоури.

– Милая девочка, тут будет так жарко, что мы раскалимся добела. Держись. И смотри, не потеряй отравленные дротики.

– Да, кстати, о них... Я...

Хоури отпрянула в сторону, и мимо нее промаршировали трое комусо в шлемах, похожих на лыковые корзины. Своими бамбуковыми флейтами якухати они размахивали, как мажоретки жезлами. При их появлении стая обезьян капуцинов в панике рассеялась и попряталась в тенях.

– Я просто хочу спросить: а ну как случайно подстрелю постороннего?

– Ничего страшного не случится, – отозвался Нг. – Этот яд рассчитан исключительно на биохимию Тараши, любой другой получит лишь довольно неприятное проникающее ранение.

– А если это будет клон Тараши?

– Ты полагаешь такое вероятным?

– Просто спрашиваю. – От нее не укрылось, что Ящик вдруг занервничал.

– Если такой клон существует и мы его по ошибке пристрелим, то это будет проблемой Тараши, а не твоей и не моей. Все это записано в контракте. Как-нибудь почитай его на досуге.

– Только если меня тоска заест, – ответила Хоури.

И замерла, так как все вокруг неожиданно изменилось. Нг умолк, его голос сменился четким пульсирующим гудком, – тихий и зловещий, он напоминал эхолокационные импульсы хищника. За последние полгода Хоури слышала этот гудок не меньше десяти раз, и он всегда означал, что цель близка.

Значит, Тараши сейчас в радиусе пятисот метров от нее, не далее. Этот факт, соотнесенный с моментом возникновения гудка, говорит о том, что Тараши внутри Монумента.

В подобные моменты «Игра» становится всеобщим достоянием. Тараши знает об этом – такой же приборчик, как у Хоури, имплантировали и ему в одной из тайных клиник Полога. Эта штукавина генерирует в мозгу Тараши похожие импульсы. По всему Городу Бездны различные информационные Сети, специализирующиеся на «Игре Теней», посылают свои мобильные группы туда, где должно произойти убийство. Самые везучие, наверное, уже совсем рядом.

По мере приближения Хоури к Монументу пульсация становилась напряженнее, но частота нарастала небыстро. Вероятно, Тараши находился где-то наверху, так что расстояние между ними менялось мало.

Цокольная часть Монумента была вся в трещинах, они образовались из-за подвижек грунта – сооружение находилось в опасной близости от Бездны. Изначально в этом фундаменте и ниже располагался торговый комплекс, но потом он достался Мульче. Самые нижние уровни были затоплены, пешеходные мостки и лестницы окунались в воду цвета жженого сахара. Но над цоколем и затопленной площадью все еще высился тетраэдр Монумента – благодаря еще одной, меньшей, пирамиде, перевернутой и вмурованной глубоко в материнские породы. Там и находился единственный вход в Монумент.

Теперь, если Хоури удастся проникнуть в здание, Тараши может считать себя стопроцентным покойником. Но для этого ей надо пройти по мостику, подвешенному над затопленной площадью. А там она будет хорошо видна засевшему внутри Монумента человеку. Интересно, о чем думает ее будущая жертва...

В своих снах Хоури нередко видела одно и то же: почти обезлюдевший город, где ее преследует неутомимый охотник. А Тараши это же переживал наяву. Она вспомнила, что ее охотник никогда не спешил, – и от этого кошмар был еще страшнее. Спасаясь, Хоури бежала на ватных ногах в вязком, как тесто, воздухе, а мудрый преследователь передвигался спокойно, неторопливо – и неизменно сокращал расстояние.

Когда Хоури пересекла мост, пульсация участилась. Теперь под ногами чавкала грязь. Временами пульсация ослабевала, потом учащалась вновь – Тараши перемещался внутри Монумента. Ему уже не уйти. Может, рассчитывает завести Хоури на крышу? Если он намерен воспользоваться там воздушным транспортом, это будет нарушением контракта. В салонах Полога такое считается более постыдным, чем легкая смерть от пули охотника.

Она вошла в атриум внутри перевернутой пирамиды-опоры. Постояла несколько секунд, чтобы глаза привыкли к слабому освещению. Достала из-под полы ружье с отравленными пулями. Осмотрела выход на случай, если Тараши надеется улизнуть. В том, что клиента здесь не оказалось, не было ничего удивительного.

Атриум пуст. Видны отчетливые следы мародеров. Лупит по металлу дождь. Хоури всматривалась в изувеченные, запыленные скульптуры, что на медных тросах во множестве свисали с потолка. Некоторые упали на мраморную террасу, острые металлические крылья птиц воткнулись в пол. Похожая на известь пыль покрывала их маховые перья.

Хоури подняла глаза к потолку.

– Тараши! – позвала она. – Слышишь меня? Я иду.

Ее немного удивляло отсутствие телевизионщиков. Раньше такого не бывало. Конец охоты близок, а нет ни прячущихся по углам операторов, ни толпы пьяных от предвкушения

крови зевак, которые всегда увязываются за съемочными группами. На зов никто не ответил, но Хоури знала: цель где-то выше потолка.

Охотница пересекла атриум, направляясь к винтовой лестнице, ведущей в сам тетраэдр Монумента. Поднималась быстро, высматривая крупные предметы, с помощью которых можно перекрыть путь отступления жертвы. Тут хватало разбитых произведений искусства и ломаной мебели. Хоури свалила их в кучу на верхней площадке лестницы. Пусть эта баррикада и преодолима, она задержит Тараши, а Хоури ничего другого и не надо.

Пока она работала, с нее сошло семь потов и разнылась спина. Слегка переведя дух, Хоури приступила к наблюдению за окрестностями. Непрестанное арпеджиато в голове говорило о том, что Тараши совсем близко.

Верхняя часть Монумента была отведена под индивидуальные усыпальницы Восьмидесяти. Эти маленькие мемориалы располагались в стенных нишах, а сами стены из величественного черного мрамора поднимались на головокружительную высоту, к потолку, поддерживаемому колоннами с кариатидами в соблазнительных позах. Стены, пронизанные арками, перекрывали обзор, и в любую сторону было видно лишь на несколько десятков метров. Три треугольника, составлявшие потолок, местами были пробиты, сквозь дыры в зал проникал тусклый серый свет. Из самых больших пробоин хлестали дождевые струи.

Хоури заметила, что половина ниш пустует: может, гробницы разграблены, а может, родственники усопших забрали их бранные останки, чтобы захоронить в более надежных местах. Из оставшихся могил две трети сохранились хорошо: есть и портреты погребенных, и таблички с их биографиями, и их любимые вещи, расставленные в определенном порядке. Были и такие, где виднелись голограммы статуй, а в двух открытых гробницах лежали забальзамированные тела, явно побывавшие в руках опытного таксидермиста, который заштопал наиболее страшные раны, явившиеся причиной смерти.

Хорошо сохранившиеся могилы не привлекали внимания Хоури, она осматривала лишь те, что подверглись надругательствам вандалов. Тут хватало всяких обломков. Пригодились и бюсты – их можно было легко переносить, ухватившись за подставку. Хоури не пыталась аккуратно укладывать их на ступеньках, а просто громоздила в кучу. Раньше у бюстов были глаза из самоцветов, но о них позаботились мародеры. Полноразмерные статуи перетаскивать было трудно, она едва справилась с одной.

Вскоре баррикада была завершена. Ее основу составили как попало наваленные головы. Столь невежливое обращение никак не отразилось на лицах – они хранили каменное достоинство. Кучу окружали всякие мелкие предметы: вазы, Библии, даже роботы-уборщики. Если Тараши начнет разбирать этот завал, Хоури услышит и моментально окажется рядом. Убить его на этой куче голов было бы даже забавно – она чуть-чуть напоминает Голгофу.

Делая свое дело, Хоури одновременно прислушивалась к мерным шагам где-то за стенами.

– Тараши! – позвала она. – Не трудись. Отсюда нет выхода.

Его ответ прозвучал удивительно громко и уверенно:

– Ты ошибаешься, Ана. Выход будет – недаром же мы здесь.

Вот черт! Клиент не должен знать ее имени!

– Куда выход? В царство мертвых?

Казалось, он забавляется.

– Что-то в этом духе.

Такую браваду в предчувствии неизбежного конца Хоури встречала не впервые. Ей это даже нравилось.

– Хочешь, чтобы я тебя нашла?

– Почему бы и нет, раз уж ты проделала такой приличный путь?

– Понятно. Желаете за свои денежки получить полное удовольствие. В вашем контракте столько всяких оговорок, – должно быть, он тебе обошелся недешево.

– Оговорок?

Пульс, звучавший в ее голове, на мгновение прервался.

– Например, это оружие. И то, что мы одни.

– А! – воскликнул Тараши. – То, о чем ты говоришь, и впрямь стоило дорого. Видишь ли, мне хотелось придать этому делу сугубо личный характер. Во всяком случае, на его завершающей стадии.

Хоури стало не по себе. Еще никогда ей не приходилось так долго говорить со своей жертвой. Да и невозможно это было среди ревущей кровожадной толпы. Взяв наперевес ружье с отравленными пулями, она медленно пошла по проходу.

– А зачем нужен пункт о сокрытии сведений от публики? – спросила она, не желая прерывать контакт.

– Забочусь о своем достоинстве. Я хочу сыграть в эту «Игру», но не хочу опозориться в процессе.

– Ты где-то близко.

– Да, совсем рядом.

– А ты боишься?

– Естественно. Только не смерти, а жизни. Я не один месяц потратил, чтобы достичь такого состояния. – Его шаги смолкли. – Тебе здесь нравится, Ана?

– Немножко напрягает беспорядок.

– Но выбрано место хорошо, согласись.

Хоури свернула в другой проход. Клиент стоял у одной из гробниц. Он выглядел сверхъестественно хладнокровным – спокойнее статуй, которые наблюдали за их сближением. Внутренний дождь оставил темные пятна на его бордовой одежде, такой модной у жителей Полога. Намокшие волосы некрасиво олеплили череп. Выглядел он моложе, чем предыдущие жертвы Хоури: то ли ему в самом деле было меньше лет, то ли он мог позволить себе дорогие способы продления жизни. Она почему-то решила, что верно первое.

– Ты помнишь, зачем мы сюда пришли? – спросил он.

– Помню. Только не уверена, что мне это нравится.

– Не важно. Действуй!

Один из лучей света, падавший из дыры в потолке, словно по волшебству переместился на Тараши. Задержался он не больше секунды, но Хоури хватило времени, чтобы вскинуть винтовку и выстрелить.

– Отлично сработано, – похвалил Тараши, и в его голосе не слышалось боли.

Одной рукой он уперся в стену, чтобы не упасть, а другой взялся за черную стрелку, торчавшую у него из груди, и вырвал ее, как вырывают прицепившийся к одежде репей. Острый дротик упал на пол, его конец поблескивал красным. Хоури снова прицелилась, но Тараши остановил ее, подняв окровавленную ладонь.

– Одного вполне достаточно, – сказал он.

Хоури подумала, что ее сейчас обязательно вырвет.

– Почему ты не умер?

– Немного еще поживу. Если точнее, то несколько месяцев. Яд действует медленно. Так что вполне хватит времени подумать.

– О чем подумать?

Тараши провел по влажным волосам окровавленной рукой. Отер запачканные пылью и кровью ладони о брюки.

– Последую ли я за ней.

Пульсация в голове прекратилась так внезапно, что у Хоури сильно закружилась голова. В полубомороке охотница опустилась на пол. «Контракт выполнен, – поняла она. – Я снова победила».

Впрочем, Тараши был еще жив.

– Это моя мать, – указал Тараши на ближайшее захоронение.

Оно было из тех, за которыми хорошо присматривают: на алебастровом бюсте женщины нет даже пыли. Возможно, ее стер сам Тараши перед встречей с Хоури. Лицо не было повреждено, в глазницах сияли драгоценные камни. На лице с аристократичными чертами ни щербин, ни плесени.

– Надин Венг-да Сильва Тараши.

– Что с ней случилось?

– Разумеется, она умерла в процессе сканирования. Деструктивное картирование проходило так быстро, что половина мозга еще функционировала, в то время как вторая была оторвана.

– Мне жаль ее, хоть я и знаю, что она пошла на это добровольно.

– Не надо жалеть, ей еще повезло. Тебе эта история известна, Ана?

– Я же нездешняя.

– Что-то такое слышал... вроде ты служила в армии, воевала, и с тобой приключилась какая-то беда. Ладно, я тебе расскажу. Сканирование прошло успешно, но в программу хранения и использования полученной информации закралась ошибка. Нарушилась процедура, позволяющая альфам эволюционировать с течением времени, постигать, чувствовать, запоминать – словом, делать все то, что делает нас людьми. Программа работала хорошо до тех пор, пока не был отсканирован последний из Восьмидесяти, а это произошло ровно через год после сканирования самого первого. Затем в альфа-записях стали развиваться загадочные патологии. Одни записи необратимо разрушались, другие безнадежно зацикливались.

– Но ты сказал, что ей повезло.

– Альфы некоторых из Восьмидесяти продолжали функционировать, – ответил Тараши. – Им удалось протянуть около полутора веков. Даже эпидемия их не коснулась – они успели уйти в защищенные компьютеры Пояса, который мы теперь называем Ржавым. – Помедлив, он добавил: – Но тем самым они лишились прямых связей с реальным миром, им пришлось развиваться в невероятно сложной искусственной среде.

– И твоя мать?..

– Предложила мне присоединиться к ней. Теперь технология сканирования куда лучше прежней. Она больше не убивает.

– И что же тебя удержало?

– Это был бы уже не я, согласись. Просто копия – и моя мать поняла бы это. Нет, уж лучше... – Он потрогал крошечную ранку. – Уж лучше я умру в реальном мире, а та копия – все, что от меня останется. Я вполне успею пройти сканирование до того, как яд повредит нейронные структуры.

– А ты сам разве не мог сделать себе инъекцию?

– Не настолько уж я сумасшедший... Впрочем, конечно, я покончил бы с собой – в жизни ничто не дается даром. Но я предпочел вовлечь в это дело тебя, тем самым отсрочив свой конец и введя элемент случайности. В любой момент я мог решить, что жизнь предпочтительнее смерти, и оказать сопротивление убийце – но шансов на спасение оставалось бы крайне мало.

– Русская рулетка обошлась бы дешевле.

– Слишком быстро, слишком многое зависит от случая... и ничуть не стильно. – Он шагнул вперед, взял Хоури за руку и пожал так, будто заключал с ней какую-то важную сделку. – Спасибо, Ана.

– Спасибо?

Не отвечая, он пошел туда, откуда доносился шум. Груда бюстов рассыпалась с грохотом, на лестнице загремели шаги. Кобальтовая ваза разбилась вдребезги под обломками баррикады. Хоури слышала шепот летающих камер.

Когда же появились люди, это были совсем не те, кого она ожидала увидеть. Трое пожилых мужчин были одеты в консервативной манере Полога: дорого, но не вычурно. Пончо, фетровые шляпы, толстые операторские очки в черепаховых оправках. Над ними витали камеры, выполнявшие все их приказания. Позади этой троицы виднелись два бронзовых паланкина. Один из них был маленьким, как для ребенка. Человек в бордовом жакете матадора держал в руке крошечную камеру. Две очень юные девушки раскрыли зонтики с акварельными аистами и китайскими иероглифами. Между ними стояла пожилая женщина с лицом куклы – хрупким, бесцветным и почти безжизненным. Она, громко рыдая, рухнула на колени перед Тараши. Хоури никогда ее не видела, но почему-то решила, что это жена Тараши, которую крошечная рыбка-меч сделала вдовой.

Женщина посмотрела на Хоури серыми, как дым, глазами. Ее голос был бесстрастен.

– Надеюсь, вы дорого заплатите за это.

– Я просто выполняла работу.

Эти слова дались Ане с трудом.

Вновь прибывшие помогли Тараши добраться до лестницы. Хоури провожала их взглядом, пока они не исчезли внизу. Вот жена Тараши в последний раз с упреком оглядывается на нее. Вот доносится эхо шагов с лестницы и мраморной террасы. Еще минута, и Ана останется одна.

Но тут сзади раздался шорох. Хоури резко повернулась, машинально вскидывая винтовку с новым патроном в стволе.

Между двумя надгробиями стоял паланкин.

– Ящик!

Она опустила оружие. Все равно от него теперь никакого проку – действие яда жестко увязано с биохимией Тараши.

Но этот паланкин не принадлежал Ящику! Хоури не увидела никаких рисунков, он был равномерно черен. Дверца паланкина отворилась – опять же такого раньше не происходило на глазах у Аны, – и появившийся оттуда мужчина безбоязненно направился к ней. На нем был жакет матадора, а вовсе не одежда герметика, до смерти напуганного плавающей чумой. В руке он держал миниатюрную видеокамеру.

– О Ящике мы позаботились, – сказал он. – С настоящей минуты вы больше никак с ним не связаны.

– А вы кто такой?

Может, он связан с Тараши?

– Просто человек, которому захотелось узнать, правдивы ли слухи насчет ваших талантов. – У мужчины был мягкий акцент, который явно не принадлежал ни местному уроженцу, ни жителю этой системы, ни даже выходцу с Окраины Неба. – И похоже, слава у вас вполне заслуженная. На данный момент это означает, что у нас с вами будет общий наниматель.

Она подумала, не всадить ли ему дротик в глаз. Убить не убьет, а вот от нахальства, может, излечит.

– И кто же это?

– Мадемуазель.

– Впервые слышу.

Мужчина нацелил на Хоури объектив. Камера вдруг раскрылась подобно драгоценному яйцу Фаберже, сотни крошечных изящных деталей цвета яшмы скользнули в разные стороны и приняли новое положение. И Хоури поняла, что смотрит прямо в пистолетное дуло.

– Зато она наслышана о вас.

Глава третья

Кювье, Ресургем, год 2561-й

Силвест проснулся от криков.

Он дотронулся до прикроватных часов, по тактильным стрелкам определил время. До назначенной на сегодня встречи меньше часа. Шум за окном возник за несколько минут до того, как должен был сработать будильник. Любопытство заставило Силвеста откинуть одеяло и прошлепать к высокому зарешеченному окну. По утрам он бывал полуслеп, пока искусственные глаза привыкали к новым настройкам. Окружающее представлялось фрактальными поверхностями базовых компьютерных цветов – словно в комнате ночью на славу потрудились бригада увлеченных кубистов-декораторов.

Силвест отдернул занавеску на окне. Он был высок, но из этого окошка ничего не видел, во всяком случае под таким углом. Можно встать на пачку книг – снятых с полок факсимильных бумажных изданий, – но и тогда ничего интересного не разглядишь. Кювье построен внутри и вокруг одинокого геодезического купола, большая часть которого занята шести- и семиэтажными домами-коробками, сооруженными еще в первые месяцы существования экспедиции, когда заботились больше о способности построек выдержать бритвенную бурю, чем об их эстетической ценности. Здесь не было систем саморемонта, и возводимые здания могли не только противостоять погодным катаклизмам, но и удерживать в своих стенах нужное атмосферное давление. Серые сооружения с маленькими окнами были связаны между собой дорожками, по которым в обычное время двигались малочисленные электромобили.

Только не сегодня.

Кэлвин дал сыну глаза, способные увеличивать увиденное и даже запоминать. Однако эти опции требовали большой сосредоточенности; не меньше сил отнимала и борьба с оптическими иллюзиями. Вот превращенные панорамным сокращением в крошечные черточки люди стали сами собой и возбужденно засуетились; до этого они казались аморфным роем. Конечно, Силвест так и не научился различать выражения лиц или хотя бы узнавать знакомых, но ему неплохо удавалось угадывать по движениям настроение тех, за кем он наблюдал.

Основная часть толпы двигалась по главной улице Кювье, неся плакаты с лозунгами и самодельные флаги. Если не считать заброшенных грязью дверей и окон магазинов, а также вырванных с корнями саженцев айвы, толпа не совершила ничего противозаконного, однако, не замеченный ею, в конце улицы уже собрался отряд милиции. Присланные Жирардо люди высадились из фургона и занялись настройкой своего хамелеофляжа, переключая цветовые модели в поисках успокаивающего оттенка «желтый хром».

Силвест с помощью губки умылся теплой водой, затем тщательно подстриг бороду и завязал волосы в косичку. Натянул бархатную рубашку и штаны, а поверх надел кимоно с литографическими скелетами амарантийцев. Потом позавтракал – еда подавалась через окошко сразу после пробудки. Опять глянул на часы: скоро она придет. Убрал постель и сложил диван, обтянутый морщинистой алой кожей.

Паскаль, как всегда, явилась в сопровождении охранника и двух вооруженных роботов. В комнату они не входили, зато перед журналисткой в воздухе жужжало нечто маленькое, расплывчатое. Больше всего оно напоминало заводную осу. Пятно выглядело довольно безобидно, но Силвест знал: рывки только он в сторону своего биографа, и его лоб украсится дыркой точно между глаз.

– Доброе утро, – поздоровалась Паскаль.

– Не сказал бы, что оно такое уж доброе, – кивнул на окно Силвест. – Удивляюсь, как вам удалось сюда добраться.

Она опустилась на стул с мягким бархатным сиденьем.

– Это не так уж и трудно, даже в комендантский час, если имеешь знакомых в органах безопасности.

– Уже и до комендантского часа дошло?

Паскаль носила квадратную шапочку популярного у увлажнистов пурпурного цвета. Геометрически правильная смоляная челка подчеркивала белое, как мрамор, бесстрастное лицо. Одежда сидела на этой женщине точно влитая – жакет в черную и пурпурную полоску и такие же брюки. При виде ее почему-то думалось о росе, морских коньках и летучих рыбах, бликующих лиловым и розовым. Ноги сидящей Паскаль были скрещены в лодыжках и соприкасались стопами, тело чуть наклонено к собеседнику – он тоже слегка подался вперед.

– Времена изменились, доктор. Уж кто-кто, а вы должны бы радоваться этому.

А Силвест и радовался. В тюрьме, расположенной в центре Кювье, он просидел уже почти десять лет. Режим, в результате переворота пришедший на смену его собственному, пошел славным путем почти всех революционных правительств – его очень быстро разъела коррупция. Никуда не делось политическое расслоение общества, но изменилась его глубинная структура. Во времена правления Силвеста был раскол между теми, кто хотел изучать историю амарантийцев, и теми, кто хотел создать тут жизнестойкую, полноценную колонию, а не временный научный форпост. При этом даже увлажнисты – сторонники превращения Ресургема в некое подобие Земли – признавали, что амарантийцы могут однажды стать достойным изучения объектом. Теперь же общество разделял на политические фракции лишь вопрос интенсивности процесса освоения планеты. Одни ратовали за его постепенность, так что он мог затянуться на целые столетия, а другие – за экстренное создание пригодной для дыхания атмосферы, в связи с чем жителям пришлось бы на некоторое время покинуть Ресургем. Ясно было одно: реализация даже самых скромных проектов навсегда похоронит заветные тайны амарантийцев. Но это, похоже, почти никого не огорчало, а если кто и имел отличное мнение, он благоразумно помалкивал. Ученые, составлявшие костяк экспедиции, давно сидели на скудном финансировании, а прочие утратили мало-мальский интерес к амарантийской цивилизации. За эти десять лет изучение истории вымерших хозяев планеты стало уделом интеллектуальных маргиналов.

И ожидать перемен к лучшему не приходилось.

Пять лет назад через систему Ресургема пролетал торговый корабль. Субсветовик выключил свои двигатели и повис на орбите, превратившись для местного населения в новую яркую звезду. Его капитан, которого звали Ремиллиодом, предложил колонистам чудесные новшества: и товары, производимые в неизвестных мирах, и вещи, которых обитатели Ресургема не видывали со времен мятежа. Подобной роскоши колония позволить себе не могла. Начались раздоры, доходившие до кровопролития. Что покупать, машины или медикаменты, самолеты или инструменты для терраформирования? Пошли слухи о тайных сделках, о закупках оружия и запрещенных технологий. Хотя общий уровень жизни в колонии несколько поднялся со времен правления Силвеста (роботы-конвоиры и имплантаты для Паскаль были уже в порядке вещей), даже среди увлажнистов произошел раскол.

– Жирандо, должно быть, напуган, – сказал Силвест.

– Не знаю, – слишком быстро ответила Паскаль. – Мне важнее другое: наше время уходит.

– О чем бы ты хотела поговорить сегодня?

Паскаль взглянула на компад, лежавший у нее на коленях. За шесть миновавших столетий компьютеры принимали все возможные и невозможные формы, но эта – в виде тонкой дощечки и специального стилоса – так и не вышла из моды.

– О том, что случилось с твоим отцом.

– Ты имеешь в виду историю Восьмидесяти? Разве она не изучена в деталях, которых для твоих целей должно быть вполне достаточно?

– Ты прав. – Паскаль дотронулась стилосом до темно-красных, почти карминовых губ. – Конечно, я сначала ознакомилась с источниками и на большинство своих вопросов получила ответы. Но осталась одна не слишком значительная проблема, по которой у меня нет ясности.

– А именно?

Надо было отдать Паскаль должное. То, как она отвечала ему, абсолютно ничем не выдавая заинтересованности, будто всего лишь желая закрыть пустяковое «белое пятно», едва не усыпило его бдительность. Ловко, ничего не скажешь.

– Вопрос касается сканирования твоего отца на альфа-уровне.

– Вот как?

– Я хотела бы узнать, что случилось потом с этой записью.

Под слабым внутренним дождем мужчина с хитроумным пистолетом проводил Хоури к ожидавшему такси-фуникулеру. Ана не увидела на машине ни номера, ни других опознавательных знаков. Она была такой же незаметной, как и брошенный в Монументе паланкин.

– Входите.

– Одну минуту...

Как только Хоури открыла рот, мужчина упер ствол ей в спину. Не больно, но с ощутимой силой, просто чтобы напомнить: пистолет здесь. Эта деликатность говорила о том, что мужчина – профессионал; он не преминет воспользоваться пистолетом при необходимости. Ему это сделать даже проще, чем какому-нибудь агрессивному болвану.

– Ладно, я готова. Но кто эта Мадемуазель? Она конкурирует с «Игрой Теней»?

– Нет. Я уже сказал: ваши рассуждения слишком банальны.

Ничего важного он ей не сообщит, это ясно. Уверенная, что следующий вопрос тоже останется без ответа, Ана все же спросила:

– А вы кто такой?

– Карлос Манукян.

Ответ встревожил ее даже больше, чем умение этого человека обращаться с пистолетом. Судя по тону, он сказал правду – это не псевдоним. Значит, в лучшем случае он преступник, если можно говорить о преступности в этом городе, полном беззакония. И он намерен впоследствии убить свою пленницу.

Дверь фуникулера с треском захлопнулась. Манукян нажал кнопку на консоли, отчего атмосфера Города Бездны ничуть не выиграла – машина выбросила струю вонючего пара и, подпрыгнув, вцепилась в ближайший трос.

– И чем же, Манукян, вы занимаетесь?

– Помогаю Мадемуазель.

– Как будто этого и дебил не понял бы!

– У нас особые отношения. С давних пор.

– А я ей зачем понадобилась?

– Думаю, вам это уже понятно. – Манукян все время держал Хоури под прицелом, хотя время от времени косился на консоль управления. – Есть один человек, которого Мадемуазель хочет устранить.

– Этим я и зарабатываю себе на жизнь.

– Вот именно. – Он улыбнулся. – Разница в том, что этот тип за свое умерщвление не заплатит.

Вряд ли нужно упоминать о том, что идея написать биографию принадлежала вовсе не Силвесту. Инициатива исходила от человека, которого он мог заподозрить в любезности меньше, чем кого-либо другого.

Случилось это шесть месяцев назад, во время одной из редких встреч с главным виновником его заключения. Нильс Жирардо поднял вопрос как бы между прочим, – дескать, он удивлен, почему никто до сих пор не взялся за это дело. Полвека на Ресургеме – это целая жизнь, и, хотя у нее получился вот такой нескладный эпилог, она на раннем этапе открывала перед Силвестом перспективу, которой ему так не хватало в детстве и юности на Йеллоустоне.

– Проблема в том, – сказал Жирардо, – что ваши прежние биографии составлены людьми, имевшими самую тесную связь с описываемыми событиями, с социальной средой, которую они пытались анализировать. Каждый был в рабстве либо у Кэла, либо у вас, а колония была клаустрофобическим мирком – невозможно выйти из него и посмотреть со стороны.

– А теперь, по-вашему, Ресургем – не клаустрофобический мирок?

– Хм... Пожалуй, он остался прежним, но сейчас мы, по крайней мере, можем его видеть и в перспективе, и в ретроспективе. – Жирардо был приземист, мускулист, с копной рыжих волос. – Признайтесь, Дэн: когда вы вспоминаете прожитые на Йеллоустоне годы, вам кажется, что все это было с кем-то другим и лет эдак сто назад?

Силвест презрительно расхохотался бы, если бы не поймал себя на том, что в кои-то веки полностью согласен с Жирардо. Это была неприятная минута – такое впечатление, будто нарушены основные физические законы Вселенной.

– Я все никак не пойму, почему вы меня уговариваете? – Силвест кивнул на стража, который присутствовал при разговоре. – Надеетесь получить какую-то выгоду с помощью моей биографии?

Жирардо кивнул:

– Отчасти так и есть... По правде говоря, это очень большая часть. Едва ли вы не отдаете себе отчета в том, что Силвест – это все еще фигура, которая нравится населению.

– Ему бы еще больше понравилось меня повесить.

– Возможно. Но, провожая вас на эшафот, многие наверняка захотели бы пожать вам руку.

– И чем же вы надеетесь поживиться от этого интереса?

Жирардо пожал плечами:

– Новый режим достаточно жестко регулирует ваше общение с миром, чтобы не пускать сюда кого ни попадя. В нашем распоряжении ваш архив, это дает возможность в любой момент приступить к работе над биографией. У нас есть даже доступ к материалам йеллоустонского периода, о которых никто, кроме членов вашей семьи, не имеет представления. Конечно, в обращении с этими материалами необходима особая деликатность, но не воспользоваться ими было бы глупо.

– Так-так. – Теперь все стало абсолютно ясно. – Хотите все это использовать ради моей же дискредитации?

– Ну, если факты вас дискредитируют... – Жирардо оставил фразу подвешенной.

– Вам мало того, что вы меня сместили?

– Это было девять лет назад.

– Что изменилось за это время?

– Люди начали забывать. Пора им кое-что напомнить.

– Тем более что в воздухе витает недовольство?

Жирардо поморщился, как будто последнее замечание свидетельствовало о дурном вкусе собеседника.

– Кстати, если у вас есть какие-то иллюзии насчет «Истинного пути», советую их оставить. Эти люди не освободят вас. Скорее засунут в еще более грязную каталажку.

– Ладно, – устало вздохнул Силвест. – Чтобы всерьез обдумать ваше предложение, я должен знать, какова моя выгода.

– Выгода? Полагаете, она возможна?

– Конечно. А то с чего бы вы потратили на меня столько времени?

– Верно, сотрудничество будет для вас бесполезно. Как я уже сказал, мы могли бы работать и с теми материалами, которые оказались в нашем распоряжении. Но ваше личное мнение наверняка покажется читателям интересным. Особенно в отношении сравнительно слабо освещенных эпизодов.

– Не будем влиять. Вы хотите, чтобы я авторизовал работу палачей. Чтобы не только благословил эту грязь, но фактически помог уничтожить самого себя?

– Я могу облегчить вашу жизнь. – Жирардо обвел взглядом более чем скромную камеру. – Вспомните, какую свободу я предоставил Жанекену, чтобы он продолжал возиться со своими павлинами. И в вашем случае, Дэн, я способен проявить гибкость. Доступ к свежайшим археологическим материалам, возможность общаться с коллегами, публиковать научные статьи. Не исключены даже отдельные экскурсии за пределы этого здания.

– Полевые работы?

– Пожалуй, я готов рассмотреть и этот вопрос. В общем, рамки примерно такие.

Силвест вдруг отчетливо ощутил, что Жирардо с ним играет.

– Надо посмотреть, как пойдет дело. Биография уже пишется, но через несколько месяцев понадобится ваше участие. Вот когда присоединитесь, мы и будем рассматривать интересные вас варианты, хорошо? Если отношения с вашей соавторшей сложатся хорошо, мы обсудим вопрос об ограниченных полевых работах. Понимаете, обсуждение, а не обязательство...

– Что ж, постараюсь до тех пор сдерживать свой энтузиазм.

– Позже я с вами свяжусь. Хотите что-нибудь спросить, пока я тут?

– Только одно. Вы упомянули, что автор – женщина. Можно узнать, о ком речь?

– О той, чьи иллюзии вам еще предстоит разрушить, как мне кажется.

Вольева работала возле тайного склада, раздумывая о содержащемся там оружии, когда крыса-уборщица мягко приземлилась ей на плечо и пропищала:

– Люди.

Должно быть, такие крысы существовали на борту единственного субсветовика – «Ностальгии по бесконечности». Умом они не слишком превосходили своих далеких диких предков, но были биохимически включены в оперативную матрицу корабля, а потому из мерзких вредителей превратились в необходимых членов экипажа.

Каждая крыса обладала специальными феромонными рецепторами и передатчиками, которые позволяли ей получать команды и сообщать информацию кораблю. Питались санитары отбросами, пожирала практически любую органику, разве что она не была прибита к полу или еще шевелилась. Пища проходила первичную переработку в желудках крыс, а потом они бегали по кораблю и бросали помет в системы утилизации отходов. Некоторые были снабжены крошечными синтезаторами речи, позволявшими произносить некоторое количество фраз. Эти устройства срабатывали, когда внешние стимулы соответствовали биохимически запрограммированным условиям.

Вольева настроила своих крыс так, чтобы они сообщили, когда начнут потреблять человеческие отходы – отмершие клетки кожи и прочее, исходящие не от нее, а от других членов команды. Таким образом Илия узнает о пробуждении товарищей, даже если они будут находиться в самых отдаленных отсеках корабля.

– Люди, – опять пискнула крыса.

– Да слышала я!

Вольева опустила крысу на пол, а потом стала ругаться последними словами на всех известных ей языках.

Сопровождавшая Паскаль «оса» зажужжала еще громче и угрожающе приблизилась к Силвесту, ощутив в его голосе нервные нотки.

– Хотите узнать о Восьмидесяти? Ладно, расскажу. Я никому из них ни капельки не сочувствую. Все они знали, чем рискуют. И волонтеров было семьдесят девять, а не восемьдесят. Люди обычно забывают, что восьмидесятым был мой отец.

– Вряд ли их следует винить за это.

– Если глупость – явление наследственное, то не следует.

Силвест постарался расслабиться. Это было трудно. В какой-то момент разговора милиция распылила под куполом газ, вызывающий страх. Окрашенный в розовые тона день тотчас стал почти черным.

– Знаете что? – спросил равнодушно он. – При аресте у меня изъяли Кэла. Он вполне способен рассказать вам о своей деятельности.

– Я вас о его деятельности не спрашиваю. – Паскаль сделала пометку в компаде. – Я хочу узнать, что стало с его альфа-копией. Каждая альфа укладывалась в десять в восемнадцатой степени битов информации, – говорила она, снова что-то обводя кружком. – В привезенных с Йеллоустона материалах полно лакун, но мне все же удалось кое-что выяснить. Я узнала, например, что шестьдесят шесть альф находились в орбитальных хранилищах данных, что вертятся вокруг Йеллоустона. Большинство из них разрушены, но специально информацию никто не стирал. Еще десять оказались в поврежденных архивах на поверхности планеты. Остаются четыре. Три принадлежат либо к бедным, либо к почти угасшим линиям семьи. Остается одна альфа-запись. Ваш отец.

– К чему вы клоните? – спросил Силвест, стараясь не выдать глубокой личной заинтересованности.

– Не могу я принять на веру, что запись Кэлвина бесследно пропала точно так же, как пропадали другие. Не складывается. Институт Силвеста не нуждался в кредиторах или попечителях, чтобы защитить свое наследство, – это была одна из самых богатых организаций к началу эпидемии. Так что же стало с альфой Кэлвина?

– Думаете, я привез ее на Ресургем?

– Нет. Есть доказательства, что запись утеряна намного раньше. Последнее точное свидетельство ее присутствия в системе имело место более чем за сто лет до отправления экспедиции на Ресургем.

– Скорее всего, вы ошибаетесь. Проверьте ваши материалы как следует – и увидите, что эта альфа-копия была помещена во внепланетный банк данных в конце двадцать четвертого года. Институт через тридцать лет переехал, и, вероятно, вместе с ним переправилась и альфа. Затем, в тридцать девятом или сороковом, Институт подвергся нападению Дома Рейвичей. Все данные были стерты.

– Нет, – сказала как отрезала Паскаль. – Все это я досконально проверила. Выяснила, что в две тысячи триста девяностом году десять в восемнадцатой бит информации были перенесены Институтом Силвеста на орбиту, а через тридцать семь лет ровно такое же количество ее было изъято оттуда же. Эти биты – не обязательно Кэлвин. С таким же успехом это могут быть залежи метафизической поэзии.

– Значит, это ничего не доказывает.

Паскаль вручила ему свой компад. Ее иллюзорная свита из морских коньков и летучих рыбок брызнула в разные стороны.

– Не доказывает, но выглядит подозрительно. Почему альфа-запись исчезла примерно в то же время, когда вы отправились встречаться с затворниками? Можно ли считать эти явления связанными?

– Хотите сказать, что я замешан в этом деле?

– Данные о перемещениях альфы могли быть подделаны только тем, кто работал в организации Силвеста. Вы – очевидный подозреваемый.

– Правда, мотива не хватает.

– Это пусть вас не беспокоит, – отозвалась Паскаль, возвращая компьютер к себе на колени. – Один мотив я точно смогу найти.

Прошло три дня после сообщения крысы-уборщицы о начале пробуждения экипажа, и Вольева решила, что уже достаточно подготовлена. Илия никогда не мечтала поскорее встретиться с товарищами, хотя трудностей в общении с людьми не испытывала; впрочем, она легко адаптировалась и к одиночеству. Правда, теперь ситуация хуже. Нагорный мертв. И все об этом уже знают.

Не считая крыс и Нагорного, команда корабля состояла из шести человек. Нет, из пяти – если без капитана. По мнению всех остальных членов команды, он не в счет, поскольку не приходит в сознание и, естественно, не общается с подчиненными. Его держат на борту лишь потому, что не теряют надежды вылечить. Властью на корабле сейчас является триумвират, куда входят Юдзи Садзаки, Абдул Хегази и Вольева. Есть еще два человека, они в одинаковых званиях, но ниже триумвирата – Кьярваль и Суджик. В самом низу списка стоял артиллерист по фамилии Нагорный. Теперь он мертв, и его место пустует.

В периоды активности члены команды обычно пребывали в четко определенных районах корабля, оставляя все остальное пространство Вольевой с ее машинами. По корабельному времени сейчас было утро. Здесь, на уровнях, отведенных для команды, освещение работало по принципу «день-ночь» и сутки состояли из двадцати четырех часов. Сначала Вольева посетила помещение, предназначенное для криосна команды, и нашла его пустым. Все капсулы, кроме одной, были открыты. Закрытая принадлежала Нагорному. Присоединив голову к телу, Вольева поместила артиллериста в капсулу и охладила его. Потом повозилась с капсулой, чтобы та вскоре вышла из строя и Нагорный разогрелся. Что к тому моменту он уже был мертв, смог бы догадаться только профессиональный патологоанатом. Разумеется, никому из команды не придет мысль подвергнуть тело скрупулезной экспертизе.

Илия опять подумала о Суджик. У них с Нагорным одно время была связь. Суджик не следует недооценивать.

Вольева покинула помещение с криокапсулами, побывала в нескольких местах, где можно было бы встретить проснувшихся членов команды, а затем оказалась в лесу и сквозь чащу из высохших растений добралась до места, где ультрафиолетовые лампы еще действовали. Она очутилась на поляне и стала спускаться по скрипучей лесенке. Поляна выглядела идиллически, особенно сейчас, когда уже погиб практически весь лес. Золотистый свет искусственного солнца проникал сквозь густые кроны пальм. Вдали звенел водопад, снабжавший водой прудик с высокими берегами. С ветки на ветку перелетали попугаи и туканы. Птицы, сидевшие в гнездах, то и дело затевали шумную перекличку.

Вольева скрипнула зубами, с ненавистью оглядывая эту фальшивую красоту.

Четыре оставшихся в живых члена команды завтракали за длинным деревянным столом, заставленным тарелками с хлебом, вазами с фруктами, блюдами с мясом и сыром, банками апельсинового джема и термосами с горячим кофе. На другом краю лужайки два голографических рыцаря лезли из кожи вон, чтобы зарубить друг друга.

– Доброе утро, – сказала Вольева, спускаясь с лестницы на травку, покрытую жемчужной росой. – Догадываюсь, что кофе вы мне не оставили.

На нее устремились взгляды, кто-то даже повернулся на стуле, чтобы поздороваться. Она чутко наблюдала за реакцией товарищей по экипажу, пока те с легким стуком опускали на стол вилки и ножи. Трое поздоровались. Суджик ничего не сказала.

Потом заговорил Садзаки.

– Рад снова видеть тебя, Илия. – Он взял со стола тарелку. – Хочешь грейпфрут?

– Спасибо. Пожалуй, не откажусь.

Вольева подошла к столу и взяла у Садзаки блюдо с ломтиками грейпфрута, на которых блеснул сахарный песок. Она нарочно села между женщинами – Суджик и Кьярваль. Обе были негроидного типа, с начисто обритой головой, если не считать огненных витых прядей на макушке. Эти пряди очень много значили для ультра – они соответствовали числу погружений в криосон во время дальних перелетов. Эти женщины присоединились к команде совсем недавно, после того, как их собственный корабль был захвачен «Ностальгией по бесконечности». Ультра торговали своей верностью так же легко, как пресным льдом или информацией, которые им заменяли твердую валюту. Обе женщины были явными химериками, но они подверглись куда более скромной трансформации, нежели Хегази.

Руки Суджик ниже локтей сменялись протезами, похожими на краги из тонкой бронзы, богато гравированные и усеянные позолоченными окошечками, в которых непрерывно возникали голографические изображения. Бриллиантовые ногти ослепительно сверкали на тончайших пальцах этих искусственных конечностей.

У Кьярваль большая часть тела была нормальной, но глазами она обзавелась совершенно кошачьими – с красным косым зрачком. На плоском носу не было настоящих ноздрей, лишь узкие жабровидные прорезы, намекавшие на ее способность жить в водной среде. Она не носила никакой одежды – просто вся, кроме глаз, ушей, ноздрей и рта, была затянута в гладкую, без единой складочки, кожу из неопрена цвета черного дерева. Груды были лишены сосков. Пальцы изящны, но без ногтей; большие пальцы ног как бы едва намечены, точно скульптор, который ее делал, торопился перейти к новому объекту.

Когда Вольева села, Кьярваль взглянула на нее с безразличием, слишком подчеркнутым для искреннего.

– Это просто замечательно, что ты опять с нами, – сказал Садзаки. – Ты тут работала, пока мы все дрыхли. Что-нибудь особенное произошло?

– Да так... по мелочам.

– Превосходно, – улыбнулся Садзаки. – А скажи, среди этих мелочей не было ничего такого, что могло бы пролить свет на смерть Нагорного?

– А я-то все думаю, где Нагорный? Вот ты и ответил на мой вопрос.

– Но ты на мой не ответила.

Вольева занялась грейпфрутом.

– В последний раз, когда я его видела, он был жив. Не понимаю... А от чего он умер?

– Капсула слишком рано его разогрела. Возникли нежелательные биохимические процессы. Не думаю, что тебя интересуют подробности.

– Уж точно не за завтраком.

Очевидно, покойника осматривали не очень внимательно. Иначе нашли бы следы ушибов, хотя Илия и постаралась их замаскировать.

– Извини, – добавила она, бросив взгляд на Суджик. – Я вовсе не хотела показаться бессердечной.

– Ну конечно, – кивнул Садзаки, разламывая корочку хлеба.

Его близко посаженные косые глаза бросили на Суджик предостерегающий взгляд, как на непослушную собаку. Татуировка, сделанная им однажды, чтобы обманным путем проникнуть в ряды угонщиков с Пухляка, сошла не до конца; кое-где остались светлые полосы, хоть он и использовал, даже пребывая в глубоком сне, наномеды. Может быть, подумала Вольева, сам

позаботился о том, чтобы остались эти следы пребывания у угонщиков? Память о богатой добыче, которую он получил?

– Я уверен, что нам следует снять с Илии всякую ответственность за случившееся с Нагорным. Так, Суджик?

– А почему я должна винить ее за несчастный случай? – спросила Суджик.

– Ты совершенно права. На этом и покончим.

– Не совсем, – сказала Вольева. – Может, сейчас и не лучшее время для этого, но... – Она замаялась. – Дело в том, что мне надо вынуть у него из головы свои датчики. Хотя они почти наверняка окажутся испорченными.

– А новые ты сумеешь изготовить?

– Если хватит времени. – Она вздохнула и сказала с сожалением: – Мне понадобится новый стажер.

– Может, найдешь кого-нибудь, пока мы будем крутиться у Йеллоустана? – предложил Хегази.

Голограммы рыцарей все еще носились по лужайке, но никто не обращал на них внимания.

Холодный воздух в доме Мадемуазели показался Хоури чистейшим – за все время пребывания на Йеллоустане ей таким дышать не приходилось. Пожалуй, для него лучше бы подошел эпитет «стерильный»: ни намек на обычные запахи этой планеты. Зато присутствовали запахи, запомнившиеся Ане по госпитальной палатке на Окраине Неба, когда она в последний раз видела Фазиля: смесь йода, капусты и хлорки.

Фуникулер пронес Хоури и Манукяна через весь город, а по том через полузатопленный подземный акведук и закончил путь в огромной пещере. Отсюда Манукян провел Хоури к лифту, который поднимался с такой скоростью, что у нее заложило уши. Лифт доставил их в большой гулкий вестибюль. Возможно, это были проделки акустики, но Хоури показалось, что она находится в гигантском мавзолее. Где-то в вышине, казалось, плыли зарешеченные окна, пропускавшие сумрачный полуночный свет. Но поскольку ей было известно, что снаружи в разгаре день, это действовало на нервы.

– Мадемуазель не любит дневного света, – пояснил конвоировавший Ану Манукян.

– Да быть того не может! – Глаза Хоури постепенно привыкли к темноте, она уже различала какие-то крупные предметы в зале. – Вы-то, Манукян, похоже, нездешний?

– Думаю, у нас с вами есть кое-что общее.

– Вас тоже привела сюда ошибка чиновника?

– Не совсем, – ответил он.

Хоури чувствовала, что Манукян размышляет, сколько правды можно открыть ей без риска. Значит, у него есть слабости, подумала она. Для наемного убийцы, или кто он там, парень слишком разговорчив. По пути он непрерывно хвастал своими приключениями в Городе Бездны. Болтовня, не исходящая из уст такого хладнокровного типа, обладателя иностранного акцента и хитрого пистолета, не заслуживала бы внимания. Но с Манукяном дело обстоит иначе – значительная часть его похвалы может оказаться правдой.

И сейчас желание похвалиться явно одерживало верх над осторожностью.

– Ошибка имела место, но правильнее это назвать несчастным случаем.

Да, в холле было полно громоздких скульптур. Различить их было очень трудно, но все они стояли на подставках. Одни фигуры напоминали огромные куски разбитой яичной скорлупы, другие – крупные обломки кораллов. Все они обладали металлическим блеском, мутный свет лишил их собственной окраски.

– Этот несчастный случай произошел с вами?

– Нет... не со мной. С Мадемуазелью. Тогда-то мы и встретились. Она была... Вообще-то, Хоури, мне не следовало бы вам рассказывать. Если она узнает, мне конец. Спрятать труп в Бездне проще простого. Знаете, что я там на днях обнаружил? Не поверите, но это был целый...

Манукян продолжал хвалиться. Хоури удалось дотронуться до одной из фигур. По ощущениям – цельнометаллическая. Острые грани.

Они с Манукяном походили на заядлых любителей искусства, очутившихся среди ночи в музее. Казалось, скульптуры существуют в каком-то другом времени. Они чего-то ждут, причем их терпение уже на исходе.

Странно, но она была рада присутствию Манукяна.

– Это ее работы? – спросила Хоури, прерывая разглагольствования спутника.

– Возможно, – ответил он. – Не будет преувеличением сказать, что она пострадала из-за своего искусства. – Он остановился и тронул Ану за плечо. – Видите эту лестницу?

– Наверное, вы хотите, чтобы я по ней поднялась?

– А вы быстро учитесь.

Едва заметно он коснулся ее спины стволом – просто напомнил, что пистолет никуда не делся.

В иллюминаторе рядом с каютой мертвеца виднелись яркие оранжевые выбросы газа гигантской планеты. Ее затененный южный полюс полыхал бурей полярного сияния. Сейчас корабль находился глубоко в системе Эпсилона Эридана, войдя в нее под небольшим углом к эклиптике. До Йеллоустона оставалось всего несколько дней полета; корабль продвигался в зоне местного транспорта, курсирующего в пределах световых минут и соединяющего невидимой сетью все более или менее значительные обитаемые базы и космические корабли системы.

«Ностальгия по бесконечности» стала меняться. В то же окно Илия видела переднюю часть одного из субсветовых двигателей, которые выпустили улавливающие поля, – скорость корабля с крейсерской снизилась до той, которая позволяла двигаться внутри планетной системы; соответственно, и двигатели постепенно изменили свою форму и режим работы. Будто цветок во мгле, закрылся зев приемника материи. По-прежнему двигатели давали тягу, но что служило реакционной массой и в какой вид энергии оно превращалось – это сочленители предпочли сохранить в тайне.

Мысли Вольевой разбегались, готовые заниматься чем угодно, только не тем, чем нужно.

– Думаю, она может причинить неприятности, – сказала Вольева. – И серьезные.

– Если я понимаю ее, то нет. – Триумвир Садзаки позволил себе слабую улыбку. – Суджик слишком хорошо меня знает. И отдает себе отчет в том, что, если посмеет выступить против члена триумvirата, я не объявлю ей выговор. Даже не прогоню с корабля, когда мы доберемся до Йеллоустона. Я ее просто убью.

– Ну, это, пожалуй, слишком. – Илия спорила вяло и сама себя за это презирала. Но что поделаешь, сейчас она такая и есть – вялая и слабая. – Дело не в том, что я ей не сочувствую. В конце концов, лично против меня она ничего не имела, пока... пока не умер Нагорный. Может, обойтись взысканием, если вздумает скандалить?

– Какой прок в полумерах? – ответил Садзаки. – Если она намерена как-то выступить против тебя, то не ограничится мелкими пакостями. Обязательно найдет способ испортить тебе жизнь навсегда. Ликвидировать ее – единственный разумный выход. Зачем ты пытаешься встать на ее точку зрения? Неужели не понимаешь, что кое-какие проблемы Нагорного могли перейти и к ней?

– Намекаешь, что она сумасшедшая?

– Сумасшедшая, нормальная – не имеет значения. Она не посмеет выступить против тебя, это я гарантирую. – Садзаки нахмурился. – Ну, хватит об этом. Мне Нагорный надоел – слышать о нем не хочу.

– Я тебя вполне понимаю.

Этот разговор происходил через несколько дней после первой встречи Вольевой с командой. Теперь они стояли у дверей каюты погибшего, на уровне 821, собираясь войти. Помещение оставалось опечатанным с момента гибели Нагорного, а фактически даже дольше, если верить Вольевой. Сама она сюда тоже не входила – тяжелые воспоминания ей были ни к чему.

Она сказала в браслет:

– Отключить от охраны личные апартаменты артиллериста Бориса Нагорного. Приказ Вольевой.

Дверь отворилась, оттуда повеяло холодом.

– Пошли их вперед, – сказал Садзак.

Вооруженным роботам потребовалось всего несколько минут, чтобы обыскать каюту и доложить об отсутствии мин-ловушек и иных опасностей. Да и откуда бы им взяться – едва ли Нагорный планировал свою смерть в то время, когда за ним охотилась Вольева. Правда, с такими, как он, всегда надо держать ухо востро.

Вольева и Садзак вошли, когда роботы зажгли свет в каюте.

Как и другие психопаты, с которыми Вольевой приходилось иметь дело, Нагорный чувствовал себя лучше в небольших помещениях. Его каюта была обставлена еще аскетичнее, чем ее собственная, – он явно стремился к высшей степени чистоты и простоты. Можно подумать, что тут поработали полтергейсты, так сказать, с обратным знаком. Личные вещи Нагорного – на удивление малочисленные – были тщательно уложены по своим местам. Их не потревожили даже неожиданные рывки корабля, которыми Вольева убила Нагорного.

Садзак скривился и поднес к носу рукав:

– Ну и вонища!

– Это борщ. Свекла. Нагорный его обожал.

– Напомни, чтобы я не вздумал попробовать. – Садзак тщательно прикрыл дверь.

Воздух в каюте никак не мог согреться. Термометры показывали, что температура уже достигла комнатной, но каждая молекула воздуха будто несла на себе отпечаток морозных месяцев. Яркая выраженная спартанская обстановка нисколько не вязалась с представлениями Вольевой об уюте; в сравнении с этим помещением собственное жилье казалось ей образцом комфорта и роскоши. И дело не в том, что Нагорный не желал придать каюте какие-то индивидуальные черты. Совсем наоборот, он пытался это сделать, но по меркам нормальных людей потерпел сокрушительное фиаско – результаты его усилий противоречили друг другу, а потому каюта выглядела еще мрачнее, чем если бы он оставил ее совсем пустой и голой.

А самым ужасным был гроб.

Этот длинный ящик – единственная вещь, которая не была закреплена в тот момент, когда Вольева убивала Нагорного. Гроб не пострадал, но Илья поняла, что раньше он стоял вертикально, доминируя в обстановке каюты и придавая ей какое-то жуткое величие. Ящик был огромен и, видимо, сделан из чугуна. Черный металл поглощал свет, подобно завесам затворников. Всю его поверхность покрывали барельефы, столь сложные, что одним взглядом проникнуть в их тайны было невозможно.

Вольева рассматривала его в некотором оцепенении. «Меня хотят убедить, – думала она, – что Нагорный был способен на такое?»

– Юдзи-сан, – сказала она, – мне это совсем не по душе.

– Что ж, с тобой трудно не согласиться.

– Каким же надо быть безумцем, чтобы сделать для себя гроб!

– Законченным, надо полагать. Но гроб тут стоит, и, пожалуй, это единственное свидетельство, которое позволит нам заглянуть в глубину безумия Нагорного. Что скажешь об этих украшениях?

– Безусловно, это проекция его недуга, отражение его болезни. – Теперь, когда Садзакки успокоил ее, она была готова действовать. – Я могла бы заняться изучением барельефов – вдруг это наведет на какие-то мысли. – Глядя на гроб, она добавила: – Чтобы не повторять одни и те же ошибки.

– Здоровое рассуждение, – сказал Садзакки, наклоняясь к гробу. Он погладил затянутым в перчатку пальцем неровную поверхность, чем-то напоминающую стиль рококо. – Нам повезло, что тебе не пришлось его убивать.

– Да. – Илиа настороженно покосилась на Садзакки. – Но что ты думаешь об украшениях, Юдзи-сан?

– Хотелось бы мне знать, кто такой Похититель Солнц... или что такое. – Он указал на слова, вырезанные на гробе кириллицей. – Тебе это что-нибудь говорит? В контексте психоза? Что это могло означать для Нагорного?

– Нет, я не понимаю.

– Давай все же попытаемся. Я бы предположил, что в воображении Нагорного Похититель Солнц должен представлять кем-то, с кем он имел дело ежедневно, и тут я вижу два наиболее вероятных варианта.

– Он или я! – сказала Вольева, зная, что Садзакки увести от темы не удастся. – Да, очевидно, это так. Но это нам мало поможет.

– Ты уверена, что он никогда не упоминал при тебе о Похитителе Солнц?

– Уж такое я бы обязательно запомнила.

Вот это была чистая правда! И конечно, она запомнила: ведь именно эти слова Нагорный написал на стене ее каюты, написал своей собственной кровью. Вольевой словосочетание ни о чем не говорило, но это не означало, что она его никогда не слышала. По мере приближения крайне неприятного конца их не слишком долгих служебных отношений Нагорный почти ни о чем больше и не разговаривал. В его снах царствовал Похититель Солнц. Как и все параноики, он находил свидетельства злокачественной деятельности Похитителя в самых банальных эпизодах повседневной жизни. Если где-то погасла лампочка, если лифт завез его не на тот этаж, виноват Похититель Солнц. Не бывает случайных сбоев в работе техники, любая порча имущества – результат целенаправленных махинаций некоего существа, пребывающего за сценой, и это понимает только сам Нагорный. Вольева по наивности своей просто не замечает очевидных признаков!

Она надеялась – больше того, она молилась, хотя такое и было против ее убеждений, – чтобы фантом поскорее вернулся туда, где он возник, – в подсознание Нагорного. Но Похититель Солнц ни на минуту не оставлял беднягу в покое. И свидетельство тому – гроб посреди каюты.

– Уверен, что запомнила бы, – сказал Садзакки так, будто в его словах таился некий глубокий смысл, и снова всмотрелся в барельеф. – Думаю, первым делом надо сделать его компьютерную копию. Этот шрифт Брайля зрение воспринимает плохо. Как думаешь, что это? – Он провел ладонью по радиальным линиям. – Птичье крыло? Солнечные лучи, падающие сверху? – Почему ему на ум пришло птичье крыло? – И на каком это языке?

Вольева всматривалась, но картина действительно была чересчур сложна для зрительного восприятия. Да Илиа и не слишком усердствовала. Дело не в том, что ей не было интересно. Вовсе не в том! Но она хотела бы заняться Похитителем Солнц сама и чтобы Садзакки не путался под ногами. Уж очень многое тут говорит о тех невероятных глубинах, куда спустился разум Нагорного.

– Считаю, что он заслуживает самого внимательного изучения, – сказала Вольева осторожно. – Ты сказал «первым делом». А как собираешься поступить, когда мы сделаем компьютерную модель?

– Мне кажется, ответ очевиден.

– Уничтожим эту мерзость, – сделала вывод Илия.

Садзаки усмехнулся:

– Или отдадим его Суджик. Лично я – за уничтожение. Знаешь ли, гробы на кораблях – плохая примета. Особенно самодельные.

Лестница, похоже, вела на самое небо.

Примерно ступенек через двести Ана потеряла им счет. Но когда у нее уже подламывались колени, лестница внезапно закончилась и открылся белый коридор, идущий сквозь длинную череду глубоких арок. У Хоури возникло ощущение, будто она стоит в портике, залитом лунным светом.

Она пошла вперед, прислушиваясь к громкому эху собственных шагов, и наконец оказалась перед двустворчатыми дверями, в которые коридор упирался. Они были покрыты черной резьбой по какой-то органике, обрамлявшей слабо окрашенные стекла. Сквозь них проникал голубоватый свет.

Видимо, Ана у цели.

Вполне возможно, что это ловушка, что войти внутрь равносильно самоубийству. Но и повернуть обратно нельзя – Манукян, несмотря на свой шарм, дал понять это достаточно недвусмысленно. Поэтому Хоури взялась за ручку и вошла. И сморщила нос от сильного аромата духов – в других пройденных ею частях дома ничем похожим не пахло. Из-за этого запаха у Хоури возникло такое чувство, будто она давно не мылась, хотя прошло лишь несколько часов с тех пор, как Нг ее разбудил и отправил убивать Тараши. Впрочем, потом было столько пота и страха, что их запахи теперь и за месяц не сойдут.

– Вижу, Манукяну удалось доставить вас сюда целой и невредимой, – произнес женский голос.

– За него тоже можете порадоваться.

– Я рада за вас обоих, милочка, – сказала Мадемуазель. – У вас одинаково внушительные репутации.

За спиной щелкнула дверь. Хоури уже попривыкла к обстановке, хотя это и было трудновато из-за необычного розового освещения. Комната как будто имела форму чаши с двумя окнами в виде глаз, проделанных в изогнутой стене.

– Милости прошу в мое обиталище, – сказала женщина. – Чувствуйте себя как дома.

Хоури подошла к закрытым окнам. Сбоку от них стояли две капсулы для криосна, сверкая хромированной оболочкой. Од на – была заперта и подключена, другая – открыта. Гусеницы готовы превратиться в бабочек.

– Где я?

Ставни распахнулись.

– Там же, где и были.

Вид на Город Бездны. Вот только с такой высоты Ана еще ни разу не смотрела на него. Она находилась сейчас даже выше Москитной Сетки – метрах в пятидесяти от ее грязной поверхности. Город покоился под этой Сеткой как фантастическое шипастое чудовище, сохраняемое в формалине. Хоури не понимала, где она очутилась. Может, в одном из высоченных зданий, которые привыкла считать необитаемыми? Мадемуазель сказала:

– Я называю его Шато де Корбо – Замок Воронов, – пояснила Мадемуазель. – За черный цвет. Вы его видели снаружи.

– Чего вы от меня хотите? – спросила Хоури, обдумывая услышанное.

– Нужно, чтобы вы сделали одно дело.

– Только и всего? Значит, меня привели сюда под дулом пистолета только для того, чтобы предложить заказ? Неужели этого нельзя было сделать, воспользовавшись обычными каналами?

– Это не тот заказ, о котором вы думаете.

Хоури кивнула на открытую капсулу:

– А это здесь для чего?

– Только не надо говорить, что боитесь ее. Вы прибыли в наш мир точно в такой же штуковине.

– Я просто спросила, что это значит.

– Все узнаете в свое время.

Хоури слышала слабое движение за своей спиной – будто выдвинули ящик картотеки.

В комнату въехал паланкин герметика. А может быть, он находился тут с самого начала, прячась за какой-нибудь скульптурой. Был он угловатый, без всякой отделки, с грубо сваренным из черных листов корпусом: ни манипуляторов, ни видимых датчиков. Единственный объект, вмонтированный в переднюю стенку, был черен, точно глаз акулы.

– Вы, разумеется, знакомы с такими, как я, – сказал голос из паланкина. – Не надо бояться.

– Я не боюсь, – ответила Хоури.

Она лгала. Паланкин внушал тревогу, от него веяло чем-то таким, с чем Ана еще не сталкивалась. Возможно, своим суровым обликом ящик создавал впечатление, что он никогда не бывает пустым. И почему у него крошечное смотровое окошко? Такое чувство, что за ним прячется чудовище.

– Я сейчас не могу ответить на все ваши вопросы, – продолжала Мадемуазель. – Но ведь очевидно, что я не организовала бы ваш визит только для того, чтобы продемонстрировать переносимые мною неудобства. Может быть, вот это облегчит дело.

Рядом с паланкином возникла человеческая фигура, причем так неожиданно, что можно было подумать, ее породила сама комната.

Конечно, это была женщина. Молодая, но в архаичной одежде – такую тут не носили со времен плавающей чумы. Она была в мерцающей мантии. Черные волосы зачесаны с высокого лба назад, их удерживает диадема, в которой горят огоньки. Вечернее платье цвета электрик обнажало плечи, грудь была открыта смелым декольте. Там, где платье касалось пола, бурлила тьма – ткань как будто погружалась в бездну.

– Вот такой я была, – сказала женщина. – До прихода этой мерзости.

– И вы не можете снова стать такой же?

– Слишком велик риск погибнуть, если я покину паланкин, даже если это произойдет в контролируемой среде обитания. Я этим средам не доверяю.

– Зачем вы доставили меня сюда?

– Разве Манукян не объяснил?

– Он лишь дал понять, что я очень пожалею, если не подчинюсь.

– Как неделикатно! Но следует признать, это очень точно отражает суть. – Улыбка чуть тронула бледные губы женщины. – Так какова же, по вашему мнению, причина нашей встречи?

Хоури понимала: как бы ни развивались дальше события, она слишком многое увидела, чтобы спокойно вернуться к прежней жизни.

– Я профессиональный убийца. Манукян узнал о моей репутации, а теперь увидел меня в деле. Дальше... Тут уж мне придется фантазировать. Сдается, вы кого-то хотите убить.

– Отлично, – кивнула дама. – Но разве Манукян не сказал вам, что этот контракт не будет похож на ваши обычные?

– Манукян упомянул о существенных отличиях.

– И вас это не смутило? – Мадемуазель вглядывалась в Хоури. – Вопрос не праздный. Я слышала, что жертвы соглашаются погибнуть от вашей руки еще до того, как вы выходите на охоту. Они так поступают, зная, что едва ли им удастся уйти от вас и жить дальше, похвываясь

своей смелостью. Когда же вы их ловите... Сомневаюсь, что они так же легко расстаются с жизнью.

Хоури вспомнила Тараши.

– Обычно нет. Умоляют сохранить им жизнь, пытаются меня подкупить, улестить – в этом роде.

– И?

Хоури пожала плечами:

– Разумеется, я их убиваю.

– Ответ истинного профессионала. Вы были солдатом, Хоури?

– Одно время. – Ей сейчас не хотелось думать об этом. – Что вы знаете о моем прошлом и о том, что со мной случилось?

– Достаточно. Что ваш муж тоже был солдатом, его звали Фазиль, и вы вместе с ним сражались на Окраине Неба. Потом случилась бюрократическая ошибка, вы попали на корабль, направлявшийся к Йеллоустону. Вы проснулись через двадцать лет – слишком поздно возвращаться на Окраину Неба, даже если бы оказалось, что ваш муж жив.

– Ну, тогда вы догадываетесь, почему я поменяла профессию и почему у меня из-за этого не бывает бессонных ночей.

– Конечно, я могу понять ваши чувства. Вы ничем не обязаны Вселенной и ее обитателям.

Хоури сглотнула слюну.

– Но вам вовсе не нужен солдат для такой работы. Я не знаю, кого вы хотите прикончить, но знаю множество людей, подготовленных гораздо лучше, чем я. Номинально я приличный работник – промахиваюсь один раз из двадцати, но могу порекомендовать тех, кто промахивается один раз из пятидесяти.

– Вы удовлетворяете моим требованиям в другом. Мне нужен человек, мечтающий покинуть эту планету. – Женщина кивнула на открытую криокапсулу. – Речь идет об очень долгом путешествии.

– За пределы этой системы?

– Да. – Тон Мадемуазели был матерински спокоен, как будто этот разговор повторялся уже множество раз. – Если точнее, за двадцать световых лет. Именно на таком расстоянии находится Ресургом.

– Не могу сказать, что слышала о нем.

– Если б вы слышали о нем, меня бы это неприятно удивило.

Мадемуазель вытянула левую руку, и возле ее ладони в воздухе повис крошечный глобус. Эта планета вся была мрачного серого цвета: ни океанов, ни рек, ни зелени. Только отблеск атмосферы, как низкая арка над горизонтом, да парочка грязно-белых ледяных шапок на полюсах говорили о том, что это не безвоздушная луна.

– Его даже нельзя назвать новой колонией – такие планеты колонизировать невыгодно. Там лишь несколько крохотных исследовательских баз. До недавнего времени Ресургом не имел решительно никакого значения. Но потом все изменилось. – Мадемуазель, казалось, обдумывала, много ли может рассказать на этой стадии. – Недавно туда кое-кто прибыл. Его фамилия Силвест.

– Довольно редкая фамилия.

– Значит, вам известна роль его клана на Йеллоустоне? Это облегчает дело. Вам будет легче найти его.

– Надо думать, мне предстоит не только поиски?

– О да! – Мадемуазель схватила глобус и раздавила в ладони; из кулачка посыпалась пыль. – Гораздо, гораздо больше!

Глава четвертая

«Новая Бразилия», Эпсилон Эридана, год 2546-й

Вольева покинула борт шаттла и проследовала за триумвиром Хегази по выходному тоннелю на искусственный спутник Йеллоустона – «Новую Бразилию». Миновав несколько герметичных переборок, они попали в помещение, где сила тяжести отсутствовала. Оно располагалось в «ступнице» и представляло собой сферическую гостиную для транзитных пассажиров. Это была самая сердцевина «карусели».

Здесь можно было встретить представителей любой ветви человечества. Люди в одеждах всех цветов радуги плавали в воздухе по всей гостиной, которая очень напоминала аквариум с экзотическими рыбками во время кормежки. Ультра, угонщики, сочленители, демархисты, местные торговцы, пассажиры межзвездных кораблей, разномастные жулики, механики – все они перемещались по случайным на вид траекториям, но при этом не задевали друг друга, хотя от столкновения их подчас отделяли миллиметры. Некоторые, кому это позволяло строение тела, размахивали подшитыми под рукавами перепончатыми крыльями. У других крылья были укреплены прямо на обнаженном теле. Те же, кто не обладал столь авантюрным складом характера, ограничились крошечными ракетными ранцами, а кое-кого буксировали миниатюрные тягачи. Слуги-роботы тащили багаж своих хозяев, разодетые в ливреи крылатые обезьянки капюшоны шныряли между людьми, подбирая и складывая мусор в висящие на груди сумки. Звучала китайская музыка, которая непривычному уху Вольевой казалась завыванием ветра в каминных трубах – как будто инструменты нарочно старались создать наибольший диссонанс. Йеллоустон в тысяче километров от «карусели» казался огромной грязно-желтой каплей, зловеще нависшей над всей этой суетой.

Вольева и Хегази добрались до дальнего конца транзитной сферы и через мембрану, специально созданную для пропуска людей, попали в таможенную зону. Здесь тоже не было силы тяжести. Закрепленное на стенах автоматическое оружие сканировало каждого входящего. Центральная часть сферы была занята прозрачными «пузырями», имевшими диаметр около трех метров и открывавшимися по экватору. Почуввав новоприбывших, «пузыри» подплыли, раскрылись и обволокли Вольеву и Хегази.

Внутри «пузыря» Вольевой висел небольшой робот в виде японского шлема кабуто, с сенсорными датчиками и считывающей аппаратурой, выступавшей из-под гребня. Илия ощутила легкую щекотку, когда робот стал анализировать ее. Такое ощущение, будто в голове кто-то перекладывает цветы.

– Я чувствую привкус русских лингвистических структур, но делаю вывод, что привычным для вас языком является современный норт. Достаточно ли его для выполнения необходимых формальностей?

– Сойдет, – ответила Вольева, слегка раздраженная тем, что обладатель женского голоса так легко определил русскую ржавчину, осевшую на ее норте.

– Тогда перехожу на норт. Кроме незначительных последствий глубокого сна я не нашла ни церебральных имплантатов, ни экзосомных нарушений. Нужно ли вам временное вживание для продолжения нашего интервью?

– Дай свое лицо на экран.

– Пожалуйста.

Под краем шлема возникло лицо – женское, с незначительными признаками монголоидной крови. Волосы подрезаны коротко, как у Вольевой. Илия решила, что чиновник, говоря-

щий с Хегази, обязательно мужчина, уса́тый и темнокожий, явный химерик – словом, похож на Хегази.

– Представьтесь.

Вольева подчинилась.

– Последний раз вы посещали нашу систему... минуточку... – глаза женщины опустились, – восемьдесят пять лет назад, в две тысячи четыреста шестьдесят первом. Я не ошиблась?

Вольева, чувствуя, что поступает неправильно, приблизила лицо к экрану:

– Конечно не ошиблась, ты же гамма-запись. А теперь прекращай валять дурака и переходи к делу. Я веду торговые операции, и каждая лишняя секунда, на которую ты меня задержишь, – это лишняя секунда платы за стоянку возле кучи собачьего дерьма, которую вы называете планетой.

– Ваша грубость отмечена, – сказала женщина таким тоном, будто одновременно делала запись в невидимом блокноте. – Для вашего сведения: многие архивы на Йеллоустоне неполны по причине беспорядков, имевших место во времена эпидемии. Вопросы я вам задаю отчасти по той причине, что хочу проверить неподтвержденные записи. – Она сделала паузу. – Между прочим, моя фамилия Вавилова. Я сижу с чашкой дрянного кофе и последней сигаретой в продуваемом сквозняками офисе уже восьмой час из своей десятичасовой смены. Начальство решит, что я спала на работе, если я сегодня не заверну обратно десяток приезжих. Пока я нашла лишь пятерых. Через два часа я должна уйти, а мне еще предстоит выполнить квоту. Так что, пожалуйста, следите за своими нервами. – Она затаилась и выдохнула дым прямо в лицо Вольевой. – Будем продолжать?

– Извините, я думала... – смутилась Вольева. – Разве у вас для такой работы не используются записи?

– Было счастливое время, – со вздохом произнесла Вавилова, – но с ними та беда, что они пропускают к нам слишком много всякой дряни.

Из таможенной сферы Вольева и Хегази на лифте величиной с дом спустились в одну из четырех спиц «карусели». Их вес нарастал, пока они не достигли обода. Здесь сила тяжести равнялась йеллоустонской, каковая не слишком сильно отличалась от земной и той, что устраивала ультра.

«Новая Бразилия» делала виток вокруг Йеллоустона за четыре часа по орбите, исключавшей попадание «карусели» в так называемый Ржавый Пояс – кольцо из космического мусора, образовавшееся при эпидемии плавающей чумы. «Карусель» имела десять километров в диаметре и тысячу сто метров в ширину, причем основная жизнь сосредоточилась в зоне «обода». Здесь были рассыпаны городки с деревушками и создан искусный ландшафт типа бонсай с перелесками, лазурными горами с ледяными шапками и обрывистыми долинами. Все это должно было вызывать иллюзию перспективы. Округлая крыша над вогнутой поверхностью колеса была прозрачной и поднималась на полкилометра вверх. По ее поверхности были уложены металлические рельсы, с которых свешивались искусственные облака. Форму им подбирал компьютер в соответствии с планируемыми погодными условиями. Облака содействовали и изменению перспективы в этом вогнутом мире. Вольевой они казались вполне реальными, но это потому, что настоящие облака она видела только сверху.

Из лифта Вольева и Хегази вышли на террасу, лежавшую над главным населенным пунктом «карусели» – Рим-Тауном. Эта группа домов располагалась между крутыми склонами гор. Глазам было больно смотреть на такой разноразмерной архитектурных стилей – у домов за годы существования «карусели» сменилась уйма собственников, и каждый норовил достроить что-нибудь, на свой вкус. На земле стояли в очереди рикши, дожидаясь пассажиров.

Один, в голове очереди, пил ананасовый сок из банки, а та стояла на специальном поддоне, приваренном к оглобле повозки. Хегази протянул бумажку с адресом, рикша зыркнул на нее близко посаженными черными глазами и что-то пробурчал, – это означало согласие.

Вскоре они влились в поток электрических и педальных транспортных средств. Те старались обогнать друг друга, создавая невероятную сутолоку, а пешеходы вклинивались в каждый наметившийся просвет между механизмами.

Почти половину людей на улице составляли ультранавты. Их было легко отличить по бледности, худобе, щегольскому увеличению некоторых частей тела, любви к черным оттенкам в кожаной одежде, квадратным километрам всяческих украшений и татуировок, а также профессиональным трофеям. Никто из попавшихся на глаза Вольевой ультра не был истинным химериком, возможно за исключением Хегази, который, вероятно, входил в пятерку самых крупных мужчин на «карусели». Большинство носило модные прически – густые косички или пряди, символизирующие число погружений в криосон. Многие делали разрезы в одежде, чтобы показывать протезы рук или ног. Вольевой пришлось себе напомнить о том, что и она принадлежит к этой субкультуре.

Ультранавты, конечно, не единственная категория людей, постоянно путешествующих в космосе. Угонщики, например, составляли среди таковых достаточно заметную долю, насколько могла судить Илия. Бесспорно, их можно было считать жителями космоса, но в экипажи межзвездных кораблей они записывались редко и внешне весьма отличались от похожих на привидений ультра с их локончиками, косичками и старинными лексическими оборотами. Были и другие. Ледочесы, ответвившиеся от угонщиков, имели адаптированную к одиночеству психику, а потому их чаще привлекали к работе в поясах Койпера; эти люди славились тем, что горой стояли друг за друга и ни с кем не смешивались. Жабраки – люди, измененные для пребывания в воде, – могли дышать растворенным в ней воздухом. Они трудились на кораблях, ходивших на малые расстояния, но с большими перегрузками; много их было и в полицейских силах системы. Некоторые жабраки настолько отвыкли от обычного дыхания, что их транспортировали в огромных роботизированных баках, предназначенных, вообще-то, для перевозки рыбы.

Наконец, были еще сочленители – потомки экспериментальной группы с Марса, которые систематически улучшали свои умственные способности, заменяя живые клетки механизмами, до тех пор пока не произошло непредвиденное скачкообразное изменение. В считанные годы они достигли совершенно невообразимого уровня мышления, но в процессе этого преобразования им пришлось пережить страшную, хотя и короткую, войну. В толпе сочленители угадывались сразу: недавно они с помощью биоинженерии обзавелись большими и очень красивыми черепными гребнями с перфорацией, чтобы сбрасывать часть тепла, генерируемого работающими в мозгу механизмами. В последнее время их стало меньше, но тем больше внимания они привлекали, когда появлялись.

Были и другие фракции или расы людей – в частности, демархисты. Они иногда причисляли себя к сочленителям, но все знали: только настоящие сочленители умеют строить машины, позволяющие кораблям летать со скоростью света.

– Подожди тут, – велел Хегази.

Рикша отъехал к тротуару, где на стопке сложенных столов для игры в карты и маджонг сидел старик. Хегази вложил рикше в ладонь плату и последовал за Вольевой по тротуару. Прямо к бару, который был им нужен.

– «Жонглер и затворник», – прочла Вольева.

Голографическая вывеска изображала нагого мужчину, выходящего из моря. На заднем плане виднелись страшные, совершенно фантазмагорические существа, играющие в волнах прибоя. На мутном небе висел большой черный шар.

– Что-то тут не то.

– Здесь собираются все ультра, – пояснил Хегази. – Привыкай.

– Ладно, намек поняла. Наверное, мне ни в одном баре для ультра не будет уютно.

– Илия, тебе не может быть уютно там, где нет навигационных систем и огневой мощи.

– Что ж, у тебя получился словесный портрет человека, не лишённого здравого смысла.

Из дверей на улицу вывалилась группа молодежи, от них разило потом и чем-то еще – Вольева решила, что пивным перегаром. Очевидно, они только что занимались армрестлингом: один держал протез руки, оторванный от плеча, другой пересчитывал выигрыш – толстую пачку денег. У всех были традиционные косички – знаки пребывания в криокапсулах – и обычные звездные татуировки, отчего Вольева почувствовала себя старой и завистливой. Она сомневалась, что проблемы ребят выходят за рамки того, где сегодня добыть выпивку и ночлег. Хегази строго посмотрел на них, и они, хоть и притворялись настоящими химериками, явно стушевались. Ведь у него на лице не было живого места, в буквальном смысле, – сплошные протезы.

– Пошли, – сказал он, вклиниваясь в толпу. – Улыбнись, и вперед, Илия.

В баре было темно и накурено, что давало синергетический эффект в сочетании с музыкой – пульсацией ритмов Бурунди и чем-то похожим на человеческое пение, – а также с ароматами легких галлюциногенов.

Вольевой потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Хегази указал на незанятый столик в углу, и она пошла туда, не испытывая ни малейшего энтузиазма.

– Сядем здесь? – предложил он.

– Не похоже, что у нас богатый выбор. Мы должны выглядеть так, будто общество друг друга нам не в тягость, иначе люди заподозрят неладное.

Хегази покачал головой и осклабился:

– Наверняка ты мне чем-то очень нравишься, Илия, иначе я бы тебя давно ухлопал.

Она села за столик:

– Только бы Садзаки не услышал твоих слов. Он не потерпит угроз со стороны одного триумвира в адрес другого.

– Это не у меня проблемы с Садзаки – напоминаю на всякий случай. Что будем пить?

– Что угодно, лишь бы мой желудок выдержал.

Хегази сделал заказ. Его физиология не запрещала пить спиртное, и они стали ждать, пока линия доставки, проходившая под потолком, привезет стаканы.

– Тебя еще беспокоит эта склока с Суджик?

– Нет, – ответила Вольева, скрестив руки на груди. – С Суджик я сама управлюсь. Да и вряд ли успею хотя бы пальцем к ней притронуться до того, как ее прикончит Садзаки.

Прибыла выпивка в виде небольшого плексигласового облачка со съёмной крышкой. Облачко свисало с тележки, бегавшей по рельсам, вмонтированным в потолок.

– Мне кажется, Садзаки мог бы прикончить любого из нас, если бы дело дошло до этого.

– А ведь раньше ты ему верил. Что же заставило тебя изменить свои взгляды?

– Садзаки перестал быть собой с тех пор, как снова заболел капитан.

Вольева огляделась по сторонам. Ничто не мешает Садзаки оказаться в одном баре с ними, даже за соседним столиком. Хегази продолжал:

– До того, как это произошло, они оба побывали у жонглеров образами. Ты в курсе?

– Хочешь сказать, жонглеры что-то сделали с мозгом Садзаки? – Илия вспомнила голого мужчину, выходящего из волн океана. – Они ведь именно такими вещами занимаются?

– Да, по просьбам желающих. Думаешь, Садзаки захотел стать еще свирепее?

– Не обязательно. Может, еще целеустремленнее. Эти дела с капитаном... – Она покачала головой. – Символично.

– А ты говорила с капитаном?

Этот вопрос она скорее прочла по губам, нежели расслышала.

– Нет. Я не думаю, что он знает, кого мы ищем. Хотя все это очень скоро перестанет быть секретом.

– А твой личный поиск?

– Я же не ищу определенного человека. Мое единственное условие – он должен быть нормальнее Бориса Нагорного. Ну а отыскать такого, сам понимаешь, не проблема. – Ее взгляд скользнул по лицам посетителей бара. Среди них не было явных психопатов, но не было и тех, кого смело можно назвать совершенно нормальным. – Во всяком случае, я на это надеюсь.

Хегази закурил сигарету и предложил другую Вольевой. Она с благодарностью приняла, и минут пять они курили в полном молчании, пока сигарета не стала крохотным красным угольком, окруженным оранжевыми лепестками. Вольева подумала, что следует пополнить запас курева.

– А вообще-то, мой поиск только начинается, – сказала она. – И действовать надо осторожно.

– Хочешь сказать, – со значением усмехнулся Хегази, – что не собираешься рассказывать каждому кандидату о характере предстоящей ему работы, пока не решишь, подходит ли он тебе?

Вольева поперхнулась дымом:

– Разумеется, не собираюсь.

Окрашенный в лазурный цвет шаттл должен был вскоре завершить полет. Ему предстояло лишь сделать прыжок от семейного поместья Силвестов до орбиты Йеллоустона. Силвесту с трудом удалось добиться своего. Кэлвин был крайне раздражен тем, что его отпрыск имеет какие-то контакты с существом, которое сейчас находится в институте. Как будто состояние разума этого существа может заразить Силвеста в процессе таинственного симпатического резонанса. Как-никак Силвесту уже двадцать один! Он вправе сам решать, с кем ему общаться! Да провались он, этот Кэлвин! Пусть хоть дотла сожжет свои нейроны в этой безумной затее со своими семьюдесятью девятью апостолами!

Силвест увидел перед собой огромное строение СИИЗа и подумал, каким же нереальным это все кажется.

Паскаль дала ему черновик и попросила прокомментировать отрывочек из его биографии. Вот он и переживает все заново. Сидит в тюремной камере и одновременно призраком скользит по прошлому, выслеживая себя – такого еще юного! Воспоминания, давно похороненные, вдруг забили гейзерами, хотя их никто не будил.

Биография далека от завершения. Еще есть возможность подходить к отдельным эпизодам с разных сторон и с различной степенью аналитичности в отношении внутренних связей. Это будет серьезная история, достаточно подробная, чтобы потом исследователь мог всю свою жизнь посвятить изучению какого-нибудь ее этапа.

СИИЗ выглядел достаточно реально. Таким Силвест его и помнил. Административный центр Силвестовского института изучения затворников имел форму колеса. Постройка относилась еще к американскому периоду, хотя тут не было ни одного кубического нанометра, который не подвергался многократным перепланировкам за прошедшие столетия.

«Ступица» представляла собой две серые полусферы, похожие на шляпки грибов; на них виднелись впадины ангаров для причаливания шаттлов, а также амбразуры для весьма скромных оборонительных вооружений, разрешенных моралью демархистов. «Обод» состоял из довольно беспорядочно размещенных жилых модулей, лабораторий и офисов, которые соединялись сложной паутиной хитиновых полимерных труб для подачи питания, воды и тому подобного.

– Вот здорово! – произнес он.

– Вы в самом деле так думаете? – Голос Паскаль звучал издалека.

– Он тогда был в точности таким, – сказал Силвест. – Вернее, таким он мне казался, когда я туда прилетел.

– Спасибо... В общем, это было легко – самая простая часть. У нас были копии чертежей СИИЗа, а в Кювье даже нашлись люди, знавшие вашего отца, – например, Жанекен. А вот потом... Не с чего было начать – мы располагали только тем, о чем вы рассказали, вернувшись со спутника.

– Уверен, вы отлично справились.

– Что ж, сами увидите, и скорее рано, чем поздно.

Шаттл приблизился к ангару. Охранники-роботы уже ожидали за шлюзом, чтобы проверить личность прибывшего.

– Кэлвин вряд ли обрадуется, – сказал Грегори, главный администратор спутника. – Но я полагаю, что отправлять тебя домой уже поздновато.

Подобные разговоры случались раза два-три за последний месяц, и Грегори, говоря о последствиях, умывал руки. Теперь ему уже не надо было сопровождать Силвеста через все эти трубы-тоннели к тому месту, где содержали существо.

– Не стоит беспокоиться, Грегори. Если отец будет приставать, валите все на меня: мол, я потребовал устроить экскурсию.

Грегори высоко поднял брови, что означало насмешку и удивление.

– А разве не это ты делаешь в данную минуту, Дэн?

– Я просто стараюсь поддерживать дружеские отношения.

– И совершенно напрасно, мальчик. Всем нам было бы куда проще, если бы ты прислушивался к словам отца. При тоталитарном режиме, по крайней мере, знаешь, чего от тебя требуют.

Потребовалось целых двадцать минут блужданий по тоннелям, ведущим к «ободу», чтобы миновать научные отделы, где группы мыслителей – людей и машин – безостановочно бились над главной загадкой затворников. Хотя СИИЗ установил свои базы мониторинга у всех ныне известных завес, большая часть информации перерабатывалась и хранилась здесь, возле Йеллоустона. Именно здесь выдвигались невероятной сложности гипотезы, здесь они проверялись на фактах, которых было мало, но игнорировать которые было нельзя. Ни одна теория не протянула больше нескольких лет.

Место, где содержалось существо, представляло собой хорошо охраняемую пристройку к «ободу». Кубатуру выделили щедро, хотя не было никаких оснований считать, что ее обитатель может оценить этот дар. Это существо – в прошлом человека – звали Филип Ласкаль.

Сейчас у него редко бывали гости, а в первые дни после его возвращения от гостей не было отбоя. Интерес снизился сразу же, когда выяснилось, что Ласкаль не может сообщить не только ничего важного, но и неважного тоже. Однако, как вскоре выяснил Силвест, то обстоятельство, что все перестали интересоваться Ласкалем, для него самого был выгоден. Хотя редких – раза два в месяц – приездов Силвеста также явно было недостаточно, чтобы наладить какой-никакой контакт с существом.

Помещение, отведенное Ласкалю, представляло собой садик под искусственным темно-синим небом. Здесь даже дул ветерок, его как раз хватало, чтобы покачивать колокольчики, свисавшие с ветвей искривленных деревьев на границах участка.

Были в саду и дорожки, и каменные горки, и холмики, и шпалеры, и пруды с золотыми рыбками. Все это создавало своего рода лабиринт, и, чтобы обнаружить Ласкаля, нужно было затратить не менее минуты. Существо всегда пребывало в одном и том же состоянии: голым или полуголым и крайне грязным, причем пальцы были измазаны во все цвета радуги мелками или пастелью. Силвеста обычно бросало в жар, когда он видел на вымощенной камнем дорожке рисунки Ласкаля. Это были или сложные симметричные узоры, или попытки подражания не то китайской, не то санскритской письменности, причем найти знакомые буквы или иероглифы было невозможно. Иногда то, что видел Силвест, напоминало булеанову алгебру или семафорную азбуку.

Затем – обязательно спустя какое-то время – Силвест за очередным поворотом находил Ласкаля, или рисующего новые символы, или тщательно стирающего старые. Абсолютно неподвижное лицо, одеревеневшие мышцы тела – воплощенная сосредоточенность. Существо трудилось в тишине, нарушаемой лишь позвякиванием колокольчиков, шепотом воды и царапанием мелков по камню.

Силвест порой часами ждал, когда Паскаль хотя бы обратит внимание на его присутствие – то есть медленно повернет лицо в его сторону и тут же возвратится к своей работе. Но в это мгновение что-то происходило: казалось, напряжение мышц слабеет, а губы чуть растягиваются – то ли в гордой улыбке, то ли в усмешке – поди угадай.

И ничто не говорило о том, что перед Силвестом человек, и не просто человек, а единственное разумное существо, которое дотронулось до поверхности завесы и вернулось назад живым.

– Не думаю, что это будет просто, – сказала Вольева, почти утолившая жажду, – но стажера я, конечно же, скоро найду. Я уже начала рекламную кампанию, указала намеченные нами цели. Что касается работы, я лишь намекнула: она будет связана с имплантатами.

– Но ты же не возьмешь первого попавшегося?

– Разумеется, не возьму. Хотя кандидаты и не будут об этом знать. Я отсею всех, у кого нет военного опыта. Мне вовсе ни к чему, чтобы новобранец сломался при первом намеке на опасность или отказался выполнять приказы. – Спиртное брало свое, Илия уже почти не вспоминала о связанных с Нагорным проблемах.

На сцене выступала девушка, из ее золотистого тиконакса бесконечной спиралью изливалась рага. Не сказать, что Вольева обожала музыку, – считала ее пустой тратой времени. Но было что-то математически выверенное в этих индийских трелях, и оно завораживало, одолевая предвзятость.

– Я уверена в успехе, – сказала она. – Только Садзаки может осложнить нам жизнь.

В это мгновение Хегази кивнул на дверь. Яркий свет заставил Вольеву прищурить глаза. В проеме стоял человек, чья мощная фигура величественно рисовалась на фоне солнечного дня. Человек был одет в черный плащ по шиколотку и шлем странной формы, который свет превратил в подобие нимба. Его профиль казался разрубленным по диагонали длинной полированной палкой, которую он держал обеими руками.

Комусо вступил в сумрак зала. То, что Вольева приняла за деревянный меч кендо, оказалось всего лишь бамбуковой сякухати – традиционным музыкальным инструментом. С отработанной ловкостью вошедший сунул флейту в футляр, который тут же скрылся среди складок плаща, затем с аристократической медлительностью снял свой плетеный шлем. Лицо комусо было видно плохо. Набриоленные и зализанные назад волосы собирались в серповидную косичку. Глаза прятались за выпуклыми стеклами – такие очки носят наемные убийцы. Видимо, они давали изображение в инфракрасном свете, а потому в этом темном зале вошедший видел хорошо.

Музыка резко оборвалась, девушка со своим тиконаксом исчезла со сцены, как по маговению волшебной палочки.

– Они думают, это полицейский рейд, – еле слышно шепнул Хегази. В зале воцарилась такая тишина, что говорить громче было не нужно. – Местные блюстители порядка иногда посылают корзиноголовых, чтобы не марать кровью собственные руки.

Комусо обвел зал «стрекозиными» глазами и наконец нацелился ими на стол, за которым сидели Вольева и Хегази. Его голова двигалась по-совиному, как бы независимо от тела. Со провождаемый шелестом плаща, он подошел, – казалось, плывет по полу, а не шагает. Хегази молча выдвинул ногой из-под стола третий табурет. Все это он проделал, продолжая спокойно попыхивать сигаретой.

– Рад видеть тебя, Садзаки.

Тот небрежно сбросил плетеный шлем на стол и одновременно снял «стрекозиные» глаза. Опустившись на табурет, он тут же развернулся лицом к посетителям бара и сделал жест, будто поднес стакан ко рту. Это означало, что всем лучше заниматься своими делами. Постепенно гул разговоров возобновился, хотя никто не спускал глаз с их столика.

– Хотел бы я, чтобы наши обстоятельства заслуживали праздничного тоста, – сказал Садзаки.

– А они не заслуживают? – Хегази изобразил уныние, насколько позволяло его протезированное лицо.

– Вот именно, и за свои слова я отвечаю. – Садзаки исследовал почти опустошенные стаканы, взял стакан Вольевой и переправил в рот содержимое. – Я тут слегка пошпионил, как вы можете догадаться по моему маскарadu. Нет его в этой системе. Уже пятьдесят лет.

– Пятьдесят? – Хегази присвистнул.

– Значит, и след простыл. – Вольева, всегда считавшая, что такой риск существует, постаралась скрыть злорадство.

Когда Садзаки приказал вести субсветовик к системе Йелоутона, он руководствовался доступными на тот момент сведениями. Но это было десятки лет назад, и к той поре сама информация могла устареть на десятки лет.

– Да, – ответил Садзаки, – остыл, но не безнадежно. Я знаю, куда он отправился, и нет причин, чтобы он там не остался.

– И куда же? – У Вольевой засосало под ложечкой.

– На планету, которая называется Ресургом. – Садзаки вернул ее стакан на стол. – Довольно далеко отсюда. Боюсь, дорогие коллеги, что следующая наша посадка произойдет именно там.

Он снова погрузился в прошлое.

На этот раз гораздо глубже – в тот год, когда ему было двенадцать. Отрывки, которые ему показывала Паскаль, не были последовательными. Биография составлялась без строгой привязки к линейному времени. Сначала это напрочь сбило его с толку – как же так, ведь он, наверное, единственный человек во Вселенной, который не имеет права «плавать» в собственной истории. Но растерянность постепенно сменилась пониманием того, что Паскаль действует правильно. Только так и следует относиться к его прошлому: как к разобранной в беспорядке мозаике, как к акростиху, допускающему множество равноценных толкований.

Это был 2373 год – всего несколько десятилетий прошло после того, как Бернсдоттир открыла первую завесу. Вокруг этого таинственного явления сразу возник целый рой наук, а также государственных и частных научных организаций. Силвестовский институт изучения затворников был только одним из многих подобных учреждений, но он оказался волею судеб и самым богатым, и влиятельным, обладая поддержкой клана Силвестов. А потом наметился прорыв, но не благодаря планомерной научной работе этой организации, а благодаря случаю и бесспорному безумию одного-единственного человека.

Которого звали Филип Ласкаль.

Это был ученый из СИИЗа, работавший на одной из постоянных станций, сооруженных вокруг того, что сейчас называют Завесой Ласкаля, в секторе Тау Кита. Кроме того, он был членом группы, всегда готовой послать людей за завесу, хотя никто, разумеется, в возникновение такой необходимости не верил. Но группа существовала, равно как и дежурный корабль, который преодолел бы оставшиеся до границы с завесой пятьсот миллионов километров, если бы затворники прислали приглашение.

Ласкаль же решил не ждать.

В одиночку он проник на борт корабля СИИЗа и угнал его. К тому времени, когда коллеги спохватились, он уже был слишком далеко. Конечно, можно было дистанционно активировать заложенное на борту взрывное устройство, но затворники могли бы истолковать это как акт агрессии. Никто, разумеется, всерьез не рассчитывал когда-нибудь снова увидеть Ласкаля. И хотя тот вернулся, скептики отчасти оказались правы – разум Ласкаля почти целиком остался где-то там, в космическом пространстве.

Ласкаль подошел довольно близко к завесе, когда неведомая сила схватила корабль и швырнула его обратно, возможно не допустив до поверхности завесы лишь на несколько тысяч километров, хотя на таком расстоянии практически нельзя определить, где кончается космос, а где начинается завеса. Однако было ясно, что ближе, чем Ласкаль, ни один человек не подступался к ней.

Но и цену он заплатил за это страшную.

В отличие от тех, кто раньше пытался проделать такой фокус, Ласкаль не превратился в кровавую кашу, его не растерзали на мельчайшие кусочки непостижимые силы завесы. Но нечто столь же чудовищное случилось с его разумом. От личности не осталось ничего, за исключением каких-то второстепенных мелочей, которые лишь подчеркивали потерю самого важного. Остались те функции мозга, которые позволяли ему поддерживать свое существование без помощи машин; остался в целости и сохранности контроль за моторикой тела. И никаких проявлений прежнего разума.

Теперь Ласкаль воспринимал окружающее самым странным образом, и невозможно было понять, знает ли он, что с ним произошло, ощущает ли ход времени, может ли усваивать новую информацию или вспоминать то, что было до путешествия к завесе. Он сохранил способность говорить, но, хотя произносил отдельные слова и даже обрывки фраз, в них не было никакого смысла.

Ласкаля – вернее, то, что от него осталось, – возвратили в систему Йеллоустона, а затем поместили на спутник СИИЗа, где медицинские светила из всех сил старались выстроить научную теорию, объясняющую, что с ним произошло. В конце концов скорее отчаяние, нежели логика подсказало им, что фрактальное, реструктурированное пространство-время вблизи завесы не могло сохранить ту информационную плотность, что имела место в мозгу Ласкаля, а потому рандомизировало содержимое этого мозга на квантовом уровне, причем молекулярные процессы, идущие в теле исследователя, при этом практически не пострадали. Представьте себе текст, переведенный с такими ошибками, что он утратил смысл, а затем претерпел обратный перевод на язык оригинала.

И все же Ласкаль оказался не последним человеком, который решился на столь самоубийственный поступок. Вокруг него сложился своеобразный культ, и адепты верили: несмотря на внешние признаки безумия, на самом деле завеса даровала Ласкалю нечто вроде нирваны. Примерно два раза в десятилетие делались попытки пройти границу какой-нибудь из ныне известных завес. Результаты были печальны, счастливчики возвращались обезумевшими, а неудачники либо вообще пропадали без вести, либо их корабли находили измочаленными, а пилотов – размазанными по стенам.

Культ Ласкаля процветал, а о самом исследователе почти забыли. Пускающий слюни, бормочущий бессмыслицу овощ – неподходящий объект для обожествления.

Но Силвест о Ласкале помнил. Больше того, его все сильнее дразнила идея докопаться до истины, спрятанной где-то глубоко в этом человеке. Семейные связи позволяли встречаться с Ласкалем в любое удобное время, – конечно, если пренебречь запретами отца.

Он навещал Ласкаля все чаще, храня абсолютное спокойствие, пока тот рисовал свои каракули на дорожке. Силвест все еще надеялся увидеть в них ключ – ибо не сомневался, что это будет ключ от сокровищницы.

И он получил... нечто гораздо большее.

Теперь уже нелегко вспомнить, как долго пришлось ждать в тот день, когда он выиграл свой приз. Чем сильнее сосредотачивался он на действиях Ласкаля, тем меньше в них видел смысла, – будто изучаешь длинную череду абстрактных картин. Как ни подстегивай восприятие, оно все равно слабеет.

Ласкаль уже приступил к шестой или седьмой непостижимой пастельной мандале, причем работал все так же истово, не жалея старания на каждый штрих.

Затем, без всякого предупреждения, он повернул голову к Силвесту и четко произнес:

– Доктор, жонглеры предлагают ключ.

Силвест был слишком потрясен, чтобы прервать его.

– Мне дали это понять, – продолжал Ласкаль, – когда я пребывал в Пространстве Откровения.

Силвест кивнул, постаравшись это сделать с невозмутимым видом. Какая-то часть его мозга сохраняла спокойствие и пыталась найти объяснение услышанному. Насколько он понял, границу завесы Ласкаль назвал «Пространством», в котором ему было даровано «Откровение». Это нечто слишком сложное, чтобы тратить время на его описание, и тем не менее язык у него, похоже, развязался.

– Было время, когда затворники путешествовали среди звезд, – говорил Ласкаль, ни на минуту не переставая рисовать, причем мелок он держал пальцами ноги, – почти так же, как это делаем мы. Это очень древний народ, владеющий секретами космических полетов уже миллионы лет. Да будет вам известно, они не похожи на нас. Совершенно иные.

Его нога положила малиновый мелок и взяла синий, а рука стала рисовать что-то на другом, чистом участке дорожного покрытия. Изображенное им существо состояло из множества сегментов и щупальцев, носило броню, держалось вертикально и обладало весьма сомнительной симметрией тела. Оно мало походило на инопланетянина, путешествующего между звездами, а скорее напоминало чудовищ, ползавших по дну докембрийского океана. Чуждое и страшное.

– Это затворники? – спросил Силвест с дрожью отвращения в голосе. – Вы, значит, встречались с ними?

– Нет, – ответил Ласкаль. – Мне не удалось проникнуть сквозь завесу. Но они со мной разговаривали. Возникали в разуме. И многое поведали о своей истории и природе.

Силвест с трудом оторвал взгляд от кошмарной твари.

– А что вы можете сказать о жонглерах образами?

– Жонглеры в нашей Галактике живут уже давно, и их можно найти во многих мирах. Все народы, путешествующие в этой части Вселенной, рано или поздно сталкиваются с ними. – Ласкаль постучал по своему рисунку. – Мы столкнулись, затворники тоже, только гораздо раньше нас. Вы понимаете, док тор, о чем я говорю?

– Да... – Силвест считал, что понимает. – Но не вижу, к чему вы клоните.

Ласкаль улыбнулся:

– Кто бы ни посещал жонглеров, его обязательно запомнят. Эти существа запоминают абсолютно все, до последней клетки, до последнего синапса. Вот что такое жонглеры образами. Огромная система биологического архивирования.

Об этом Силвесту уже было известно. Конечно, люди пока узнали очень мало о способностях жонглеров, их задачах и происхождении. Но с самого начала стало ясно, что жонглеры могут «сохранить» личность человека в своей матрице, так что каждый, кто поплавал в их океане – и попутно был «разобран» и «собран» заново, – получил нечто вроде бессмертия. Эти записи могли реализовываться по несколько раз, могли временно внедряться в разум другого человека. Процесс, в общем, был грязноватый, чисто биологический, сохраняемая запись соприкасалась с миллионами других и подвергалась их влиянию. Уже в ранние годы изучения

жонглеров стало ясно, что их океаны хранят колоссальные запасы информации, что мысли инопланетян могут проникать в умы пловцов, но при этом, как правило, остаются непонятыми.

– Итак, жонглеры запомнили затворников, – подвел черту Силвест. – Но нам-то с того какая польза?

– Польза огромная, вы даже не представляете насколько. Затворники кажутся чудовищами, но базовая архитектура их умов в определенной степени сходна с нашей. Надо лишь игнорировать телесные различия. И наоборот, надо помнить, что они тоже общественные существа, что у них есть язык, причем голосовой, что они своими органами чувств воспринимают окружающую среду, как и мы. До известной степени человека можно научить мышлению затворника, но при этом он сохранит свою человеческую сущность. – Паскаль внимательно посмотрел на Силвеста. – Жонглеры образами вполне способны наложить нейронную структуру затворника на человеческий неокортекс.

Эта мысль восхитила Силвеста. Она предлагала контакт совершенно нового типа: не общаться с инопланетянином, а самому стать им. Если, конечно, Ласкаль именно это имел в виду.

– И чем же это поможет?

– Завеса не убьет вас.

– Не понял...

– Видите ли, завеса – своеобразная защитная структура. Главное из того, что находится за ней, – это даже не затворники, а технологии, которые слишком мощны и непредсказуемы, чтобы можно было оставить их в чужих руках. Многие миллионы лет затворники прочесывали Галактику в поисках опасных технологий, переживших своих создателей. Они находили вещи, которые я не могу даже вообразить, не то что описать вам. Когда-то, возможно, они служили благим целям, но сейчас могут быть использованы в качестве оружия невероятной разрушительной силы. Это техника и технологии, которыми вправе пользоваться лишь самые развитые народы космоса. Это управление пространством-временем, передвижение со сверхсветовой скоростью... да мало ли что еще, чего ваш мозг воспринять не в состоянии.

Но Силвест сомневался, что дело именно в этом.

– Тогда завеса... это что? Сундук с сокровищами, ключ от которого держат при себе самые развитые народы космоса?

– Нечто гораздо большее! Затворники защищаются от вторжения. Граница завесы – это почти что живое существо. Она реагирует на структуру разума тех, кто подходит к ней. Если эта структура не совпадает со структурой затворников... завеса дает отпор. Она локально изменяет пространство-время, вызывая бешеные флуктуации его кривизны, что-то вроде мощных гравитационных стрессов. Незваного гостя разрывает в клочья. Но если структура разума правильная, завеса вас пропустит, направит куда надо, поместив в «карман» спокойного пространства-времени.

Силвест понимал, что последствия этого открытия могут быть потрясающими. Думай, как затворник, и ты проникнешь сквозь завесу. А там что? Блещающие в сундуке драгоценности! И если у тебя хватило ума добраться до этого сундука, разве ты не вправе присвоить его содержимое? Если верить Ласкалю, затворники взяли на себя роль галактического стража и хранителя вредоносных технологических тайн. Но разве мы просили их об этом?

И в его мозгу тут же родился вопрос:

– А зачем им понадобилось сообщать вам все это, если спрятанное за завесой надлежит защищать любой ценой?

– Я не уверен, что это было сделано умышленно. Барьер вокруг завесы, возможно, дал сбой и не отреагировал на мою чуждость. Может быть, он испортился, может... гм... состояние моего рассудка ввело его в заблуждение. Как только я приблизился к границе, между завесой и мной начался обмен информационными потоками. Таким образом я и узнал то, о чем рас-

сказываю. О том, что находится за завесой, о том, как можно обойти ее защиту. Этот орешек машинам не раскусить... – Последняя фраза, казалось, не относилась к сказанному выше; она повисла на несколько секунд, а потом Ласкаль продолжал: – Но вскоре завеса, видимо, поняла, что я чужой. Она отторгла меня, отбросила назад в космос.

– А не проще ли было вас убить?

– Может, она не была полностью уверена в правильности своего решения. Это ведь Пространство Откровения, и я все время ощущал чью-то неуверенность. Вокруг меня шли какие-то важные споры. Стремительные, быстрее мысли. Должно быть, в конце концов возобладала осторожность.

Еще вопрос. Его Силвест хотел задать с той минуты, как Ласкаль начал разговор.

– А почему вы так долго медлили со своим рассказом?

– Я должен извиниться за свою скрытность. Но мне надо было сперва переварить те знания, которые затворники вложили в меня. Эти знания были даны в их терминологии, а не в нашей.

Он замолчал. Все его внимание, казалось, было поглощено меловым разводом, который нарушал математическую точность нарисованной мандалы. Ласкаль лизнул палец и стер пятно.

– Впрочем, эта стадия была легкой. Затем мне пришлось вспоминать, как общаются между собой люди. – Он поглядел на Силвеста настороженными глазами, на которые падала прядь нечесаных, как у неандертальца, волос. – Вы были ко мне добры, не то что другие. И терпеливы. Я решил, что эти сведения могут быть вам полезны.

Силвест вдруг со страхом осознал, что открывшееся окошко в здравый рассудок Ласкаля может так же неожиданно захлопнуться.

– А как мы уговорим жонглеров наложить структуру мышления затворников на человеческий мозг?

– Это просто. – Ласкаль кивнул на свой меловой рисунок. – Запомните эту фигуру и держите ее в памяти, когда будете плавать в океане.

– И все?

– Должно хватить. Присутствие этой фигуры в вашем мозгу будет для жонглеров своего рода переводом просьбы о том, что вам нужно. Конечно, желательно еще сделать подарок. Такие важные вещи у них задарма не делаются.

– Подарок?

Интересно, что можно преподнести в дар существу, похожему на плавающий остров из ряски и морской капусты.

– Придумайте что-нибудь. Но в любом случае подарок должен быть насыщен информацией. Иначе вас сочтут неинтересным. А впустую отнимать у них время я бы не советовал.

Силвест хотел бы задать еще множество вопросов, но Ласкаль снова сосредоточился на рисунке.

– Вот и все, что я хотел сказать, – произнес он.

И это было действительно все.

Ласкаль больше ничего не сообщил ни Силвесту, ни кому-либо еще. Через месяц его нашли мертвым. Он утонул в пруду с золотыми рыбками.

– Эй! – сказала Хоури. – Тут есть кто-нибудь?

Она очнулась от сна, и это все, что ей было известно. Не просто вздремнула после обеда – нет, это было нечто гораздо более глубокое, долгое и холодное. Почти наверняка криосон – подобные вещи не забываются. Она уже пережила такое пробуждение однажды, на орбите Йеллоустона. Абсолютно аналогичные физиологические и неврологические признаки. А вот капсулы, в которой она тогда проснулась, сейчас рядом нет.

Полностью одетая, Хоури лежала на кушетке. Вероятно, кто-то перенес ее сюда, пока она не пришла в сознание. Но кто? И вообще, где она находится? Такое чувство, будто в голове взорвалась граната и разнесла память на куски.

И все же место, где она лежала, казалось до боли знакомым.

Коридор в каком-то дворце? Что бы это ни было, оно заставлено на редкость безобразными скульптурами. Либо Ана проходила мимо них несколько часов назад, либо это всплыли рецессивные фрагменты ее детской памяти – ужасы из няниных сказок. Скорченные, иззубренные, обгорелые статуи нависали над Хоури, отбрасывая демонические тени. Интуитивно, словно в дреме, она подумала, что фигуры должны как-то дополнять друг друга. Этим они и занимались в прошлом, но сейчас, разбитые и измятые, уже не способны выполнять свое предназначение.

Приближались неуверенные шаги.

Хоури с трудом повернула голову на звук. Шея почти не повиновалась – будто сделана была из крепкого дерева. Опыт подсказывал, что и все тело такое же окоченелое после долгого криосна.

Мужчина остановился в нескольких шагах. В скудном свете черты его лица были почти неразличимы, но что-то знакомое угадывалась в линии подбородка. Много-много лет назад Хоури, должно быть, знала этого человека.

– Это я, – зазвучал хриплый флегматичный голос, – Манукян. Мадемуазель предположила, что вам по пробуждении будет приятно увидеть знакомое лицо.

Вроде эти имена для Аны не пустой звук...

– Что случилось?

– Да ничего. Она сделала предложение, от которого вы не могли отказаться.

– И сколько я проспала?

– Двадцать два года, – ответил Манукян и протянул ей руку. – Ну а теперь не пора ли нам пойти и поздороваться с Мадемуазелью?

Силвест проснулся и обнаружил перед собой стену, проглотившую половину неба, – такую черную, что казалась отрицанием всего сущего, в том числе и себя самой. Он ничего подобного прежде не видал и теперь понял, что обычная тьма, простирающаяся между звездами, совсем не такая, как эта, – она на самом деле светится, слабо люминесцирует. А в этом круглом черном омуте, который назван Завесой Ласкаля, нет ни звезд, ни иных источников света; даже жалкий фотон не мелькнет на каком-нибудь участке видимого спектра. Нет даже занюханного нейтрино, уже не говоря о более экзотических частицах. Гравитационные волны, электростатические и магнитные поля тоже отсутствуют, как и шепот радиации Хокинга, а ведь радиация, согласно устаревшим представлениям о природе завесы, должна просачиваться из нее, доказывая наличие температурного разогрева на ее периферии.

Словом, ничего подобного там не было. Единственное, что делала завеса – во всяком случае, что было известно всем, – это служила неодолимым препятствием для любого излучения.

Хотя нет: еще она превращала в месиво любой объект, который имел наглость приблизиться к ее границе.

Силвеста вывели из криосна, и сейчас его мучило от дезориентации, которая всегда следовала за слишком быстрым пробуждением. Еще хорошо, что здоровье позволяло ему справляться с этим побочным эффектом. Физиологический возраст Силвеста не превышал тридцати трех лет, тогда как с момента его рождения прошло уже больше шестидесяти.

– Со мной... все в порядке? – Очень хотелось расспросить врачей, занимавшихся проверкой и восстановлением его жизненных функций, но сейчас внимание было приковано к черному пятну за окном станции.

Как будто смотришь на негатив снежной бури.

– Практически оптимум, – отозвался медик, который стоял рядом, глядел, как в воздухе прокручиваются показания счетчика нейронов, и отмечал появление каждой цифры похлопыванием стилоса по своей нижней губе. – А вот Вальдес явно сдает. Значит, Лефевр выходит вперед. Как думаете, вы сможете с ней работать?

– Не поздновато ли для сомнений?

– Дэн, я пошутил. Ну а как память? Я не успел вас проверить только на посткриогенную амнезию.

Вопрос казался дурацким, но, как только Силвест стал перебирать свои воспоминания, выяснилось, что они тормозят подобно документу, проходящему через многочисленные инстанции с нерадивыми чиновниками.

– А Морскую Пену помните? – настаивал врач с тревожной ноткой. – Очень важно, чтобы вы вспомнили Морскую Пену...

Силвест помнил, но в тот момент никак не мог привязать ее к другим своим воспоминаниям. А вот что великолепно сохранилось в памяти, чего не могли унести никакие волны времени, так это Йеллоустон, покинутый через двенадцать лет после истории с Восьмьюдесятью, через двенадцать лет после физической смерти Кэлвина, через двенадцать лет после разговора с Филипом Ласкалем, наконец, через двенадцать лет после того, как Ласкаль утопился, надо думать выполнив свое предназначение.

Экспедиция была маленькая и достаточно хорошо оснащенная. Команда субсветовика состояла по большей части из химериков и ультранавтов, которые редко соглашались служить вместе с людьми других каст. Также на борту находились двадцать ученых, преимущественно из СИИЗа, и четыре будущих контактера. Из последних на штурм завесы пойдут только двое.

Цель экспедиции – Завеса Ласкаля, но сначала корабль должен зайти на другую планету. Там Силвесту предстоит выполнить одно из указаний Ласкаля. Визит к жонглерам образами крайне важен для успеха миссии, а их мир находится в десяти световых годах от завесы. Силвест не представлял себе, что его там ждет, но совету Ласкаля он безоговорочно доверял. Не мог же этот человек нарушить свое долгое молчание ради глупой шутки!

Жонглеры образами уже больше века считались забавной диковинкой. Они обитали в нескольких мирах, почти целиком занятых океанами. Сами жонглеры представляли собой биохимическое сознание, охватывавшее практически весь океан. Оно состояло из триллионов симбиотических микроорганизмов, образующих «клубы» величиной с приличный остров. Все населенные этими существами планеты отличала тектоническая активность. Существовала гипотеза, что жонглеры черпают энергию из гидротермальных источников в океаническом дне и что тепловая энергия трансформируется в биоэлектрическую и передается в верхние слои океана по щупальцам органических сверхпроводников, уходящим на многие километры в холодные и мглистые глубины.

Цель жонглеров, если таковая существовала, оставалась неизвестной. Ясно было, что они способны изменять биосферу миров, действуя как единая разумная масса фитопланктона, но является ли это самоцелью, или у них есть другая, высшая функция? Был известен – хотя и слабо изучен – еще один феномен: жонглеры обладали способностью хранить и передавать информацию, выступая как всепланетная нейронная сеть. Информация хранилась на многих уровнях, начиная с огромных переплетений щупальцев на поверхности океана и кончая свободно плавающими микроскопическими спиралями ДНК.

Невозможно было определить, где кончается океан и где начинаются жонглеры. Точно так же никто не знал, содержит ли планета множество жонглеров, или есть только один индивидуум, расчлененный территориально, – между «островами» были перекинута биологические мосты.

Не подлежало сомнению, что жонглеры образами – живые хранители информации, что-то вроде гигантских насыщенных данными губок. Все, что попадало в океан, тут же анализи-

ровалось миллиардами микроскопических щупальцев, частично растворялось ими, идентифицировалось в химическом и физическом аспекте, а затем все эти сведения отправлялись на хранение в биохимический банк данных, каковым являлся целый океан. По словам Ласкаля, жонглеры умели не только добывать и архивировать информацию, но и внедрять ее в другие разумы. Предположительно в этих архивах могли содержаться записи мыслительных структур затворников, некогда вступавших в контакт с жонглерами.

Изучение цивилизации жонглеров началось несколько десятилетий назад. Купаясь в океане, человек контактировал с разумным фитопланктоном, микроскопические щупальца которого проникали в неокортекс и устанавливали квазисинаптические связи между океаном и пловцом. «Будто с одноклеточной водорослью общаешься» – так описывали свои впечатления прошедшие через эту процедуру ученые. Потом сознание расширялось, охватывая весь океан; память уходила в древнейшие времена и почему-то зеленела. Границы восприятия делались гибче и шире, но при этом океан не казался некой подлинной самостью, а казался зеркалом, отражающим человеческое сознание.

Некоторые пловцы, переживая этот опыт абсолютного солипсизма, вдруг обнаруживали у себя сильнейшую склонность к математике, – похоже, океан заметно усиливал их творческие способности. Кое-кто уверял, что эти способности временно сохраняются после возвращения экспериментатора на сушу или на орбиту. Возможно ли, что при контакте с океаном жонглеров человеческий мозг претерпевает физические изменения? Вот так и возникли представления об умении жонглеров влиять на умственную деятельность людей. Якобы пловец, пройдя длительную подготовку, сможет выбирать из разных форм такой трансформации. Врачи-невропатологи, работавшие на планетах жонглеров, попытались зарегистрировать их влияние на человеческий мозг, но добились лишь частичного успеха. Это были очень слабые изменения, сравнимые с перенастройкой скрипки – ее никоим образом не пытались разбить, чтобы сделать новую из обломков. Да и держались эти изменения недолго – обычно дни, реже недели, в исключительных случаях год, – а потом полностью исчезали.

Вот в таком состоянии пребывала наука о жонглерах, когда экспедиция Силвеста достигла их мира, который назывался Морская Пена. И сейчас Силвест вспомнил его. Океаны! Приливы с отливами! Цепочки вулканических островов и вездесущая убийственная вонь морских водорослей. Все четыре будущих контактера прошли многомесячную подготовку, накрепко запечатлев в памяти меловой рисунок Ласкаля – могли повторить его с закрытыми глазами. И теперь, визуализируя эту мандалу, они окунулись в океан.

Жонглеры проникли в них, частично «растворили» их разумы, а затем воссоздали по собственным чертежам.

Когда четверо вышли из воды, они были уверены, что Ласкаль – псих и лжец.

Никаких следов инопланетного происхождения они в себе не обнаружили. Никакие космические тайны им не открылись. Никто из них не признался, что ощущает себя «каким-то не таким». Никто не похвастался, что стал понимать природу затворников.

Сложные неврологические тесты оказались более тонким инструментом, нежели человеческая интуиция. У всех четверых изменилось пространственное и когнитивное восприятие – правда, в масштабах, едва поддававшихся количественной оценке.

Шло время, а контактеры демонстрировали все новые особенности состояния ума – одновременно и привычные для них, и совершенно чуждые. Видимо, какие-то изменения все же происходили, хотя никто из четверки не взялся бы утверждать, что это имеет отношение к затворникам.

В любом случае надо было действовать быстро.

Как только завершилась основная проверка, всех четырех положили в криокапсулы, чтобы холодом законсервировать наметившиеся изменения. Они, конечно, начнут сходить на

нет, как только контактеры проснутся, даже при условии применения экспериментальных психотропных средств.

Эти люди проспали весь путь к Завесе Ласкаля и еще несколько недель, пока исследовательский спутник маневрировал, чтобы приблизиться на три астрономические единицы – номинально безопасное расстояние. Разбудили контактеров перед самой отправкой.

– Я... помню, – сказал Силвест. – Я помню Морскую Пену!

Для него стала вечностью следующая минута, в течение которой врач, продолжая постукивать стилосом по губе, всматривался в показания медицинских приборов. Наконец он кивнул, что означало: Силвест прошел испытания.

– Знакомые места, а как здорово изменились! – сказал Манукян.

Он был прав – Хоури и сама видела перемены. С большой высоты глядя вниз, она не узнавала Город Бездны. Не было больше Москитной Сетки. Город снова открылся стихиям, его нагие башни смело поднимались в атмосферу Йеллоустона – а ведь еще совсем недавно они прятались под грязными драпировками куполов.

Шато де Карбо, замок Мадемуазели, уже не входил в число самых высоких здешних строений. Поставленные на высокие колонны, чем-то неуловимо похожие на космические корабли, новые здания могучими клинками врезались в раскаленное ржавое небо. Одно из них, напоминавшее не то акулий плавник, не то лист спинифекса, смотрело на мир сотнями узких окон; его украшал огромный символ из булеановой математической логики – эмблема сочленителей.

Как паруса белоснежных яхт, реяли эти дома над остатками Мульчи и ажурными стенами резали на огромные ломти свежий ветер гор. Только кое-где еще торчали гнилые зубы старой архитектуры, а на ее верхних этажах доживали остатки Полога. Старый город-лес падал под натиском блистающих зданий-лезвий.

– В Бездне что-то выращивают, – продолжал Манукян. – Аж в самой глуби. Почему-то называли это «Лилли». – В голосе звучало отвращение с оттенком благоговения. – Видевшие рассказывают о громадной вонючей дышащей кишке – как будто из живота самого бога. Она липнет к стенам. Отрыжка Бездны ядовита, но, когда она прошла через «Лилли», ею можно дышать.

– И все это за двадцать два года!

– Да! – ответил кто-то третий.

По ставням – блестящим черным броневым листам – быстро скользнула тень. Хоури резко повернулась и успела заметить, как останавливается бесшумно приблизившийся паланкин. Его вид напомнил и о Мадемуазели, и о многом другом. Ане казалось, что между их последней встречей и нынешним появлением паланкина прошло не больше минуты.

– Спасибо, Карлос, что привели ее сюда.

– Теперь все?

– Думаю, да. – Голос Мадемуазели рождал слабое эхо. – У нас мало времени, и это при том, что мы потеряли столько лет. Я нашла экипаж, который подыскивает кого-нибудь вроде Хоури, но корабль простоят тут всего несколько дней, а потом покинет систему. Упустить этот шанс мы не можем. Ана должна пройти обучение, вжиться в роль и внедриться в команду за оставшийся срок.

– А если я скажу «нет»? – спросила Хоури.

– Но вы же этого не скажете, правда? Ведь теперь вы знаете, что я могу вам сделать. Не забыли?

– Такое забудешь.

Она очень хорошо помнила то, что ей показала Мадемуазель. В другой капсуле для криосна лежал человек. И этим человеком был ее муж Фазиль. На самом деле их никогда не разлучали. Обоих доставили сюда с Окраины Неба – чиновничья ошибка оказалась милостива не

только к Ане. Да и была ли она, эта ошибка? С самого начала можно было догадаться, что кто-то принимает самое деятельное участие в судьбе Хоури. Непроста же она с такой легкостью получила место наемного убийцы в «Игре теней»! Эта роль, как она теперь понимала, понадобилась только для проверки ее пригодности к другой задаче. Ну а заручиться ее согласием было проще простого. Фазиль в руках Мадемуазели. Если Хоури откажется, она больше не увидит мужа.

– Никогда не сомневалась в вашем здравомыслии, – сказала Мадемуазель. – И вообще, Хоури, мое поручение не такое уж и сложное.

– А что с кораблем, который вы нашли?

– Это просто торговцы, – произнес Манукян успокаивающе. – Я сам из них. И когда пребывал в этом качестве, мне удалось спасти...

– Хватит, Карлос.

– Извините. – Он оглянулся на паланкин. – Я лишь хотел сказать, что здесь не угадаешь, с кем нам придется иметь дело.

Благодаря то ли случайности, то ли причудливой игре подсознания инженеры, строившие по заданию СИИЗа корабль для исследования завесы, выбрали форму символа бесконечности. Он состоял из двух каплевидных модулей, соединенных между собой «муфтой». Модули были набиты аппаратурой жизнеобеспечения, разведки и связи, а в «муфте» находились двигатели и разнообразная научная аппаратура. Каждому исследователю предстояло жить в индивидуальном модуле, который в нештатной ситуации – например, при прекращении мониторинга психической активности его пассажира – мог быть отделен.

Включив реактивную тягу, корабль устремился к завесе, тогда как исследовательская станция отошла на безопасное расстояние – туда, где ее ждал субсветовик. Рассказ Ласкаля заканчивался тем, что разведчик стал быстро удаляться, уменьшаясь в размерах, пока не превратился в лиловое пятно ракетного выхлопа с красным и зеленым миганием бортовых огней. Вскоре они тоже исчезли. Все залила темнота, будто расплзалась огромная клякса туши.

Никто достоверно не знает, что произошло потом. Большая часть информации, собранной в полете Силвестом и Лефевр, была безвозвратно утеряна, включая и ту, которую они передавали на станцию и субсветовик. Не только длительность последующих событий, но даже их точный порядок теперь вызывает сомнения. Все, что известно, записано со слов Силвеста. Но ведь и он, по его собственному признанию, пребывал в измененном состоянии сознания и даже частично терял его вблизи от завесы. Так что его воспоминания трудно считать надежным источником.

Полученная информация сводилась к следующему.

Силвест и Лефевр подошли к завесе ближе, чем кто-либо до них, включая и Ласкаля. Если сказанное Ласкалем правда, то их трансформированные разумы обманули защиту завесы. Эта защита направила их в относительно спокойный канал пространства-времени, тогда как вся остальная пограничная область буквально кипела от чудовищных гравитационных перепадов. Никто даже теперь не может объяснить, как это случилось, каким образом механизмы глубокой защиты завесы могли искривить пространство-время, придав ему такие дикие геометрические формы, если его свертывание, в миллиарды раз более простое, потребовало бы затрат энергии, какая не содержится в массе покоя всей нашей Галактики. Никто не понимает и того, как может сознание проникать в пространство-время вблизи завесы, причем делать это таким образом, чтобы последняя имела возможность распознать тип разума, пытающегося добраться до ее ядра, и одновременно оценить и трансформировать содержащиеся в нем мысли и воспоминания. Очевидно, существует некая связь между мыслительными процессами этого разума и глубинными процессами пространства-времени. Возможно, одно влияет на другое.

Силвест докопался до гипотезы, умершей сотни лет назад: якобы существует связь между квантовыми процессами в сознании и квантовыми же гравитационными механизмами, на которые опирается пространство-время; эти механизмы и процессы сближаются в соответствии с так называемым тензором Вейля.

Впрочем, и теперь о сознании было известно немногим больше. Безумных теорий вполне хватало. Например, кое-кто считал, что вблизи от завесы даже слабенькая связь между сознанием и пространством-временем может многократно усиливаться.

Силвест и Лефевр мыслью пробивали себе дорогу через шторм, их переделанные жонглерами умы успокаивали силы гравитации, бушевавшие в считанных метрах от тонких бортов корабля. Их можно сравнить с заклинателями змей, оказавшихся в полной этих тварей пещере и своей музыкой прокладывающих узкую дорожку среди шипящих гадов; как только умолкнет музыка или нарушится ее строй, змеи очнутся от гипнотического сна. Никто никогда не узнает, как близко подошли Силвест и Лефевр к завесе, если музыка их умов вдруг собьется, а кобры гравитации грозно зашевеливаются.

Силвест утверждал, что саму границу они не пересекли, и ссылаясь на визуальные наблюдения – больше половины видимого неба оставалось звездным. Но та ничтожная часть информации, которую удалось получить с исследовательского спутника, свидетельствует, что контактный корабль с двумя наблюдателями побывал внутри фрактальной пены, то есть в пределах размазанной границы завесы. Иначе говоря, в пределах того, что Ласкаль назвал Пространством Откровения.

Лефевр почувствовала, как это все начиналось. Со страхом, но и с ледяным спокойствием она сообщила Силвесту об изменении состояния ее трансформированного мозга. Этот мозг с шаблоном мышления затворников теперь очищался, расползалась тонкая вуаль чужеродного восприятия, накинутая жонглерами; оставалось только человеческое мышление. Это было именно то, чего они боялись с самого начала. И молились, чтобы такого не произошло.

Они тут же известили о случившемся научную станцию и провели несколько психологических тестов. Увы, положение оказалось критическим, результаты трансформации сходили на нет. Через несколько минут компонент мышления затворников уйдет из мозга Лефевр, и она уже не сможет защищаться от кобр, мимо которых идет. Она забудет свою музыку.

И хотя надежда еще не оставила их, они уже готовились к возможной катастрофе. Лефевр ушла в другой конец модуля, заперлась и активировала пиропатроны, тем самым отделившись от той части корабля, в которой находился Силвест. К этому моменту ее сознание стало полностью человеческим. Посредством канала аудиовизуальной связи, который только и соединял теперь разошедшиеся части корабля, она информировала Силвеста о своих ощущениях. О том, как нарастает мощь гравитации, как сжимает и скручивает ее тело самым жутким, самым невообразимым образом.

Двигатели должны были унести ее модуль прочь от обезумевшего пространства-времени, но завеса была слишком огромна, а модуль ничтожно мал. За несколько мгновений гравитация смяла его тонкий корпус, хотя Лефевр все еще продолжала существовать в крошечном и стремительно сужающемся пространстве, съежившись в охваченный ужасом комочек. Только когда модуль лопнул, Силвест потерял с ней контакт. Воздух улетучился стремительно, но декомпрессия не сразу прекратила нечеловеческие вопли Лефевр.

Она погибла, и Силвест это знал. Но его трансформированный мозг работал исправно, не давая змеям восстать на своего укротителя. В полнейшем одиночестве, какого не знал ни один человек в истории, Силвест продолжал идти на шторм завесы.

Через какое-то время он очнулся в мертвой тишине своего модуля. Еще не придя окончательно в чувство, попытался связаться с научной станцией, которая была обязана ждать его возвращения. Но ответа не дождался. И станция, и субсветовик были разрушены. Могучий гравитационный спазм, стороной обойдя Силвеста, раздавил их, как чуть раньше распо-

рол модуль Лефевр. И экипаж корабля, включая ультра, и научный персонал станции, – все погибли. Остался один Силвест.

Для чего? Только для того, чтобы принять медленную и тоскливую смерть?

Силвест подвел свой модуль к развалинам станции и субсветовика. В этот момент его сознание было свободно от мыслительных процентов затворников. Думать надо было о собственном спасении.

Работая в одиночку, с трудом выживая в изувеченном корабельном чреве, Силвест неделю за неделей изучал конструкцию субсветовика, чтобы привести в действие его ремонтные системы. Гравитационный спазм завесы превратил в пар и пыль тысячи тонн массы корабля, но теперь ему предстояло нести в себе лишь одного человека. Когда процесс ремонта наконец начался, Силвест получил возможность выспаться. Он все еще не смел поверить, что спасен.

В этих снах Силвест постепенно осознал потрясающую истину. Между моментом гибели Карины Лефевр и моментом его прихода в сознание произошло событие исключительной важности.

Кто-то дотянулся до его мозга, вступил с ним в контакт. Однако переданное Силвесту послание было столь чужеродно, что он не мог выразить его в человеческих понятиях.

Он вступил в Пространство Космического Откровения.

Глава пятая

«Новая Бразилия», Йеллоустон, Эпсилон Эридана, год 2546-й

– Я в баре, – проговорила Вольева в свой браслет, остановившись у дверей «Жонглера и затворника».

Она уже жалела, что выбрала его для встречи. Это заведение она презирала, как презирала и его завсегдатаев. Но когда договаривалась о встрече с новым кандидатом, ей в голову не пришло ничего другого.

– А что, кандидат уже там? – раздался голос Садзаки.

– Нет. Разве что у нее бессонница. Если она явится вовремя и встреча даст желаемый результат, то мы уйдем отсюда через час.

– Буду готов.

Расправив плечи, Вольева вошла в бар, мгновенно составив психологические портреты всех присутствующих. Воздух был насыщен приторным запахом розовых духов. Девчонка, игравшая на тиконаксе, повторяла все те же нервные движения. Текущие тревожащие звуки, зарождавшиеся в коре ее головного мозга, подхватывались инструментом и модулировались легкими прикосновениями пальцев к разноцветным клавишам. Казалось, эта музыка с трудом взбирается по ступенькам высокой лестницы, а потом низвергается вниз, разбиваясь на мелкие осколки терзающих нервы атональных пассажей. Иногда чудилось, будто львиный прайд царапает когтями листы ржавой кровельной жести. Вольева знала: чтобы по достоинству оценить подобную музыку, необходимо иметь в мозгу целый набор специальных имплантатов.

Она нашла пустой стул у стойки бара и заказала стопку водки. В кармане лежал шприц: один укол – и она будет абсолютно трезва, когда это потребуется.

Вольева уже приготовилась к тому, что вечер будет долгим и волонтер может вообще не прийти. Обычно она злилась в таких случаях, но сейчас, к ее удивлению, не испытывала даже легкого раздражения, оставаясь спокойной и внимательной. Возможно, оттого, что атмосфера в баре была перенасыщена психотропными веществами, Вольева чувствовала себя хорошо. В последние месяцы ей, как и всей команде, пришлось трудиться не покладая рук, готовясь к перелету на Ресурге.

Все же приятно иногда оказаться среди людей, даже таких, как посетители этого бара. Уходили минуты, а она с интересом всматривалась в оживленные лица, рассеянно внимала разговорам, не улавливая слов, но воображая, о чем рассказывают друг другу эти путешественники.

Одна девушка затягивалась дымом из кальяна, а потом выпускала длинные струи, похожие на выброс из дюз реактивного самолета. Она явно ждала, когда ее собеседник доберется до самого пикантного места своей не слишком приличной истории, чтобы расхохотаться на весь бар. Мужчина с вытатуированным на лысине драконом шумно хвастался, как прошел через атмосферу газового гиганта: автопилот вырубился, но измененный жонглерами разум запросто решал сложнейшие уравнения и лавировал среди атмосферных потоков. Еще одна компания ультранавтов – сущие призраки в бледно-сиреновом освещении кабинки – азартно играла в карты. Один мужчина должен был оплатить свой проигрыш прядью волос. Приятели крепко держали его, а победитель резал косичку карманным ножом.

Интересно, а как выглядит Хоури?

Вольева вынула из кармана карточку и, пряча в ладони, еще раз взглянула. «Ана Хоури», – было написано там, плюс скудные биографические данные. Никаких примет, позво-

ляющих узнать эту женщину среди посетителей любого нормального бара. Да и в этом, ненормальном, она бы не выделялась. «Разве что самую малость, – подумала Илия. – Не больше чем я сама».

На самом деле у Вольевой не было причин для мысленного брюзжания. Хоури казалась самым подходящим кандидатом на вакантное место. Недавно Илия проникла со взломом в немногочисленные банки информации, сохранившиеся в Йеллоустоне после эпидемии, и получила сравнительно короткий список людей, которые казались подходящими. Хоури там фигурировала как бывший солдат с Окраины Неба. Правда, отсутствовала всякая возможность покопаться в ее биографии, поэтому Вольева переключилась на других кандидатов. Но никто из них по разным причинам не годился в команду, а попытки найти новых тоже не дали желаемого результата. Садзаки не раз предлагал просто выкрасть кого-нибудь, как будто заведомо ложные обещания при вербовке чем-то лучше похищения человека. Да и где гарантия, что Илия потом сработается с похищенным?

И вдруг на них как гром с ясного неба свалилась Хоури. До нее дошел слух, что Вольева подыскивает члена экипажа. Она готова покинуть Йеллоустон. Хоури не упомянула о своем военном опыте, но Илия о нем знала. Скорее всего, кандидатка просто осторожничает. Странно только, что она не предложила свои услуги раньше – до того, как Садзаки, в соответствии с правилами, объявил об изменении маршрута.

– Капитан Вольева? Это вы, я не ошиблась?

Хоури была невысокой, гибкой и скромно одетой. В ее облике не угадывалась принадлежность к какой-нибудь определенной группе ультра. Черные волосы, будучи всего лишь на дюйм длиннее волос самой Вольевой, не могли бы скрыть разъемных соединений и портов для передачи данных. Конечно, полной гарантии, что ее черепная коробка свободна от жужжащих машинок, нет, но то, чего побаивается Вольева, там наверняка отсутствует. В лице угадывается нейтральное сочетание нескольких генетических типов, наиболее распространенных на Окраине Неба – в родном мире Хоури. Черты гармоничные, но ничего поражающего воображение. Рот небольшой, прямой, не слишком выразительный, но эта простота контрастирует с глазами – такими черными, что кажутся почти бесцветными, и в то же время полными обезоруживающего понимания. Вольевой даже подумалось, что сплетенную ею паутину лжи Хоури уже различила.

– А вы, должно быть, Ана Хоури. – Илия говорила очень тихо, так, чтобы собеседница ее слышала хорошо, но никто из других потенциальных искателей работы не уловил ни слова. – Насколько мне известно, вы обращались к нашему торговому представителю насчет получения должности на борту.

– Я только что прибыла на «карусель». Решила сначала поговорить с вами, а уж потом ходить по объявлениям.

Вольева понюхала водку.

– Не обижайтесь, но это странный метод.

– Почему? Иногда экипажи получают столько предложений, что практически не вступают в прямые переговоры. – Ана отпила глоток воды. – А я предпочитаю иметь дело с живыми людьми. Мне хочется попасть в нестандартную команду.

– О! – воскликнула Вольева. – Поверьте на слово – команда у нас весьма нестандартная.

– Но ведь вы торговцы?

Вольева с энтузиазмом закивала:

– И мы почти закончили свои торговые операции в системе Йеллоустона. Должна признаться, не слишком удачные. Экономика в упадке. Вернемся сюда лет через сто-двести, посмотрим, не пойдут ли дела получше. А будь моя воля, так я бы раз и навсегда убралась из этого убожества.

– Правильно ли я поняла: если захочу к вам попасть, мне следует поторопиться с решением?

– Конечно, но сначала вопрос о найме должны решить мы.

Хоури внимательно поглядела ей в глаза:

– Есть и другие кандидатуры?

– Я не имею права обсуждать с вами такие вопросы.

– Наверняка есть. Все-таки Окраина Неба... Уйма людей, должно быть, стремится туда. И они даже готовы отрабатывать свой проезд...

Окраина Неба? Вольева постаралась ничем не выдать своего изумления. Значит, Хоури думает, что корабль идет к Окраине Неба, а вовсе не к Ресургему! И это единственная причина, по которой она пришла на встречу! Но ведь Садзакки объявил о смене курса – почему она не знает об этом?

– Не самая безопасная планета, но есть и похуже, – сказала Вольева.

– Что ж, пожалуй, я не прочь занять местечко где-нибудь в начале вашей очереди. – Между ними вклинился пластмассовый поднос, подрагивающий под тяжестью выпивки и наркотиков. – Что за должность вы предлагаете?

– Было бы проще, если бы я все рассказала на борту. Сумочка с зубной щеткой у вас при себе?

– Разумеется, при себе. Я ведь очень рассчитываю на это местечко.

Вольева улыбнулась:

– Приятно слышать.

Кювье, Ресургем, год 2563-й

Кэлвин Силвест восседал в своем роскошном кресле возле стены тюремной камеры.

– Хочу рассказать кое-что интересное, – произнес он, поглаживая бороду. – Вот только не уверен, что тебе это понравится.

– Тогда поторопись, а то скоро придет Паскаль.

Насмешливое выражение, никогда не покидавшее лицо Кэлвина, стало еще более явным.

– А я как раз ее и имею в виду. Она ведь тебе нравится, признайся.

– Не твое дело, нравится она мне или нет.

Силвест вздохнул – он так и знал, что будут неприятности. Работа над биографией близилась к завершению, и он участвовал в этом самым активным образом. При всей формальной правильности изложения событий, при всем обилии тонких суждений, дающих возможность толковать их по-разному, получалось именно то, чего желал Жирардо, – весьма хитроумное и эффективное пропагандистское оружие. Будучи пропущенным через биографический фильтр, любой аспект деятельности Силвеста становился губителен для его моральной характеристики. Неизбежно складывалось негативное впечатление о его личности: себялюбец и узкомыслящий тиран. Человек с могучим интеллектом, но совершенно бессердечный, воспринимающий других людей исключительно как роботов, которых можно и нужно использовать в его собственных целях. Да, Паскаль не откажешь ни в уме, ни в таланте. Если бы Силвест не знал всех фактов своей жизни, он бы без всякой критики принял такую трактовку собственного прошлого. На тексте рукописи лежала печать истины.

Тяжело с этим согласиться, но еще хуже то, что этот убийственный портрет нарисовался благодаря показаниям людей, которые хорошо знали Силвеста. И главным среди них – признать это особенно больно – был Кэлвин. Силвест очень неохотно разрешил Паскалю общаться с бета-записью отца. Сделал он это под давлением, но и цену, как тогда думал, затребовал высокую.

– Я хочу, чтобы обелиск был найден и раскопан, – сказал Силвест. – Жирардо обещал дать мне допуск к полевым материалам, если помогу ему уничтожить свою собственную репутацию. Я честно выполнил свою часть сделки. Как насчет обязательств правительства?

– Это будет трудно... – начала было Паскаль.

– Не будет. И вряд ли обременит фонды вашей партии.

– Я поговорю с Жирардо, – сказала она без особой уверенности, – но с условием, что ты позволишь общаться с Кэлвином каждый раз, когда мне это понадобится.

Это была самая отвратительная из его уступок. Но цена – весь обелиск, а не та ничтожная часть, которая была откопана до переворота, – казалась недурной.

Его удивило, что Нильс Жирардо сдержал слово. Четыре месяца потребовалось на то, чтобы найти место раскопок и добыть обелиск. Без проблем не обошлось, но к этому Силвест был готов. Хорошо, что обелиск удалось откопать в целости и сохранности. Теперь его голографическое изображение можно было воспроизвести в камере Силвеста, увеличив любую деталь до требуемого размера.

Текст, выбитый в камне, представлял собой почти неразгадываемую головоломку. Сложная схема планетной системы до сих пор дразнила Силвеста своей раздражающей точностью. Чуть ниже ее находилось еще одно изображение, ранее скрытое грунтом, – похожая схема, но в гораздо более мелком масштабе, так что вся система превратилась в гало вокруг чего-то вроде кометы. Дельта Павлина представляла собой двойную звезду – два небесных тела, разделенные десятью световыми часами. Амарантийцы, видимо, о том знали: на второй схеме была тщательно изображена орбита и этой второй звезды.

Силвест задумался, почему он никогда не видел этой второй звезды по ночам: она хоть и тусклая, но все равно должна быть ярче прочих звезд, видимых с Ресургема. И тут же вспомнил, что она вообще не светит. Это нейтронная звезда – огарок, который когда-нибудь снова вспыхнет жарким голубым пламенем. А пока она так темна, что о ней не знали вплоть до первых космических полетов. Но на схеме орбита этой невидимой звезды отмечена, и ее сопровождает рой непостижимых иероглифов.

Еще хуже то, что вниз по обелиску сползают все новые и новые чертежи. Вполне вероятно, что они изображают какие-то другие планетные системы, хотя вряд ли кто-нибудь сможет это доказать. Как могли амарантийцы добыть эти сведения – о других планетах Дельты Павлина, о нейтронной звезде, – если у них не было межзвездных кораблей?

Вполне возможно, что самым важным является вопрос о возрасте обелиска. Анализ пластов, под которыми он погребен, дает примерно девятьсот девяносто тысяч лет. Видимо, захоронение имело место примерно за тысячу лет до События. Но для обоснования своих догадок Силвесту требуются гораздо более точные расчеты.

Во время последнего визита Паскаль он просил сделать ЗЭ-анализ обелиска. Можно надеяться, что она принесет результаты уже сегодня.

– Паскаль была мне полезна, – сказал он Кэлвину, который ответил на это насмешливым взглядом. – Не рассчитываю, что ты меня поймешь.

– Может, и не пойму. Но зато могу рассказать о том, что узнал.

Оттягивать не имело смысла.

– Ну и?..

– Ее фамилия вовсе не Дюбуа. – Кэлвин ухмыльнулся, наслаждаясь разговором. – Ее фамилия Жирардо. Она его дочь. А тебя, милый мальчик, они ловко поимели.

Вольева и Хоури вышли из «Жонглера и затворника» в ту пропахшую потом темноту, которую на «карусели» пытались выдать за ночь. Обезьянки-капуцины висели на ветках деревьев, обрамляющих торговую площадь, – эти прохвосты всегда готовы были пошарить в карманах прохожих. Где-то за круто искривленным горизонтом рокотали бурундийские барабаны.

Неоновые молнии по-змеиному извивались в пышных искусственных облаках, свисавших с рельсов, проложенных по «небу». Хоури говорили, что иногда из них даже идет дождик, но ей еще не удалось попасть на это метеорологическое пиршество.

– Наш шаттл поджидает у «ступицы», – сказала Вольева. – Надо только сесть в радиальный лифт и пройти таможенный досмотр для убывающих.

Кабина радиального лифта противно лязгала, не отапливалась, воняла мочой и была пуста, если не считать комусо в плетеном шлеме, который брезгливо уселся на самом краешке скамейки, держа сякухати между коленями. Именно его присутствие, решила Хоури, остановило других пассажиров. Они предпочли дождаться следующей кабины, которые часто снуют между «ободом» и «ступицей».

Мадемуазель стояла рядом с комусо: руки сложены за спиной, вечернее платье цвета электрик касается пола, черные волосы собраны в скромный пучок.

– Расслабься, – сказала она. – Иначе Вольева заметит, что ты скрытничаешь.

– Убирайся!

Вольева поглядела на Хоури:

– Вы что-то сказали?

– Сказала, что тут холодно.

Как ей показалось, Вольевой потребовалось слишком много времени, чтобы проглотить эту ложь.

– Не надо говорить вслух, – отозвалась Мадемуазель. – И шептать не надо. Просто представь себе то, что хочешь передать мне. Имплантат ловит импульсы, создаваемые голосовыми связками. Попробуй-ка.

– Пошла вон, – сказала, вернее, подумала Хоури. – Убирайся ко всем чертям из моей головы! В нашем контракте этого нет!

– Моя дорогая, – возмутилась Мадемуазель, – у нас и контракта никакого нет! А есть у нас... как сказать?... Джентльменское соглашение?

Она взглянула в лицо Хоури, ожидая реакции. Та смотрела в ответ с откровенной ненавистью.

– Ладно-ладно, – сказала Мадемуазель. – До скорой встречи.

И исчезла.

– Жду не дождусь, – проворчала Хоури.

– Извините? – спросила Вольева.

– Жду не дождусь, когда смогу выйти из этого свинарника.

Вскоре они добрались до «ступицы», прошли таможенный досмотр и сели в шаттл – корабль, предназначенный для полетов в безвоздушном пространстве. Он состоял из сферы с четырьмя ракетными двигателями, направленными под разными углами, и имел название «Печаль расставания» – ультра любят давать своим кораблям ироничные имена. Внутри шаттл чем-то напоминал рифленый желудок кита.

Вольева провела Хоури через несколько дверей и узких кишкообразных коридоров, где пришлось двигаться почти ползком; наконец они оказались в рубке. Здесь стояли похожие на ведра сиденья, а также имелась консоль, экраны которой показывали всевозможные полетные данные.

Илиа покрутила один из верньеров, и из консоли выдвинулся лоток со старинной клавиатурой. Пальцы Вольевой забегали по клавишам, вызывая изменения в колонках цифр на экранах.

Хоури с некоторым удивлением обнаружила, что у этой женщины нет вживленных датчиков и что ее пальцы – главное средство передачи и получения информации.

– Пристегнитесь, – обратилась к ней Вольева. – Вокруг Йеллоустона крутится столько всякой дряни, что мне наверняка придется несколько раз резко тормозить и разгоняться.

Хоури подчинилась. Несмотря на некоторые неудобства, связанные с ремнями безопасности, это была первая возможность как следует отдохнуть за несколько дней. С тех пор как ее разбудили, произошло многое, и все делалось в лихорадочной спешке. Пока она спала в Городе Бездны, Мадемуазель выжидала, не появится ли корабль, который идет на Ресургем. Учитывая, что Ресургем – не бог весть какой важный узел в непрерывно расширяющейся сети межзвездной торговли, ждать пришлось долго. С субсветовиками всегда трудно иметь дело: ни один человек, какой бы шишкой он ни был, не может иметь такое судно в единоличной собственности, разве что оно находится в руках его семейства уже несколько столетий. Сочленители субсветовиков больше не строят, а люди, владеющие кораблями этого класса, продавать их не спешат.

Хоури знала, что Мадемуазель свой поиск вела очень активно. И Вольева тоже. По словам Мадемуазели, она проникла в йеллоустонские банки информации и запустила программу, которую называла «Ищейкой».

Рядовые пользователи и даже простые компьютеризированные системы мониторинга не могли обнаружить тонкую работу носа «Ищейки». Но Мадемуазель не была ни рядовым пользователем, ни системой мониторинга. Она почувствовала программу, как конькобежец, скользящий по тонкому льду, чувствует пузырьки воздуха под хрупкой гладью, отделяющей его от холодной темной воды.

И то, что сделала Мадемуазель затем, тоже свидетельствовало о ее недюжинном уме. Она виртуальным свистом поманила «Ищейку», а когда та прискакала, сломать ей шею уже ничего не стоило. Но сначала Мадемуазель распорол «Ищейке» брюхо и выяснила намерения Вольевой. Оказывается, программе поручили добыть секретную информацию о людях, имеющих специальный опыт. Такой запрос могла сделать группа ультра, у которой появилось вакантное место в экипаже. Но была тут еще одна странность, которая возбудила любопытство Мадемуазели.

Почему они ищут того, кто раньше служил в армии?

Может быть, это любители строгой дисциплины? Например, профессиональные торговцы, оперирующие на уровне, где прибыль невероятно высока? Или безжалостные эксперты, использующие весьма сомнительные средства для получения знаний? Такие не погнушаются побывать на захолустном Ресургеме, если видят перспективу получить гигантскую прибыль, скажем, лет через сто. Возможно, их организация строится по военному образцу, а не на квазианархических принципах, как у большинства торговцев. Поэтому они и ищут следы военного опыта в биографии своих кандидатов. Знают: такой человек, скорее всего, хорошо впишется в их команду.

Да, вероятно, дело обстоит именно так.

Что ж, пока все идет хорошо, даже если учесть ту странность, что Вольева не поправила Хоури, когда та выдала свою неосведомленность насчет конечного пункта полета. На самом деле Хоури прекрасно знает, что корабль направляется к Ресургему, – но ни к чему наводить Вольеву на мысль, что кандидатка стремится туда попасть. Конечно, у Хоури запасено нескольких легенд на случай, если придется объяснять ее желание посетить эту безвестную колонию. Она уже готовилась врать, но Вольева ничего не сказала об изменении маршрута. Почему-то ей нужно, чтобы Хоури считала, будто корабль идет к Окраине Неба.

Возможно, это объяснялось тем, что им был совершенно необходим новый член команды, причем соответствующий определенным критериям. Это, конечно, бросает некоторую тень на их деятельность, зато избавляет Хоури от необходимости использовать легенду. Нечего волноваться, решила она. Ее путь и раньше никогда не был устлан розами. И не для легкой жизни, пока она спала, ей поместила в голову имплантат Мадемуазель.

Этот крошечный прибор не должен был вызвать подозрений у ультра, поскольку и по виду, и по основному предназначению представлял собой стандартный энтоптический проек-

тор. Если они проявят крайнюю подозрительность и извлекут его, все его подозрительные элементы или расплавятся, или перекомпонуются так, что составят нечто совсем другое. Хоури возражала против вживления устройства в ее мозг вовсе не потому, что опасалась разоблачения, а потому, что перспектива присутствия Мадемуазели в ее голове ей нисколько не нравилась. Пусть это всего лишь симулякр на бета-уровне, модель личности, существующая в зрительном поле Хоури и нашептывающая в ее слуховой центр.

Никто больше ни видеть, ни слышать этого призрака не мог, общаться с Мадемуазелью должна была только Хоури. Причем молча.

– Скажем так: я должна быть в курсе твоих дел, – объяснила тогда Мадемуазель. – Ты же солдат, а значит должна понимать.

– Да я понимаю прекрасно, – обреченным тоном сказала Хоури в ответ, – но меня уже тошнит. Конечно, я не надеюсь, что ты убережешь эту дрянь из моей головы, просто чтобы сделать мне приятное.

Мадемуазель улыбнулась:

– Нагружать тебя полным запасом знаний было бы слишком рискованно. Ты можешь случайно проговориться при ультра.

– Постой! – крикнула Хоури. – Я уже знаю, чего ты хочешь: чтобы я убила Силвеста. Разве я могу узнать нечто еще более важное?

Мадемуазель снова улыбнулась. Ее манеры доводили Хоури до белого каления. Как и все бета-копии, Мадемуазель обладала слишком маленьким набором мимических жестов, так что неизбежные повторения быстро надоедали.

– Боюсь, – сказала она, – что сейчас ты знаешь даже не часть этой истории. Так, крохотный осколочек.

Когда прибыла Паскаль, Силвест внимательно поглядел ей в лицо, ища сходства с Жирардо, каким его запомнил. И, как всегда, рассердился на свои глаза. Они плохо различали кривые линии, а потому человеческие лица казались ему состоящими из множества граней.

Услышанное от Кэлвина нельзя было отвергнуть как явную ложь. Правда, волосы у Паскаль были черными как смоль и прямыми, а у Жирардо – рыжими и курчавыми. А вот в строении черепа имелось сходство, которое нельзя было отнести на счет случайного совпадения. Если бы не Кэлвин, то сам Силвест нипочем бы не догадался. Но теперь, когда мысль высказана, она сама нашла себе подтверждение.

– Почему ты мне лгала? – спросил он.

Она казалась искренне удивленной.

– О чем?

– Обо всем. Начнем с твоего отца.

– Моего отца? – Она как будто успокоилась. – Ах, так ты знаешь...

Он кивнул, угрюмо сжав губы. Потом сказал:

– Когда ты начинала работать с Кэлвином, надо было отдавать себе отчет, что он далеко не глуп.

– Должно быть, подключился к моему портативному компьютеру, добрался до личных файлов. Вот подонок!

– Теперь ты понимаешь мои сыновние чувства. Зачем тебе все это понадобилось, Паскаль?

– Начнем с того, что у меня не было выбора. Я хотела тебя изучить, но разве смогла бы подступить к тебе иначе как под чужим именем? Сменить имя было нетрудно, так как о моем существовании знает очень мало людей, а о моей внешности еще меньше. – Помолчав, она добавила: – Это правда. Я тебя не предавала.

– Хочешь сказать, Нильс никогда не получал от тебя информацию, которая требовалась для реализации его замысла?

Его слова Паскаль восприняла болезненно.

– Тебя же предупредили о перевороте, помнишь? Если я ко го и предала, так это отца.

Он поискал аргументы в пользу того, что Паскаль лжет, не зная, хочет ли, чтобы такие аргументы нашлись.

– А биография?

– Это была идея отца.

– Орудие моей дискредитации?

– В биографии нет ни единого слова лжи, если допустить, что ты ее не внес туда сам. – Паскаль снова помолчала. – Она фактически готова к печати. Кэлвин очень помог. Это будет первая бесспорно талантливая работа, созданная на Ресурге. Ты понимаешь? Со времен амарантийцев, разумеется.

– Да, это произведение искусства. Ты издашь ее под своей настоящей фамилией?

– Так было решено с самого начала. Я, конечно, надеялась, что ты не узнаешь, пока книга не выйдет.

– Об этом не стоит беспокоиться. Ничто не угрожает нашим отношениям. Ведь я всегда знал, что истинным автором является твой отец.

– Тебе так будет легче? Если спишешь меня как ничтожество?

– Ты принесла обещанные результаты ЗЕ-анализа?

– Да. – Она подала карту памяти. – Я не нарушаю свои обещания, доктор Силвест. Но боюсь, то слабое уважение, которое питаю к тебе, может полностью улетучиться.

Столбики цифр бежали перед глазами по карточке, которую Силвест держал двумя пальцами. Часть его мозга обрабатывала эти цифры, пока он говорил с Паскаль.

– Твой отец, торгуясь со мной из-за биографии, сказал, что ее автор, женщина, находится в состоянии, когда ее последние иллюзии готовы рухнуть.

Паскаль резко встала:

– Полагаю, нам лучше обсудить это в другой раз.

– Подожди. – Силвест схватил ее за руку. – Не сердись. Мне надо поговорить с тобой об этом, понимаешь?

Она вздрогнула, потом медленно расслабилась, но выражение лица осталось настороженным.

– О чем?

– Об этом. – Силвест щелкнул ногтем по карте. – Это очень интересно.

Шаттл Вольевой приближался к корабельному доку. Тот находился в точке Лагранжа между Йеллоустоном и его естественным спутником, называвшимся Глазом Марко. В доке стояло с дюжину субсветовиков – Хоури столько не видела за всю жизнь. В «ступице» находились самые крупные корабли, а каботажная мелочь жалась к «ободу», так поросята льнут к сосцам матки. Несколько звездолетов стояли в ажурных конструкциях – ячейках для осмотра и ремонта ледяных оболочек и двигателей, изобретенных сочленителями. Были здесь и суда постройки самих сочленителей – гладкие и черные, будто вырезанные из куска космоса. Большинство же кораблей медленно витали вокруг точки Лагранжа.

Хоури догадывалась, что тут существуют строгие и сложные правила, чтобы избежать столкновений; компьютеры рассчитывали движение каждого корабля на несколько дней вперед. Цена топлива, которое будет истрачено на его отвод с места вероятной аварии, невысока в сравнении с доходами от торговли, а вот потерю лица возместить очень трудно. Такого скопления кораблей у Окраины Неба никогда не бывало, но даже там ходили слухи о схватках между командами из-за дефицитных парковочных мест или из-за нарушения каких-то обычаев тор-

говцев. Многие ошибочно считали ультра однородной субкультурой. На самом деле они так же делились на фракции, ненавидящие друг друга, как любая другая человеческая раса.

Шаттл подходил к кораблю Вольевой.

Как и все субсветовики, он отличался невероятной обтекаемостью корпуса. Ведь космос близок к абсолютному вакууму только с точки зрения объекта, движущегося на малых скоростях. А движение со скоростью, близкой к световой, сродни прорыву через бескрайнюю атмосферную бурю. Вот почему субсветовики были похожи на клинки – узкие, заостренные на конце; пара двигателей работы сочленителей на лонжеронах придавала корме сходство с изящной рукоятью. Одетые в ледяной панцирь, корабли слепили бриллиантовым блеском.

Шаттл на тихом ходу обошел корабль Вольевой. Это все равно что лететь над городом – настолько он был огромен. В корпусе открылись лепестковые ворота ярко освещенного ангара. Подчиняясь легким прикосновениям женских пальцев к клавиатуре, шаттл вошел туда, и Хоури услышала глухие щелчки соединений – кораблик закреплялся в своем гнезде.

Вольева первой освободилась от ремней безопасности.

– Пройдем на борт? – спросила она, но в голосе не было той вежливости, которую ожидала Хоури.

Выплыв из шаттла при нулевой гравитации, они оказались в одном из самых больших помещений корабля. В конце коридора, выходящего из ангара, Хоури увидела странное сооружение из многих неподвижных и вращающихся деталей.

Ее уже подташнивало, но она решила, что нипочем не даст Вольевой это заметить.

– Прежде чем мы двинемся дальше, – сказала ультра, – хочу познакомить вас с одним человеком.

Она бросила взгляд за плечо Хоури – в коридор, ведущий к ангару. Оттуда доносились шорохи, будто кто-то лез, хватаясь за тянущуюся по стене скобяную лестницу. Это значило, что на борту шаттла прилетел еще кто-то.

Что-то тут не так.

Вольева явно не старалась произвести благоприятное впечатление на будущего товарища по команде. Похоже, ей безразлично, что может подумать Хоури о ней, как будто вся эта история с наймом больше не имеет ни малейшего значения.

Хоури оглянулась и увидела комусо, который сидел с ними в лифте. Его лицо пряталось под традиционным плетеным шлемом, свою сякухати он держал под мышкой.

Хоури что-то хотела сказать, но Вольева прервала:

– Приветствую вас на борту «Ностальгии по бесконечности», Ана Хоури. Вы только что стали нашим стажером-артиллеристом. – Она кивнула комусо. – Сделайте мне одолжение, три-умвир.

– Какое?

– Отправьте ее в нокаут, пока она не попыталась кого-нибудь убить.

Последнее, что увидела Хоури, был золотой блеск взлетевшего бамбука.

Силвесту показалось, что он ощутил запах духов Паскаль еще до того, как заметил ее в толпе, собравшейся на улице у тюрьмы. Он инстинктивно сделал к ней шаг, но два здоровенных охранника, сопровождавших его от дверей камеры, пресекли эту попытку. Толпившиеся встретили его появление свистом и бранью, но он никак на это не отреагировал.

Паскаль дипломатично поцеловала его, заслоняя свои и его губы рукой в шелковой перчатке.

– Опережу твой вопрос, – шепнула она, и эти слова были еле слышны в злобном шуме толпы. – О том, что происходит, я имею такое же представление, как и ты сам.

– Значит, это дело рук Нильса?

– А чьих же? Только он имеет право забрать тебя из тюрьмы больше чем на день.

– Жаль, что у него нет желания запретить мне возвращение в тюрьму.

– Он мог бы... если бы не был обязан одновременно угождать своим сторонникам и оппозиции. Знаешь, ты уже давно заблуждаешься, считая его своим главным врагом.

Они вошли в стерильную тишину ожидавшей их машины – переделанного экспедиционного багги: обтекаемый корпус, четыре огромных надувных колеса, на крыше шаровидная башенка со средствами связи. Машину покрасили в алый цвет – любимый цвет увлажнистов. За ветровым стеклом болтались брелоки в стиле Хокусая.

– Если бы не мой отец, – продолжала Паскаль, – ты бы погиб во время переворота. Нильс защитил тебя от твоих самых лютых врагов.

– Значит, революционер из него никудышный.

– Между прочим, этот никудышный революционер ухитрился свергнуть твою власть.

Силвест пожал плечами:

– Что ж, и то верно.

На переднем сиденье, за перегородкой из армированного стекла, расположился охранник, и машина двинулась сквозь толпу по направлению к городской окраине. Проехали древесный питомник, спустились в тоннель, выбрались по нему за периметр.

Две другие правительственные машины катили следом. Это тоже были переоборудованные багги, но их покрасили в черное, и сидели в них солдаты в масках и с автоматами. Проехав около километра по темному тоннелю, колонна задержалась у шлюза, там, где пригодный для дыхания городской воздух отделялся от атмосферы Ресургема.

Солдаты, оставаясь на местах, натянули маски для дыхания и очки с выпуклыми стеклами. Затем машины выехали на поверхность. Был серый день; дорога шла между бетонными стенами, по территории, расцвеченной красными и зелеными огнями.

На бетонной площадке уже ждал самолет, стоя на треножнике с опорной рамой. Нижняя поверхность крыльев светилась так ярко, что резала глаз. Ионизированный слой воздуха между площадкой и крыльями дрожал.

Водитель порылся в бардачке и достал маски для дыхания, протянул одну Силвесту.

– Вообще-то, в ней особой необходимости нет, – сказал он. – С тех пор как вы, доктор Силвест, в последний раз выезжали из города, содержание кислорода в воздухе повысилось на двести процентов. Некоторые уже пробуют дышать вообще без маски. Выдерживают минут десять без вреда для организма.

– Должно быть, это пресловутые диссиденты, которых Жирардо предал в ходе переворота, – предположил Силвест. – Ожидалось, что они будут вести переговоры с лидерами «Истинного пути» в Кювье. Я им не завидую. Запудрят себе легкие, как раньше запудрили мозги.

Сопровождающий никак не отреагировал на эти слова.

– В воздух выпускают энзимы – пожиратели пылевых частиц. Это старая марсианская биотехника. Еще мы повышаем влажность воздуха, и пыль слипается в тяжелые гранулы, которые уже не переносятся ветром. В общем, содержание пыли в атмосфере снижается.

– Отлично! – Силвест заплодировал. – Какая жалость, что все это делается ради такой жалкой дыры!

Он прижал маску к лицу и стал ждать, когда ему откроют дверь. Ветер был умеренный, несомые им песчинки покалывали лицо.

К самолету пришлось двигаться почти бегом.

Он показался желанным островком свободы и тишины. Пышный интерьер был отделан в государственных красных тонах. Солдаты, приехавшие на других машинах, входили через вторую дверь.

Силвест увидел Нильса Жирардо, пересекавшего асфальтовую площадку. Жирардо шагал враскачку, причем раскачка начиналась от плеч, так что он смахивал на циркуль-изме-

ритель, перемещаемый по чертежной доске. Силвест почувствовал себя так, будто с ног до головы превратился в лед. Потом руководитель государства исчез из виду, а через несколько минут ближайшее крыло окрасилось в фиолетовый цвет, окуталось нимбом из возбужденных ионов. Самолет оторвался от площадки.

Силвест протер иллюминатор и стал смотреть на тающий вдаль Кювье, или на Ресур-гем-Сити, как его называли теперь. Впервые после переворота удалось увидеть город целиком. Статуя французского натуралиста снесена. Былая простота колониальной жизни утрачена безвозвратно. Пена человеческого жилья беспорядочно выплеснулась из куполов; дома с индивидуальным воздухообменением лепятся к большим и малым крытым переходам. Кругом рассыпаны во множестве прозрачные купола-теплицы, заполненные зеленью. Есть и питомники на открытом воздухе, их геометрическая правильность действует на нервы; в ближайшем будущем они распространятся далеко за пределы города.

Облетев город, самолет взял курс на север. Внизу вилось кружево каньонов. Иногда попадались маленькие поселения – чаще под прозрачным куполом, реже под длинным строением ангарного типа. Свет крыльев самолета озарял их на миг. Но по большей части это были дикие земли: ни дорог, ни трубопроводов, ни линий электроснабжения.

Силвест иногда задремывал, а проснувшись, видел все то же: бывшие тропические пустыни, покрытые ныне льдом, импортированную растительность тундры. Потом на горизонте замаячило небольшое селение, и самолет кругами пошел на посадку. Силвест наклонился к окну, чтобы лучше видеть:

– Узнаю это место. Именно здесь мы нашли обелиск!

– Да, – отозвалась Паскаль.

Ландшафт был пересеченный, по большей части лишенный всякой растительности. Линию горизонта коверкали разрушенные арки и не менее загадочного происхождения столбы, которые тоже, казалось, были готовы рухнуть каждую ми нуту. Ровных участков почти не наблюдалось – просто глубокие расселины; местность походила на скомканную простыню. Самолет пролетел над лавовым покровом и наконец опустился на небольшую шестиугольную площадку с армированными постройками по краям.

Был еще только полдень, но содержащаяся в воздухе пыль так поглощала солнечный свет, что посадочную площадку пришлось осветить прожекторами. Из дверей одного дома выскочили несколько милиционеров, прикрывая глаза от слепящих крыльев.

Силвест взял маску, осмотрел презрительно и бросил на сиденье. Чтобы преодолеть столь короткое расстояние, ему дыхательный аппарат не нужен, а если это не так, то тем более нельзя подавать виду.

Милиционеры проводили вновь прибывших до жилья. Силвест не видел Жирардо уже много лет, старый враг показался теперь поразительно низким. Он напоминал мощный землеройный механизм, готовый пробить глубокую траншею в сплошном базальте. Жесткие как проволока, коротко постриженные рыжие волосы испятнаны сединой. Глаза большие, смотрят вопрошающе, как у щенка пекинеса.

– Странные получаются взаимоотношения, – сказал Жирардо, когда охранник закрыл за ними тяжелую дверь. – Кто бы мог подумать, Дэн, что у нас так много общего.

– Куда меньше, чем вам кажется, – ответил Силвест.

Жирардо повел его по ребристому коридору, заставленному машинами, искалеченными до неузнаваемости.

– Думаю, вы сейчас спрашиваете себя, как это понимать.

– Есть кое-какие догадки.

Хохот Жирардо прозвучал в коридоре как гром, эхом отлетая от металлических машин.

– Помните обелиск, что раскопали в этих местах? Конечно помните, ведь это, кажется, вы нашли его и вы же первым указали на феноменальные результаты датирования методом «захваченный электрон».

– Что-то такое припоминаю, – ядовито ответил Силвест.

Метод дал потрясающие результаты. Ни одна естественная кристаллическая структура не имеет идеальной кристаллической решетки. Всегда есть дефекты. В некоторых узлах отсутствуют атомы, и эти дыры заполняются электронами, выбитыми из других узлов решетки космическими лучами или естественной радиацией горных пород. Поскольку дыры заполняются с относительно постоянной скоростью, то по числу захваченных электронов можно определять возраст предметов неорганического происхождения. Тут есть, конечно, одна трудность: метод может применяться лишь в том случае, если известно, что ловушки в какой-то момент прошлого были пусты. Нагревания или даже сильного освещения достаточно, чтобы освободить узлы верхнего слоя кристаллической поверхности. Анализ обелиска показал, что все поверхностные ловушки были освобождены в одно и то же время и произошло это девятьсот девяносто тысяч лет назад. Только причина, равная по масштабам Событию, могла очистить ловушки такого крупного объекта, как Обелиск.

Вообще-то, ничего особенно нового в этом не было. Тысячи амарантийских артефактов удалось датировать временем после События. Но ни один из них не был погребен умышленно. Обелиск же поместили в каменный саркофаг, причем после того, как его ловушки были очищены.

После События.

Даже при новом режиме это открытие не могло не привлечь внимания к обелиску. Что в свою очередь стимулировало интерес к надписи, выбитой на нем. Интерпретация ее, сделанная Силвестом, носила в лучшем случае приближенный характер, но теперь ему на помощь пришли остатки содружества ученых.

Снова в Кювье повеял ветер свободы. Режим снял ряд запретов, наложенных на исследования культуры амарантийцев, не обращая внимания на то, что оппозиционный «Истинный путь» стал еще более фанатичным. Странные взаимоотношения, как сказал Жирардо.

– Едва начав догадываться о том, какое послание несет обелиск, – между тем говорил Жирардо, – мы разбили всю эту территорию на участки и принялись копать на глубину шестьдесят-семьдесят метров. Так удалось обнаружить десятки других обелисков, причем все они были тщательно очищены перед погребением. Надписи на всех примерно одинаковы. Мы пришли к выводу, что это не изложение событий, произошедших здесь когда-то, а описания того, что именно погребено.

– Должно быть, что-то очень большое, – сказал Силвест. – И амарантийцы планировали с этим делом управиться до События. Возможно, самое главное похоронили до События, а опознавательные знаки – обелиски – поставили после. Финальный культурный акт общества, обреченного на уничтожение. И насколько же велик этот объект, Жирардо?

– Невероятно велик.

И Жирардо принялся рассказывать, как этот район сначала изучили с помощью сейсмодатчиков, генерирующих волны Рэлея, которые проникают глубоко в грунт. Эти волны дают возможность определять положение объектов, имеющих отличную от грунта плотность и погребенных на значительных глубинах. По словам Жирардо, пришлось применить самые мощные вибраторы, а это означало, что искомый объект находился на глубине в сотни метров, то есть на пределе мощности этих приборов. Потом из Кювье были доставлены самые чувствительные рисующие гравитометры. Только тогда удалось составить общее впечатление о том, что же здесь нашли.

– Да уж, маленьким это не назовешь!

– Раскопки как-то связаны с программой увлажнения?

– Полностью независимы. Другими словами, чистая наука. Это вас удивляет? Я же обещал, что мы не прекратим изучать амарантийцев. Может, если бы вы все эти годы верили мне, мы бы сейчас бок о бок боролись против «Истинного пути» – вашего настоящего врага.

Силвест ответил:

– Вы не проявляли к амарантийцам ни малейшего интереса до того, как был открыт обелиск. А он вас напугал, признайтесь. Потому что это неоспоримое свидетельство. Не из тех, которые я мог бы подделать. И вам пришлось допустить, что я с самого начала был прав.

Они вошли в лифт с плюшевыми сиденьями и акварелями на стенках. С лязгом закрылась стальная дверь. Один из адъютантов Жирардо открыл панель и нажал кнопку. Пол под ногами будто провалился. Постепенно тела стали привыкать к быстрому спуску.

– Это глубоко? – спросил Силвест.

– Не очень, – ответил Жирардо. – Всего пара километров.

Когда Хоури очнулась, корабль уже покинул орбиту Йеллоустона. Она увидела планету в иллюминатор, и та была куда меньше, чем раньше. А Город Бездны вообще смотрелся как пятнышко на поверхности. Что касается Ржавого Пояса, то он был похож на бурое дымовое колечко, слишком далекое, чтобы можно было разобрать составляющие его объекты. Теперь перед кораблем нет никаких преград – он будет разгоняться с ускорением, равным одному g , пока не покинет систему Эпсилона Эридана, и будет наращивать скорость, пока она не станет лишь на йоту меньше скорости света. Не случайно такие корабли называли субсветовиками.

Ее перехитрили!

– Это осложнение, – согласилась Мадемуазель после нескольких минут молчания. – Но не более того.

Хоури пощупала весьма чувствительную шишку на затылке – на том месте, по которому комусо – теперь она знала, что его имя Садзаки, – стукнул ее своей сякухати.

– Хорошенькое осложнение! – рявкнула она. – Меня похитили, понимаешь, глупая сука?!

– Понижь тон, девочка. Они про меня ничего не знают, и нет причин, чтобы узнали. – Энтоптическое изображение криво усмехнулось. – Если называть вещи своими именами, то сейчас я твой единственный друг. И ты должна изо всех сил хранить в тайне наш общий секрет. – Мадемуазель залюбовалась своими ногтями. – Давай-ка обсудим проблему поспокойнее. Какова наша цель?

– Ты знаешь об этом не хуже меня, черт бы тебя побрал!

– Да. Ты должна была проникнуть на корабль и отправиться на Ресургем. Каков твой статус?

– Эта сука Вольева назвала меня стажером.

– Другими словами, ты включилась в команду с ошеломительным успехом. – Теперь Мадемуазель спокойно прогуливалась по каюте: одна рука опирается на бедро, пальчик другой похлопывает по нижней губе. – И куда мы летим?

– У меня нет оснований считать, что не на Ресургем.

– Тогда, если говорить о главном, ничего опасного для наших планов не случилось.

Хоури очень хотелось придушить эту стерву, но ведь призрак придушить нельзя.

– А тебе не приходит в голову, что у них могут быть собственные планы? Знаешь, что сказала Вольева, перед тем как я брякнулась на пол без сознания? Что я теперь артиллерист! Интересно, что она под этим понимает?

– Теперь понятно, зачем им был нужен человек с военным опытом.

– А если окажется, что я не гожусь для такой работы?

– Не думаю, что ее это очень огорчит. – Мадемуазель прекратила ходить и приняла самое серьезное выражение лица. – Они, видишь ли, ультра. А ультра имеют доступ к технологиям, которые в колониальных мирах запрещены.

- К примеру?
- У них могут оказаться средства, возбуждающие чувство лояльности.
- Что ж, спасибо, что ты сообщила мне эту важную информацию так своевременно.
- Не волнуйся, я всегда учитывала возможность такого оборота. И приняла меры предосторожности.
- Ты меня совершенно успокоила.
- Имплантат, который я поставила тебе, производит антиген, ослабляющий действие психотропных средств. Кроме того, он передает мозгу сублиминальные формулы волеусиления. Вмешательство Вольевой будет полностью нейтрализовано.
- Тогда зачем вообще ты тратишь на меня время, сообщая, что должно произойти?
- Видишь ли, милая девочка, если Вольева прибегнет к таким средствам, тебе придется делать вид, что они действуют.

Спуск занял лишь несколько минут, давление и температура стабилизировались, достигнув средних для поверхности планеты показателей. Шахта имела максимальную ширину порядка десяти метров. Местами в стенах виднелись огромные ниши, где размещались пункты управления, склады оборудования и тому подобное. Были и расширения, где два лифта, идущих в противоположных направлениях, могли разойтись.

Главными строителями здесь были роботы. Они покрыли стены шахты тончайшей – в атом – пленкой. Она состояла из уложенных рядами нитей, которые роботы выделяли из органов, сходных с железами пауков. Сияние, проникавшее через стеклянный потолок, освещало полупрозрачные стены шахты, казалось уходившие в бесконечность.

– Почему вы раньше не рассказали о ваших находках? – спросил Силвест. – Ведь вы тут работали многие месяцы, если не годы.

– Скажем так: ваш вклад был для нас не так уж важен, – ответил Жирардо. – Во всяком случае, до сих пор, – добавил он.

На дне шахты они вошли в другой коридор, весь серебристый, чище и прохладнее того, что наверху. Окна в его стенах позволяли видеть огромную пещеру, наполненную строительными лесами и землеройным оборудованием. Силвест, благодаря своим глазам, мог фотографически запоминать увиденное, мог и увеличивать его при необходимости. Пройдя еще десять шагов по коридору, он так и сделал, еле слышно буркнув «спасибо» в адрес Кэлвина.

То, что он видел, заставляло его сердце биться все быстрее.

Прошли через двустворчатую бронированную дверь, возле которой извивались охранные энтоптики, изображавшие шипящих и плюющихся ядом змей. Затем попали в вестибюль с такой же дверью в дальнем конце. Жирардо сделал знак охранявшим дверь милиционерам, потом повернулся к Силвесту. Круглыми глазами и общим складом лица он походил на пекинеса, а еще на изрыгающего огонь демона с японской картины.

– Ну а теперь, – сказал Жирардо, – вам придется либо потребовать деньги назад, либо замереть в благоговейном молчании.

– Что ж, попробуйте меня удивить, – ответил Силвест с напускной беззаботностью, хотя пульс у него бился как бешеный, а внутри все дрожало от нетерпения.

Жирардо распахнул дверные створки. Дальше находилась комната размером в половину грузового лифта, совершенно пустая, если не считать ряда утопленных в стене секретеров. На одном из них лежала гарнитура – наушники с микрофоном, – а рядом стоял компад, на экран которого были выведены «карандашные» рисунки.

Комната имела косые стены, и потому потолок был заметно больше пола. Все это плюс широкие окна, по три на каждой стене, вызывало у Силвеста чувство, что он находится в гондоле воздушного корабля, летящего под беззвездным небом над черным океаном без единого маяка.

Жирардо выключил свет, и стало видно то, что лежало за стеклами окон.

С крыши строения, в котором они находились, свисали прожекторы, их яркий свет был направлен на амарантийский артефакт, расположенный значительно ниже уровня окон. Он выступал из почти отвесной стены пещеры – колоссальная полусфера безупречно-черного цвета, окруженная порталными кранами и строительными лесами. Шероховатые куски затвердевшей лавы все еще держались на ней, но там, где породу счистили, поверхность гигантского шара была гладка и темна, как обсидиан. Выступающая его часть была не менее четырехсот метров в ширину, хотя больше половины артефакта оставалось в стене.

– Вы знаете, кто его создал? – тихо спросил Жирардо и, не дожидаясь ответа, сообщил: – Он появился раньше, чем люди научились говорить. А на нем меньше царапин, чем на моем обручальном кольце.

Жирардо повел группу к шахте лифта, чтобы сделать последний спуск на дно огромной пещеры. Поездка заняла не больше тридцати секунд, но Силвесту она показалась сущей одиссеей. Эту находку он считал своим личным призом, она досталась с таким трудом, будто Силвест выковырял ее из базальта собственными окровавленными ногтями. И вот теперь загадочный объект громоздится над Силвестом, выпуклая поверхность еще испещрена фрагментами вмещающей породы. Через колосс, от края до края, проходит желоб. Оттуда, где сейчас стоит Силвест, он кажется тонким как волос, тогда как на самом деле у него метровая ширина, да и глубина не меньше.

Жирардо подвел группу к ближайшей башне – огромной бетонной башне с несколькими служебными ярусами. Башня стояла вровень с артефактом.

Внутри они вошли еще в один лифт, проходивший сквозь этот бетонный столб, и добрались до окружавшей верхушку башни кроны из строительных лесов. Желудок Силвеста сжимался от конфликтующих импульсов клаустрофобии и агорафобии. Силвест как будто физически ощущал давление неисчислимых мегатонн камня, и одновременно его мутило от страха высоты, вызванного подъемом на вершину огромной башни.

Небольшие бытовки и кладовые были вписаны в сложную каркасную композицию наряду с шахтой лифта. Люди высадились в комплексе помещений, где, казалось, звучали отголоски совсем недавно прерванной работы. Все объявления и предупредительные знаки были нарисованы вручную или наклеены. Работа тут носила временный характер, а потому не было смысла прибегать к энтоптическим проекторам.

Они прошли по дрожащему железному мостику, перекинутому от лесов к черной поверхности артефакта. Теперь они находились примерно на середине высоты объекта, вровень с желобом. С такого близкого расстояния находка уже не казалась сферической. Просто черная стена преграждала путь, такая же огромная и бездонная, какой Силвесту запомнилась Завеса Ласкала после возвращения с Морской Пены. Вместе со всеми Силвест шагал по мостику, пока не перешел в желоб.

Дальнейший путь вел вправо. С трех сторон от людей – слева, сверху и снизу – находилось сплошное черное вещество, из которого состоял артефакт. Путь вел по решетчатой конструкции, которая крепилась к стенке желоба с помощью присосок – поверхность артефакта не имела никаких шероховатостей. Справа шло металлическое, высотой до пояса, ограждение, за которым – сотни метров пустоты. Слева через каждые пять-шесть метров светили лампочки, приклеенные к гладкой стене, а через каждые двадцать метров попадались панели с какими-то непонятными символами.

Минуты через три крутого подъема по желобу Жирардо дал знак остановиться. Место, куда он привел Силвеста и других, представляло собой «нервный узел» из силовых кабелей, прожекторов, коммуникационных консолей. Правая стена желоба тут заворачивала внутрь объекта.

– Нам понадобилось несколько недель, чтобы найти вход в артефакт, – сказал Жирардо. – Вообще говоря, весь желоб был заполнен базальтом. Только когда мы его удалили, обнаружилось место, где порода уходила внутрь, будто пробкой затыкая вход в радиальный тоннель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.